

1000

ЗНАМЕНИТЫХ

ХАРЬКОВЧАН

CF FOLIO

100 знаменитых

Владислав Карнацевич

100 знаменитых харьковчан

«Фолио»

2005

Карнацевич В. Л.

100 знаменитых харьковчан / В. Л. Карнацевич — «Фолио»,
2005 — (100 знаменитых)

Дмитрий Багaley и Александр Ахиезер, Николай Барабашов и Василий Каразин, Клавдия Шульженко и Ирина Бугримова, Людмила Гурченко и Любовь Малая, Владимир Крайнев и Антон Макаренко... Что объединяет этих людей - столь разных по роду деятельности, живущих в разные годы и в разных городах? Один факт - они так или иначе связаны с Харьковом. Выстраивать героев этой книги по принципу «кто знаменитее» - просто абсурдно. Главное - они любили и любят свой город и прославили его своими делами. Надеемся, что эти сто биографий помогут читателю почувствовать ритм жизни этого города, узнать больше о его истории, просто понять его. Тем более что в книгу вошли и очерки о харьковчанах, имена которых сейчас на слуху у всех горожан, - об Арсене Авакове, Владимире Шумилкине, Александре Фельдмане. Эти люди создают сегодняшнюю историю Харькова. Как знать, возможно, прочитав эту книгу, кто-то испытает чувство гордости за своих знаменитых земляков и посмотрит на Харьков другими глазами.

© Карнацевич В. Л., 2005

© Фолио, 2005

Содержание

От автора	5
Аваков Арсен Борисович	7
Алчевский Алексей Кириллович, Алчевская Христина Даниловна	10
Артем	15
Ахиезер Александр Ильич	19
Багалец Дмитрий Иванович	27
Барабашов Николай Павлович	31
Бахчанян Вагрич Акопович	36
Бекетов Алексей Николаевич	40
Бекетов Николай Николаевич	44
Бернес Марк Наумович	48
Бессонов Владимир Васильевич	52
Блакитный-Эллан Василий Михайлович	56
Бугримова Ирина Николаевна	61
Быков Леонид Федорович	65
Вальтер Антон Карлович	69
Васильковский Сергей Иванович	73
Вернадский Владимир Иванович	77
Виленкин Александр Владимирович	84
Вишня Остап	88
Воробьев Владимир Петрович	92
Гельферих Максимилиан Христианович	98
Гиршман Леонард Леопольдович	102
Гмыря Борис Романович	105
Гризодубова Валентина Степановна	110
Гулак-Артемовский Петр Петрович	117
Гурченко Людмила Марковна	121
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Владислав Карнацевич

100 знаменитых харьковчан

От автора

«Харьков, он ленивый и хаотичный одновременно... ни на грамм не провинциальный по духу, в отличие от некоторых столиц».

С. Волохов

Провинциальность начинается тогда, когда пытаются во что бы то ни стало от нее отречься. А Харьков – город без претензий. С достижениями, но без претензий. Здесь нет всеобщего желания кому-то и что-то доказать, сделать город каким-нибудь символом. «Первая столица»? Это такой местный видеоканал...

«Наше главное богатство – это люди». Как часто приходится слышать эти слова! Для молодого, всего лишь 350-летнего Харькова это более чем верно. Не море, не полезные ископаемые и даже – уж извините – не история с обязательными в таких случаях достопримечательностями, а именно люди, которые здесь жили, работали и учились. Похоже, что знаменитые харьковчане так и не стали «историческими деятелями» в том монументальном смысле, который привыкли придавать этим словам. Эти люди как будто и не умирали, а все так же выходят из своего дома – того, что стоит в-о-о-о-н там, напротив, садятся в трамвай, идут по коридору института, предъявляют пропуск на проходной завода, покупают продукты на рынке... Не поэтому ли многие жители города не знают, где похоронены те, в чью честь названы улицы и станции метро? Может, именно поэтому в Харькове так мало памятников выдающимся харьковчанам? И некий культ города и его знаменитостей никак не удается создать – здесь нет *выдающихся*, здесь все свои, обычные люди. Академик и рабочий, артист и чиновник, бизнесмен и шофер – все живут на одних улицах, гуляют с детьми в одних дворах, и пыль у них на ботинках одна и та же – харьковская. Странно было бы увидеть памятник соседу!

Но эти «соседи» как раз и выводили Харьков – постепенно и как-то, что ли, незаметно для всей страны – на уровень «самыхсамых» городов. Так получилось, что здесь появилось все, что характеризует этот самый-самый уровень. Нужен хороший врач – езжайте в Харьков; хотите учиться (чему угодно) – конечно, в Харьков; ищите техническое решение – посоветуйтесь там же, найдется специалист по любому вопросу; защищаете диссертацию – отличные возможности. Опера, цирк, драма? Метро, самолет, поезд? Дискотека, футбол, радио? Да пожалуйста! Из небольшого малороссийского городка, создание университета в котором выглядело чуть ли не историческим курьезом, Харьков превратился в крупнейший центр всей «необъятной» Родины, с многочисленными научными и медицинскими учреждениями, заводами, вузами, театрами, злачными местами. Все больше появлялось и столичных знаменитостей, которые здесь впервые вышли на сцену, на стадион, стали к станку, получили образование. Далеко не всегда они афишировали этот факт своей биографии. И не потому, что стыдились. Просто Харьков – город без претензий...

Мы попытались собрать этих людей на страницах данной книги. Некоторые из них лишь родились в Харькове, другие провели здесь несколько плодотворных лет и успели стать гордостью именно этого города. Многие – учились в местных вузах, иные – провели в Харькове всю свою жизнь и искренне считали город своим. Мы не ставили перед собой задачи выстроить некую иерархию – «ТОП 100» харьковчан, расставленных по степени «знаменитости»: о ком-то до сих пор нет нужного количества информации, о других, наоборот: говорено – переговорено, писано – переписано. Кроме того, речь пойдет именно о *знаменитых* жителях города.

Поэтому не стоит удивляться тому, что кое-где выбор сделан в пользу популярного артиста или политика, в то время как тот или иной врач, ученый или директор завода, хорошо известный и почитаемый в Харькове, не попал в этот список. Каждого героя книги мы старались показать живым человеком и потому позволили себе коснуться и семейного его положения, и некоторых черт характера (не только положительных), и конфликтов с другими людьми, и (очень аккуратно) слухов или анекдотов, ходящих или ходивших о нем.

Надеемся, что эти сто биографий помогут читателю почувствовать ритм жизни Харькова, узнать больше о его истории, понять этот город. А кого-то, может, все-таки охватит гордость за своих знаменитых земляков, он посмотрит на Харьков другими глазами и поймет, что этот город без претензий – большой город. Не по площади, хотя и это тоже, не по населению, хотя и здесь все в порядке... Просто большой.

Аваков Арсен Борисович

(род. в 1964 г.)

*Крупный банкир и предприниматель.
С февраля 2005 года Харьковский губернатор.*

Очерк об Арсене Авакове в нашей книге можно считать своеобразным авансом. Ведь мы говорим о знаменитых харьковчанах, а Арсен Борисович долгое время не стремился быть на виду. Далеко не всем была известна фамилия одного из наиболее авторитетных и влиятельных бизнесменов города. Он «вышел из сумрака» лишь на президентских выборах 2004 года, когда открыто поддержал политическую оппозицию. В феврале того же 2005 года новая власть неожиданно для многих назначила его губернатором Харьковской области. Скажем прямо: для того чтобы фамилия Аваков более естественно смотрелась в одном списке с фамилиями многих других героев этой книги, молодому губернатору еще надо сделать очень много. Надеемся, что так и будет. Пока же Арсен Борисович, открывая список знаменитых харьковчан по алфавиту, замыкает его хронологически. Это будущее нашего города.

Родился Арсен Аваков в Баку 2 января 1964 года. По национальности армянин, переехав в Харьков, он стал членом довольно многочисленной местной армянской диаспоры. Поступил в Харьковский политехнический институт на одну из престижных специальностей – автоматизированные системы управления. С дипломом инженера-системотехника окончил институт в 1988 году и после этого два года работал по специальности в научно-исследовательском институте охраны вод. Но не это оказалось призванием Арсена Борисовича.

26-летний инженер быстро сориентировался в новой экономической обстановке. Уже в 1990 году Аваков основал одно из первых в Украине акционерных обществ – АО «Инвестор», в котором занял пост президента. Через два года был создан банк «Базис», который, несмотря на трудности и перипетии, существует до нынешнего времени и хорошо известен харьковчанам. История «Базиса» начиналась со скупки ваучеров и операций с долгами и век-

селями предприятий. Кстати, Аваков в свое время в соавторстве с верным партнером по бизнесу Геннадием Гаевым даже написал книгу о вексельном обращении. Вообще же Арсен Борисович открыл в себе коммерческие способности, необходимые для эффективного ведения дел, в самых разных отраслях: банковской, промышленной, информационной, строительной. Журналисты отмечают его талант лоббиста, приводят длинный перечень разнообразных «схем», благодаря которым удачливый предприниматель развивал свое дело. Сам губернатор утверждает, что зарабатывал деньги «не благодаря, а вопреки многим существующим законам...»

Как уже было сказано, Арсен Аваков получил возможность реализовать свои предпринимательские устремления сразу в нескольких направлениях. Коммерческий банк «Базис» оказался постоянным финансовым партнером крупнейшего предприятия города, работающего на экспорт, – ОАО «Турбоатом». В 2000 году коммерческие структуры Авакова приобрели важнейшее энергетическое предприятие Харькова – ТЭЦ-3. Ему же, по сути, принадлежала фабрика по расфасовке чая «Ахмад-ти» (по признанию головного офиса этой фирмы – лучшая в Восточной Европе), хлебозавод, компания по строительству элитного жилья, предприятия газодобывающей отрасли и многие другие объекты в регионе. В 2004 году Аваков получил звание Заслуженного экономиста Украины.

В определенный момент Арсен Борисович вышел и на медиа-рынок. Он стал совладельцем самого, пожалуй, рейтингового из региональных «7 канала» (вторым хозяином канала является Геннадий Кернес). Таким образом, Аваков уже мог серьезно влиять на умонастроения жителей Харькова, однако, в отличие от того же Кернеса, он не делал себе большого пиара.

Существует справедливое мнение о том, что крупный бизнес не может находиться вне политики. Не остался в стороне от нее и Арсен Аваков. Так, на выборах мэра в 2002 году он активно поддержал кандидатуру Владимира Шумилкина и после этого продолжал выражать лояльность городскому голове с помощью своего канала. Их и до сих пор связывают дружеские отношения. В том же 2002-м Арсен Борисович был избран членом исполнительного комитета Харьковского городского совета. В хороших отношениях один из главных местных «олигархов» был и с тогдашним губернатором Евгением Петровичем Кушнаревым.

Но несмотря на это в 2004 году интересы Арсена Борисовича и Евгения Петровича стали очевидно расходиться. На «7 канале», в отличие от центральных, предпочитали выдержанно говорить об оппозиции. Кушнарев же, естественно, был в «бело-голубом» лагере. Арсен Борисович совершенно открыто перешел на сторону Ющенко. В период «оранжевой» революции он стал заместителем регионального «Комитета национального спасения», сделал многое для того, чтобы в Харькове состоялся необычайно весомый для восточно-украинского города (в большинстве своем поддерживавшем Януковича), «Майдан». Журналисты «7 канала» уже открыто агитировали за «оранжевых», здесь транслировался и столичный «5 канал». Фамилия Авакова все чаще звучала в СМИ. Но даже при этом для большого процента харьковчан назначение его губернатором стало сюрпризом. Выбор президента пал на Авакова, которого поддержали влиятельные лица не только города, но и страны. Новое назначение состоялось 4 февраля 2005 года. Выступая сразу после этого перед активом области, Арсен Борисович вспомнил слова Наполеона: «50 тысяч солдат и я – это 100 тысяч солдат».

Харьковчане восприняли известие об этом неоднозначно. Во-первых, сторонники Януковича, так или иначе, были бы недовольны любым «оранжевым» кандидатом. Во-вторых, пораживала очевидная связь Арсена Борисовича с бизнесом. Крупный банкир, «владелец заводов, газет, пароходов»... Это как-то не очень вязалось с декларативным стремлением нового президента и его соратников «отделить власть от бизнеса». В Харькове сразу же состоялось несколько акций протеста. В ответ Аваков демонстративно отказался от своего бизнеса – например, вышел из наблюдательного совета АО «Инвестор» и АКБ «Базис». Губернатор убеждал и убеждает, что во власть его привели не экономические интересы, а жизненные идеалы, которых, по его мнению, старая власть лишала украинское общество. При этом Арсен Бори-

сович не стесняется напоминать о том, что он состоятельный человек. Губернатор считает, что в связи с этим обстоятельством его невозможно подкупить. Аваков сразу заявил о поддержке программы новой власти на искоренение коррупции, обеспечение полной свободы слова и о том, что приоритетное значение отдает вопросам восстановления общественной морали.

Новый хозяин области столкнулся и с другими, более практическими социальными и экономическими проблемами. Это и продолжение строительства нового метро, за деньгами на которое мэр и губернатор безуспешно обращались к центральным органам, и финансирование завода им. Малышева (и вообще подъем местного машиностроения), и обеспечение посевной, и борьба с экономическими преступлениями. В рамках этой борьбы, по сообщению Авакова, в Харьковской области, например, была выявлена преступная группа по расхищению конденсата, которая действовала на территории четырех районов. Также пресечены были «левые» операции в лесном хозяйстве. Еще на своем представлении Арсен Борисович пообещал создать к концу года 50 тысяч новых рабочих мест. Важным участком своей работы он считает привлечение инвестиций и находит очень конструктивной в этом смысле деятельность, которая ведется в отношении Харьковского авиастроительного завода. Несмотря на определенную сложность отношений Украины и России, Арсен Борисович хочет сделать Харьковскую область регионом образцово эффективного и взаимовыгодного сотрудничества с российскими предпринимателями. Губернатор обещает возродить сеть сельских библиотек, борется с игровыми автоматами на улицах, заботится о программе «Школьный автобус» и т. д.

Глава Харьковской областной администрации начинает рабочий день в 8 утра, а заканчивает иногда в 2 часа ночи. Говорит, что как системотехник надеется наладить работу аппарата таким образом, чтобы не приходилось постоянно вникать во все подробности и прилагать сверхусилия. В областной государственной администрации и районных администрациях произошли серьезные кадровые изменения, в частности, значительное омоложение состава. О результатах работы команды Авакова говорить, по большому счету, еще рано, но когда Арсен Борисович рассказывает об экономическом росте, перевыполнении планов по налогам, он излучает оптимизм. Аваков вообще улыбчив и раскован, ему не откажешь в обаянии. Он любит общаться с прессой и тележурналистами, завел в Интернете собственный форум.

Арсен Борисович женат, воспитывает сына. Его самое известное увлечение – научная фантастика. Недаром долгое время он спонсировал международный фестиваль фантастики «Звездный мост». Еще Аваков признается, что любит путешествовать. Впрочем, сейчас ему не до этого. У него много дел – ему еще надо вписать свое имя в историю Харькова. Желательно золотыми буквами.

Алчевский Алексей Кириллович, Алчевская Христина Даниловна

АЛЧЕВСКИЙ АЛЕКСЕЙ КИРИЛЛОВИЧ
(род. в 1835 г. – ум. в 1901 г.)

АЛЧЕВСКАЯ ХРИСТИНА ДАНИЛОВНА
(род. в 1841 г. – ум. в 1920 г.)

Алексей Алчевский – крупный банкир, промышленник, меценат. Христина – его жена. Основательница бесплатной женской школы, подвижница народного просвещения

... а также Иван, Дмитрий, Николай, Григорий, Анна и, наконец, младшая – Христина. Все они достойны отдельных статей. Уникальная семья, феноменальные таланты, разносторонние люди. Каждый из них оставил свой след в истории Харькова и не только его. Как верно подмечено в одной статье, название города Алчевска – это памятник не только главе славной семьи, Алексею Кирилловичу, но и всем его родственникам, трудившимся на благо народа Украины.

В центре Харькова многое напоминает о семье Алчевских. В помещении знаменитой школы Христины Даниловны находится выставочный зал Художественного музея, недавно установлен памятник Алексею Алчевскому – подарок города Алчевска к 350-летию Харькова, сохранились здания банков, которыми руководил Алексей Кириллович. Едва ли не каждый видный городской деятель – ученый, администратор, художник – так или иначе был связан с Алчевскими.

Алексей Кириллович родился в Сумах в 1835 году в семье владельца бакалейной лавки. От отца Алексей унаследовал в первую очередь предприимчивость, образование же он получил довольно слабое – окончил два класса местного училища. Развернуть активную экономическую деятельность он решил в Харькове, куда и переехал в 1860 году. Открыл он здесь скромную чайную фирму. За книги о финансах и торговле засел самостоятельно, как и просто за книги. Тяга Алчевского к знаниям была исключительно велика – недаром он через некоторое время стал активно трудиться на просветительском поприще, возглавлял местную «Громаду», спонсировал проекты своей жены Христины Даниловны.

Христина Даниловна родилась на Черниговщине в селе Борзна 14 (26) апреля 1841 года. Отец ее был учителем. Как это ни странно, но он был категорически против того, чтобы его дочь получала образование, считал это не женским делом. Так что пришлось юной Христе подслушивать под дверью, как занимаются с нанятым за гроши семинаристом ее братья. Было это уже в Курске, куда переехала семья Журавлевых (такова была девичья фамилия Христины Даниловны). Втайне от отца девушка доставала книги, журнал Герцена «Колокол», научилась разбираться в искусстве, однажды даже напечатала свои стихи в «Северной пчеле». Алексей Кириллович Алчевский брал в жены человека, возможно, более образованного, чем он сам, хотя и не имевшего об этом никаких свидетельств.

Уже через год после приезда в Харьков Христина Даниловна поступила на работу в воскресную школу учителем. Но школа практически тут же была закрыта, и Алчевской пришла в голову мысль учить бедных девушек (модисток, прислугу, фабричных работниц, жен и дочерей ремесленников) дома. Было набрано 50 учениц, которых бесплатно начали учить ряду основных предметов. Алчевская посвящала этому благому делу большую часть жизни. Постепенно она привлекла к работе ряд серьезных харьковских ученых, позже в школе (опять же бесплатно, «на энтузиазме») преподавали такие крупные представители науки, как историк Багалея и физиолог Данилевский. Но для начала Христине Даниловне пришлось преодолеть множество административных препон. Школу несколько раз пытались закрыть. В частности, под тем предлогом, что Алчевская не имеет диплома учителя. В конце концов через восемь (!) лет активной преподавательской деятельности Христине Даниловне пришлось сдать экзамен по арифметике, русскому языку, Закону Божьему, после чего от нее на некоторое время отстали, дали возможность перенести занятия из дома наставницы в помещение начального училища. А в 1896 году архитектор Бекетов выстроил то самое здание, в котором сейчас находится Художественный музей.

Количество учениц Алчевской постоянно увеличивалось (оно было доведено к концу педагогической деятельности Алчевской до пятисот), рос ее авторитет не только в Харькове, но и за его пределами. Выдающаяся просветительница в 70-х годах начала печатать статьи о

народном образовании. Самым большим ее достижением на этом поприще было издание библиографического справочника «Что читать народу», о котором очень хорошо отозвались Лев Толстой, Александр Островский, Иван Франко. Сборник выдержал 17 изданий. Отдельную переписку с Христиной Алчевской вел Достоевский, который называл свою харьковскую корреспондентку человеком, который «имеет дар «одно *хорошее* видеть»... Кроме того, вижу, что Вы сама – из новых людей (в добром смысле слова) – деятель и хотите действовать». Первый том упомянутого сборника был отмечен наградой на Всемирной Парижской педагогической выставке. Христина Даниловна стала признанным авторитетом в области методики преподавания грамоты взрослым. Алчевская участвовала в нескольких зарубежных выставках, состояла членом многочисленных просветительских обществ. По примеру ее харьковской школы подобные заведения возникли еще в двенадцати городах России, в том числе в Москве. В 1910 году она была избрана вице-президентом Международной лиги просвещения.

Алексей Кириллович Алчевский полностью разделял убеждения жены и одобрял ее деятельность. (Собственно, на чьи деньги эта деятельность могла осуществляться?) Дела же его шли в гору по мере развития в России капиталистических отношений. Он сам и двигал их вперед. В 1868 году Алексей Алчевский основал в Харькове первый в Украине банк коммерческого кредита (Харьковский торговый банк), через три года он же создал первый во всей империи Земельный банк. Вскоре Алексей Алчевский был избран главой Харьковского биржевого комитета.

Основной задачей Земельного банка были операции с землей помещиков, которые после реформ Александра Освободителя не могли сами содержать свои огромные участки. Банк выдавал любые ссуды землевладельцам под залог недвижимости. Земли же тех, кто не мог рассчитаться с долгами, переходили к новому хозяину – им чаще всего становился опять же Алчевский. Как один из первых русских олигархов, Алексей Кириллович, конечно, не ограничивался банковской деятельностью, в аренду лучше сдавать самому себе, а на новых землях развивать прибыльное производство – так решил действовать Алчевский. В тот момент наиболее перспективным было вложение денег в быстро растущую горнодобывающую промышленность, металлургию. Все это происходило тут же под боком – в Донбассе. Алексей Кириллович путем скупки земель у помещиков, заключения договоров с крестьянами приобрел чуть ли не половину всей нынешней Луганской области. Здесь он основал Донецко-Юрьевское металлургическое общество (ДЮМО), здесь же вело основные работы также основанное Алчевским Алексеевское горно-промышленное общество. Концентрация в своих руках производственной цепочки уголь – металл позволила Алексею Кирилловичу быстро увеличить во много раз свой капитал. (К концу XIX века, по некоторым источникам, он достигал 30 миллионов рублей.) В отличие от ряда своих коллег Алексей Алчевский отказался от государственных заказов (касавшихся, как правило, производства рельсов), а построил работу предприятий на фундаменте частного спроса. Он был категорическим противником проникновения на российский рынок и российские заводы иностранного капитала – бельгийцев, французов, англичан. Несколько раз представители зарубежных компаний делали Алчевскому заманчивые предложения по продаже контрольного пакета акций его предприятий (например, горнопромышленного общества, акции, изначально стоившие пятьсот рублей, теперь шли по две тысячи), но получали от ворот поворот.

Кроме указанных заводов, Алчевский создал объединение «Русский провиданс» в Мариуполе, на основе которого впоследствии был построен знаменитый металлургический комбинат им. Ильича. Чайную торговлю предприниматель оставил в управлении жены – «на булавки».

В Харькове, как уже было сказано, Алчевский лично участвовал в ряде просветительских проектов – создании публичной библиотеки (ныне им. Короленко), Общества распространения грамотности среди народа. Комитет этой организации в Сумах возглавил брат Алексея

Николай. В Сумах же братья Алчевские открыли женскую воскресную школу, публичную библиотеку. Следует заметить, что Алчевские очень интересовались именно украинской культурой, ратовали за ее развитие. В сборнике «Что читать народу» были отдельные главы, посвященные украинским произведениям, в первую очередь Шевченко. Первый в городе памятник Кобзарю был установлен на территории усадьбы Алчевских в 1899 году. Алексей Кириллович активно работал в «Громаде» (в том числе и тогда, когда ей пришлось уйти в подполье). Сын Иван, работая в Большом театре в Москве, основал музыкально-драматическое общество «Кобзарь».

Заботились супруги и о развитии образования среди рабочих созданных Алексеем Кирилловичем предприятий. В Алексеевке Христина Даниловна открыла сельскую школу с преподаванием на украинском языке. Учителем был приглашен знаменитый писатель Борис Гринченко. Сейчас в школе создан музей Гринченко, на входе в который висит портрет Христины Даниловны Алчевской.

В Харькове под впечатлением от работ Чернышевского Христина Даниловна открыла специальную швейную мастерскую для «девушек, погибающих в нищете и разврате». К сожалению, когда мастерская перешла к другой хозяйке, она превратилась в заурядный модный магазин. В годы русско-турецкой войны Христина Даниловна работала в больнице.

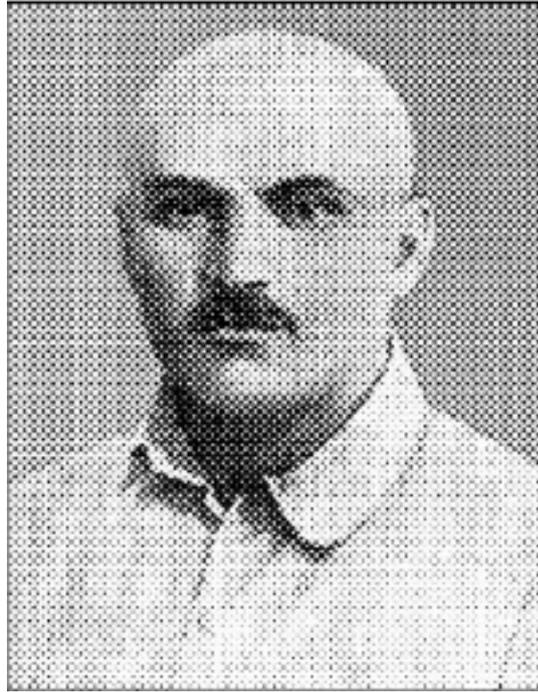
К работе в харьковской школе Алчевской были привлечены и ее дети. Их у четы Алчевских было шестеро. Практически все они стали известными людьми. Иван – один из лучших российских теноров, солист Мариинского театра; Григорий – педагог-вокалист, композитор; Дмитрий – кандидат естественных наук, он остался в совете акционерного Алексеевского горно-промышленного общества и после смерти отца; Николай – театральный критик и педагог, автор украинского букваря, изданного в 1919 году; Анна – художница, вышла замуж за архитектора Бекетова. Христина Алексеевна – известная поэтесса, училась в Париже, состояла в переписке с Ольгой Кобылянской, Лесей Украинкой, Иваном Франко, лично дружила с небезызвестным харьковским адвокатом Михновским (ярким националистом, организовавшим взрыв памятника Пушкину), затем была одним из организаторов первой украинской политической партии РУП (написала для нее гимн), участвовала в митингах и стачках в 1905 году. Христина Алексеевна была не только поэтессой, но и переводчиком – осуществила перевод на украинский язык ряда романов Гюго, на французский переводила Шевченко.

Трагически закончилась жизнь главы семейства. В 1900 году в стране начался экономический кризис (в 1900–1903 годах им была поражена вся мировая экономика), все увеличивалось количество банкротов, закрывались крупнейшие заводы, товары не находили спроса. Некоторое время предприятия Алчевского продолжали работать как ни в чем не бывало – на поддержание производства и зарплат Алексей Кириллович стал использовать не доходы от продаж, а резервы Земельного банка. В конце концов банк разорился. Весной 1901 года Алчевский впервые отправился «на поклон» к императору, он просил о размещении на его заводах государственных заказов. Правительство отказало харьковскому дельцу – то ли потому, что мстило ему за предыдущие отказы, то ли под нажимом иностранного лобби. 7 мая 1901 года Алексей Кириллович погиб под поездом на Царскосельском вокзале. До сих пор обстоятельства его смерти остаются невыясненными. Версии таковы: несчастный случай, самоубийство разорившегося и отчаявшегося предпринимателя или... Акции предприятий Алчевского были скуплены французами и бельгийцами за считанные месяцы после его смерти. В то же время исследователи утверждают, что финансовое положение Алексея Кирилловича было далеко не столь плачевным, он еще располагал несколькими миллионами рублей. Ищи, кому выгодно? Впрочем, другие историки утверждают, что долг Алчевского составлял 19 миллионов рублей и без продажи предприятий выплатить его он не мог бы. Харьковский торговый банк после смерти его руководителя был закрыт, Земельный оказался в руках москвичей Рябушинских.

Так или иначе, работники ДЮМО сохранили память о своем благодетеле. В 1903 году по их просьбе станция Юрьевка была переименована в Алчевск, а вслед за станцией то же имя получил и рядом находящийся поселок. Это имя он носит и сейчас.

Христина Даниловна и после смерти мужа продолжила заниматься благотворительностью и просвещением народа. Умерла 15 августа 1920 года, всего за год до этого она прекратила работать в своей школе.

Артем

Настоящее имя – Сергеев Федор Алексеевич (род. в 1883 г. – ум. в 1921 г.)

Профессиональный революционер, организатор революционного движения на востоке Украины, Урале, в Австралии.

Темное это было дело – Российская революция. Многие события нам до сих пор известны лишь в общих чертах. Многолетняя правка отечественной истории, секретность информации, участие в событиях осторожных органов разведки и контрразведки – все это скрывало от нас истинную суть событий, профессиональные революционеры из живых людей превратились в памятники и улицы. Их деятельность рисовалась исключительно последовательной и согласованной. Казалось бы, разве были какие-то секреты у советской идеологии по поводу такого пламенного большевика, как Артем? Верный ленинец, не репрессирован... Его имя не вымарывалось из учебников. Но что мы на самом деле о нем знаем? Попытаемся еще раз взглянуть на биографию этого уважаемого в Харькове человека и хотя бы обозначим наши вопросы к будущим исследователям жизни товарища Артема.

Настоящее имя, фамилия и отчество Артема – Федор Андреевич Сергеев. Но в партии его называли исключительно псевдонимом. Собственно, так же псевдонимы использовало множество руководителей большевиков, но чуть ли не один Сергеев пользовался даже на официальном уровне псевдонимом-именем. Так, в составе ЦК, избранном в 1920 году, сказано, что членами комитета являются «Андреев А. А., т. Артем, Бухарин Н. И., Дзержинский Ф. Э...» Почему? Спишем это на необычайную популярность Артема среди простых рабочих. Ведь в организации их движения Артем провел полжизни, постоянно меняя место работы, оказываясь то на Урале, то в Донецке, то в Китае... Но обо всем по порядку.

Родился революционер 7 (19) марта 1883 года в селе Глебово Фатежского уезда Курской области. Отец и дед Федора происходили из крестьян, но уже давно занимались подрядами на строительство. Среди сооружений, которые возводили предки Артема, например, Луганский вокзал. Работали они и на строительстве Транссибирской магистрали. Возможно, самые выгод-

ные заказы в конце позапрошлого века поступали из бурно развивающейся промышленной, угольной, металлургической, железнодорожной восточной Малороссии. Туда-то, а именно – в Екатеринославскую губернию (охватывавшую значительную часть Донбасса) и направилась семья Сергеевых. В Екатеринославе Федор Сергеев окончил реальное училище, после чего отправился в Москву, где поступил на механический факультет Высшего технического училища (того, что сейчас носит имя другого революционера – Баумана). Надо сказать, что заведение это было престижное, вероятно, семья Сергеевых не бедствовала. В училище Федор проучился лишь год (1901? 1902), а в феврале 1902 года уже в качестве члена недавно созданной РСДРП принял участие в студенческих забастовках, был исключен из вуза и посажен в Воронежскую тюрьму. Отбыв полугодичное заключение, Артем (теперь его следует называть только так) эмигрировал за границу, очутился в Париже, где, по некоторым данным, его приютил... Илья Мечников! Профессор был, конечно, либералом по убеждениям, но факт все равно в высшей степени занимательный.

В Париже Артем поступил слушателем в Русскую высшую школу общественных наук М. Ковалевского. В школе прошли подготовку многие представители левых партий России. Лекции здесь читал и Владимир Ленин. Вернувшись в Россию, а точнее – в Украину¹, Артем был распространителем «Искры», работал в Екатеринославе, городах и поселках Донбасса, сотрудничал с Южным бюро ЦК РСДРП. В начале 1905 года Артем выходит из очередного заключения и становится лидером революционного движения в Харькове, организует здесь большевистскую группу «Вперед». В декабре именно он руководил в городе вооруженным восстанием рабочих, которое, впрочем, ни к чему особенному не привело. В 1906 году он избирается делегатом 4-го (объединительного) съезда РСДРП. К этому моменту он уже твердо стоит на большевистской платформе, является одним из тех, кто делает всю работу на местах по указанию заграничных руководителей, бросается в самое пекло, выполняет самые ответственные задания. Артем профессиональный революционер, он стреляет, скрывается от полиции (однажды ему пришлось прятаться в больнице для умалишенных). Любопытно, что он обладал потрясающей способностью к перевоплощению, чему, вероятно, способствовала заурядная внешность. В том же 1906 году Артем снова арестован, бежит из харьковской тюрьмы на Урал, где по заданию партии организует рабочее движение. Его деятельность привела к тому, что на выборах в Государственную думу рабочую курию выборщиков региона составили почти сплошь одни большевики.

Из-за предательства одного из близких соратников в Перми Артем снова арестован, а по истечении срока заключения приговорен к пожизненной ссылке в Восточную Сибирь. И здесь он надолго не задержался. В 1910 году через Корею и Японию Артем бежит в Китай. Некоторое время он работал в Поднебесной простым кули (чернорабочим), затем направился в Австралию. В Квинсленде он работал портовым грузчиком, батрачил на фермах. Деятельность здесь российского революционера сама по себе одна большая загадка. Как ему удалось столь быстро получить доверие австралийских рабочих и социал-демократов? Ведь речь идет о подданных Британской короны, у которых традиции рабочего движения уже насчитывали сотню лет. Артем (или Большой Том, как его называли австралийские коллеги) не только создал Союз русских рабочих-эмигрантов, но и начал издавать газету «Австралийское эхо», возглавил несколько профсоюзных акций. «Зрелище неорганизованных масс для меня невыносимо», – писал тогда неутомимый большевик.

После Февральской революции Артем возвращается в Харьков, поступает слесарем на завод русско-французского общества, возглавляет большевистский комитет Харьковского Совета, на VI съезде РСДРП(б) избирается членом ЦК. В Харькове под его руководством изда-

¹ «Я позорно бежал в Россию, потому что я чувствовал себя плохо среди непонятной мне европейской культуры. И чувствовал себя в своей стихии в сравнительно варварской России», – так он писал о своем возвращении на Родину.

ется газета «Пролетарий», он же становится секретарем областного бюро профсоюза металлистов. Одновременно участвует в работе партийных организаций Донецко-Криворожского района, где также пользуется большим авторитетом. Артем возглавлял Донецкий областной комитет РСДРП(б).

Пламенный оратор, решительный практик, зарекомендовавший себя как непревзойденный организатор большевистских и рабочих отрядов, боевых дружин, в октябре вызывается в Петроград, где непосредственно участвует в большевистском перевороте. Потом – снова Украина. Здесь тогда разворачивались бурные события. В Киеве свою власть над Украиной провозгласила Центральная Рада, а в Харькове категорически возражали против этого большевики во главе с Артемом. С 24 ноября он был председателем президиума исполкома Харьковского Совета и губернского Военно-революционного комитета, и одновременно на Донбассе, еще до организации Красной Армии, под руководством товарища Артема создаются вполне боеспособные войсковые части.

В декабре 1917 года в Киеве созывается I Всеукраинский Съезд Советов, на котором Центральная Рада правдами и неправдами обеспечивает себе подавляющее преимущество. Киевские большевики – Затонский, Скрыпник, Бош и другие вынуждены были покинуть съезд и переехать в пролетарский Харьков. В это же время здесь проходил III Съезд Советов Донкривбасса, признанным лидером на котором был Артем. Надо сказать, что киевских коллег здесь приняли не так уж тепло. Противоречия между ленинским руководством, сторонниками единой Советской Украины вместе с Донецкой областью и руководителями Донецко-Криворожской республики до сих пор остаются не до конца изученными. Судя по всему, Артем сотоварищи вовсе не считал необходимым и само собой разумеющимся вхождение Советского Донбасса и Кривбасса в состав Советской Украины. Центром же промышленной Восточно-Украинской республики он видел Харьков. Но тогда, в конце 1917 года, большевикам все же удалось договориться, и 25 декабря в Харькове альтернативный киевскому съезд Советов провозгласил образование Советской Украины. Артем был избран членом ЦИК Советов Украины и вошел в состав советского украинского правительства – Народного Секретариата. Артем занимал должность народного секретаря по делам промышленности и торговли.

В январе 1918 года он стал председателем Южного областного Совета народного хозяйства, руководил национализацией предприятий. Вскоре был заключен знаменитый Брестский мир (сторонником которого, в отличие от многих соратников по партии, Артем был с самого начала), и политическая ситуация в Украине резко изменилась. Украину быстро занимали немецкие войска. Вот тут-то и появилась на свет пресловутая Донецко-Криворожская советская республика. Она была провозглашена 9 февраля, столицей стал Харьков, а главой Совнаркома и комиссаром народного хозяйства Артем.

Надо сказать, что хоть центральное российское руководство и использовало новое образование для борьбы с немцами (официально после заключения договора Россия в Украине действовать не могла, а вот всячески поддерживать и деньгами, и инструкциями дружественное государственное образование – это совсем другое дело), его отношение к ДКР было далеко от одобрительного. Ленин видел Донбасс в составе Украины. Поэтому-то в Харькове на учредительной конференции появился Серго Орджоникидзе, имевший личное указание от Ленина «помирить» всеукраинских большевиков (Затонский, Скрыпник и другие) и донецко-криворожских (Артем, Межлаук, Рухимович). Это ему не удалось. На сообщение же об образовании ДКР Свердлов прислал телеграмму, где прямым текстом было сказано: «Отделение считаем вредным».

Несмотря на это, правительству Донецко-Криворожской республики удалось организовать серьезный отпор войскам Центральной Рады и Германии. Поездку Артема в Екатеринослав, где 17-19 марта 1918 года состоялся Всеукраинский съезд и подписание им «Декрета военных действий», согласно которому объединялись силы всех южнороссийских Советских

республик (УНР, ДКР, Крымской, Одесской и Донской), официальная историография считает концом существования Донецкой республики. Но на самом деле войска ДКР организованно отошли из Украины на Новочеркасск только 23 апреля², а подпольный обком продолжал действовать в регионе до освобождения его немцами в начале 1919 года.

А дальше – Артем среди организаторов Красной Армии и ее действий на юге России, участник обороны Царицына, борьбы с войсками Каледина. В 1918–1919 годах он работал заместителем председателя и одновременно народным комиссаром советской пропаганды Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, с апреля 1919 года был председателем Донецкого губисполкома. Затем возглавлял борьбу с деникинскими войсками. В ноябре 1920 года Артем отозван в Москву, где становится секретарем Московского комитета РКП(б). В этом же году он вторично был избран в ЦК партии. С февраля 1921 года Артем – председатель Центрального Комитета Всероссийского союза горняков, член Совета труда и обороны РСФСР, работает в Топливном комитете при СНК. Он принимает активное участие в работе Коминтерна и Профинтерна, мечтает о создании Всемирной организации шахтеров.

Главная загадка биографии Артема – его гибель. Во многих официальных источниках написано, что он погиб при катастрофе аэровагона. Некоторые авторы утверждают, что это не что иное, как вагон, оборудованный пропеллером. Такое устройство было выделено делегатам Конгресса Коминтерна для поездки в Тулу для ознакомления с местной добычей угля главкомом Советской республики С. С. Каменевым. На обратном пути 24 июля 1921 года в 6 часов 35 минут, на 104 версте Курской дороги аэровагон сошел с рельсов. Из 22 делегатов 6 погибли. В том числе и Федор Андреевич Сергеев. Похоронен один из старейших по стажу большевиков, любимец металлистов и шахтеров у Кремлевской стены. До сих пор многие утверждают, что Артем был устранен партийными бонзами, видевшими в нем опасного конкурента, авторитетного, харизматичного, заслуженного. Нелепая смерть для человека, прошедшего через горнило трех революций, Гражданской войны, нескольких тюрем и ссылки...

Всего за полгода до смерти Артема 24-летняя жена Елизавета Львовна подарила ему сына – Артема. После смерти отца его усыновил сам Сталин, к слову, большой друг погибшего революционера. Так что воспитывался Сергеев-младший Надеждой Аллилуевой вместе с детьми «отца народов». Он выбрал карьеру военного, стал артиллеристом. Участвовал в Великой Отечественной войне и проявил такую же отчаянную смелость, как и отец. Был взят в плен, побывал в трех немецких лагерях, бежал, примкнул к партизанам, участвовал в боях за Москву, Сталинград, Кенигсберг, Варшаву, Прагу. Артем Федорович носит на груди настоящий иконостас из боевых орденов. В отставку вышел в звании генерал-майора артиллерии.

Поскольку Артем не дожил до сталинской эпохи, его не пытались забыть. Наоборот, охотно называли его именем города, улицы и дома культуры. В Украине его именем был назван город Бахмут Донецкой области (ныне Артемовск). В Харькове Епархиальная улица была переименована в улицу Артема, в его же честь назван один из городских парков культуры и отдыха.

² Любопытно, что при отступлении Красной Армии Артем убедил рабочих не затоплять шахты. На этом основании некоторые исследователи даже подозревают его в тесных связях с Германией. Зато, когда советская власть окончательно утвердилась в регионе, Артем лично очень много сделал для того, чтобы все предприятия Донбасса заработали на всю возможную мощность. Другой известный эпизод, связанный с отступлением Советов из ДКР, – Артем, вооруженный пистолетом, прекращает панику среди красноармейцев на Харьковском вокзале.

Ахиезер Александр Ильич

(род. в 1911 г. – ум. в 2000 г.)

Выдающийся физик-теоретик, создатель собственной школы теоретической физики.

В 30-х годах прошлого века Харьков превратился в один из известнейших центров физической науки не только СССР, но и всего мира. Причина – организация в городе крупного физико-технического института УФТИ и работа в нем ряда крупнейших ученых. Именно в Харькове, впервые в Союзе, был основан при институте теоретический отдел, история которого, конечно, в первую очередь, связана с именем Льва Ландау. Знаменитый ученый проработал в Харькове лишь несколько лет, но он успел на долгие годы вперед заложить основы развития теоретической физики в УФТИ. Так что даже после переезда столицы в Киев, после разрушительной войны, когда многие деятели науки и культуры оставили Харьков, ученые продолжали здесь трудиться, слава города как физического центра не померкла. Свои собственные школы создавали здесь уже ученики Ландау, которые сами стали легендами. Лев Давидович говорил, что Харьков стал удельным княжеством всемогущего Ильмеха – Ильи Михайловича Лифшица. На самом деле «князей» было двое, соперничество их школ было известно не только представителям физической науки, многолетняя плодотворная работа двух мудрецов из УФТИ и их преданных учеников и соратников определила интеллектуальное лицо Харькова. Главой другой школы был выдающийся физик-универсал Александр Ильич Ахиезер – знаменитый АИ.

Александр Ильич скончался сравнительно недавно, не дожив чуть-чуть до своего 90-летнего юбилея. До последнего дня он оставался в курсе всех основных проблем и тем ХФТИ, руководил проектами, давал советы молодым и уже совсем немолодым ученым, писал (вернее, диктовал) статьи и заметки. Он оставался на вершине харьковской научной иерархии, живой легендой, но и живым человеком. Таким образом, практически вся история Харьковского физико-технического института неразрывно связана с биографией этого человека. Александр Ильич пришел сюда в 34-м году, ушел... Да еще не ушел, работы АИ остаются одними

из самых цитируемых, многие направления исследований заданы именно Ахиезером. Мы уже не говорим о том, сколько человек являются его учениками, а сколько учениками учеников, а сколько учениками учеников учеников.

Родился Александр Ильич Ахиезер 31 октября 1911 года в селе Чериков в Белоруссии. Отец его – Илья Александрович был земским врачом, закончившим, между прочим, Харьковский университет. Он мог бы остаться в Харькове, переехать в другой большой город – способности позволяли, но видел свое призвание в принесении конкретной пользы народу. Человеком он был исключительно и необычно интеллигентным для мест, где он жил. Так же, как и его жена, Наталья Григорьевна, знавшая, например, немецкий язык, любившая классическую литературу. Так что нет ничего удивительного, что оба сына четы Ахиезеров получили высшее образование, оба отличались удивительной эрудицией, часто не связанной с их непосредственной деятельностью. Старший – Наум Ахиезер тоже стал известен именно в Харькове. Этот блестящий математик работал в Харьковском университете много лет. Младшему брату он в детстве стал прививать любовь к математике. Александр намного обогнал своих сверстников в познаниях по данному предмету. Наум научил его вычислению сложнейших интегралов и многим другим вещам. Но когда стал вопрос о выборе профессии и речь зашла о математике, жена Наума Ильича сказала, что хватит уже в семье одного человека, который сушит себе мозги. Так что Саша Ахиезер отправился поступать в Киевский политехнический институт. Туда он был принят легко – как выходец из семьи, близкой к пролетариату (земского врача считали представителем именно такого сословия), а также представитель братской республики.

Александр закончил электротехнический факультет этого вуза. О своей учебе он всегда вспоминал с удовольствием. Пришелся ему по душе и бригадный метод. В его бригаде, например, был представитель от партии и от рабочих. А сам Ахиезер отвечал за решение математических задач и сдачу экзаменов. Как инженер по образованию, Александр Ильич навсегда сохранил особый пиетет к прикладным наукам, никогда не был высокомерен в общении с экспериментаторами – наоборот, с большим интересом расспрашивал их об их работе. Но ему суждено было стать теоретиком. По окончании института он по предложению старшего брата направился в Харьков, чтобы там заняться теоретической физикой, поскольку, по мнению семьи, он уже неплохо в этом разбирался. Разбирался он в физике довольно слабо, что и доказал немедленно начальник теоретического отдела УФТИ Лев Ландау. Об этой первой встрече обожавший Дау Ахиезер не раз вспоминал впоследствии. В институте, который еще пах свежей краской (было это в 1934 году), его встретил Антон Вальтер и повел к Ландау. Лев Давидович встретил его в своем кабинете, закинул ноги на стол и попросил написать уравнение Максвелла в четырехмерной форме. Этого инженер из Киева сделать не мог. Не справился Александр Ильич и со следующим физическим заданием. Ландау это нисколько не смутило. «Вас же в Киеве учили? – переспросил он. – А там не физики, а дантисты». Посмотрим, что Вы знаете по математике». Ахиезеру был предложен интеграл, который он с блеском решил, да еще и нетривиальным методом. (Сказались занятия с братом.) Ландау был вполне удовлетворен и сказал, что берет нового сотрудника в свой теоретдел, но «физику придется изучить».

Молодые люди, которых набирал к себе Ландау, действительно должны были заново учить физику. Лев Давидович разработал теоретический минимум, включавший в себя около восьми основных физических разделов, которые экзаменуемые должны были знать «на зубок». Всего за его жизнь этот теорминимум сдало около 40 человек, большинство из которых стали академиками. Первым сдавшим был А. Компанеец, вторым многолетний соавтор и друг Дау Евгений Лифшиц, а третьим стал Шура (так его называл Ландау). Сдавшие экзамен могли впоследствии обращаться к учителю на «ты». Многие сотрудники Александра Ильича вспоминают, что у него, как и у самого Дау, была своя иерархия физиков мира. Эйнштейн был Богом, а отношение к Дау у АИ было сродни мистическому преклонению. Ахиезер очень

часто его вспоминал, обязательно «пробивал» свои работы и работы своих учеников в Москве у Льва Давидовича.

Лев Ландау собрал вокруг себя несколько талантливейших физиков, совершенно особая, дружеская атмосфера царила в теоретическом отделе УФТИ в середине тридцатых годов. В свите Дау: Евгений Лифшиц, Александр Ахиезер, венгр Ласло Тисса, младший Лифшиц – Илья, Исаак Померанчук. Последний стал ближайшим другом Ахиезера. Одну из первых своих серьезных научных работ «Шура» по поручению Ландау выполнял именно с «Чуком». Молодые харьковские физики работали над созданием теории рассеяния фотона фотоном (или попросту света светом) в области высоких энергий. Дело пошло не сразу. Первые вычисления Ландау резко раскритиковал, но натолкнулся на стойкое несогласие ученика. (В самый горячий момент спора вошел один из сотрудников, взял со стола два подсвечника, дал один Дау, другой Ахиезеру и сказал: «А теперь побейтесь!» Ландау рассмеялся и махнул рукой: «Черт с тобой, считай, как хочешь».) Подсчеты эти были делом непростым. Нужно было, чтобы участвовавшие в формуле 144 члена обратились в ноль. Много дней подряд работники теоретического отдела наблюдали сидящих за двумя соседними столами Померанчука и Ахиезера, которые независимо друг от друга производили поэтапные вычисления, постоянно переругиваясь и шутя. Потом сверяли результат и переходили к следующему этапу. Как вспоминает Александр Ильич, «потом они стали со свистом сокращаться». Вышел действительно ноль. Чук и Шура были страшно довольны, тем более что учитель признал их успех. Через много лет, когда Исаак Яковлевич Померанчук работал в Москве, Ахиезер часто приезжал к нему, подчиненные Померанчука говорят, что АИ был едва ли не единственным человеком, который мог работать, сидя за столом начальника. Когда при Исааке Яковлевиче упоминали фамилию его друга и «брата», он поднимал палец и многозначительно произносил: «Александр Ильич! Александр Ильич!».

Лев Ландау много времени посвящал вопросам преподавания. Он хотел поставить дело воспитания научных физических кадров в стране и в Харькове в частности на большую высоту, имел целый ряд своих новаторских идей. Поэтому он согласился на предложение преподавать в Харьковском университете. Тогда же начинается написание знаменитого, нестареющего курса физики Ландау и Лифшица. К преподавательской работе Дау привлек и большинство своих сотрудников. Александр Ахиезер в 1936 году начинает читать лекции в Харьковском электротехническом институте, в том же году защищает кандидатскую диссертацию и поступает на работу в Харьковский государственный университет. Полстолетия связывают его с этим учебным заведением. Впрочем, начало многолетнего сотрудничества выдалось нелегким. Как раз тогда университетские преподаватели начали кампанию по вытравливанию из вуза Льва Ландау. Для этого у них было много причин. Во-первых, колючий характер талантливого физика, его подтрунивание над менее одаренными коллегами, во-вторых, его радикальное изменение программы курса. Под свои претензии, оформленные в виде жалоб и заявлений в вышестоящие органы, коллеги Ландау подвели идеологическую основу – якобы Лев Давидович выступает против закона сохранения энергии, т. е. склоняется к идеализму. Ландау был вынужден уволиться из ХГУ. В знак протеста заявления об уходе написали все преподаватели университета, которые работали в УФТИ. Двоих из них вызвали в Киев – Померанчука и Ахиезера. Александр Ильич вспоминает, что принял их нарком просвещения Затонский, химик по специальности. Он спросил: «Что же это вы, товарищи, Ландау поддерживаете, а он же против закона сохранения энергии». Александр Ильич немедленно сказал: «Так как же он против, когда вот только вчера мы с Исааком Яковлевичем ему нашу работу показывали, а у нас в одной формуле закона этого не было. Вы бы слышали, какой был скандал, как он нас ругал». Затонский оценил нелепость рассказа, рассмеялся – «Будем считать, что ничего не было. А вы возвращайтесь в Харьков и работайте».

Вскоре Лев Ландау вынужден был оставить и УФТИ. Травля разворачивалась и здесь. Ландау уехал в Москву, а в Харькове продолжался «разбор полетов». Еще один случай, часто

вспоминаемый Ахиезером. Идет партийное собрание. Председатель «допрашивает» Александра Ильича:

- А что Ландау говорил о Марксе?
- Он очень высоко его ценил.
- А что Ландау говорил о Сталине?
- О Сталине он ничего не говорил.
- А что Ландау говорил о товарище Музыкантском (парторге. – *Авт.*)?

– О товарище Музыкантском Ландау говорил, что он своей физиономией должен вызывать отвращение у женщин.

Ахиезера обвинили в том, что он превращает серьезное мероприятие в балаган, но сдавать учителя его сотрудники не собирались. Померанчук даже на одном комсомольском собрании заявил, что за Ландау он на каторгу пойдет. Тех, кто продолжал защищать великого ученого, заклеили словом «підлабузники». АИ был поражен, когда, придя в 1962-м в больницу к чудом выжившему Ландау, услышал от него: «А! Підлабузничек!» – у Льва Давидовича после страшной аварии обострилась «дальняя память» одновременно с резким ухудшением «ближней» и полной потерей научных способностей.

Как известно, Льву Давидовичу не удалось избежать ареста, из тюрьмы его выпустили под личную ответственность Капицы. Пока же он был в тюрьме, Ахиезера и Лифшица-старшего еще раз вызвали в органы. Дело было в том, что к изданию готовили один из томов курса теоретической физики «Механика и молекулярная физика». Его вместе с Евгением Михайловичем и Львом Давидовичем писал и Александр Ахиезер. В кабинете Лифшица и Ахиезеру предложили убрать с обложки имя находящегося под арестом Ландау, но они наотрез отказались. Книга увидела свет лишь в 1962 году.

После отъезда прежнего руководителя теоротдел УФТИ возглавил Александр Ильич. Он оставался на этом посту до 1988 года. В 1940 году АИ стал доктором наук. Вскоре в ХГУ Ахиезер возглавил кафедру теоретической физики.

Во время войны АИ год преподавал в Куйбышевском педагогическом институте, затем работал в УФТИ, эвакуированном в Алма-Ату. В то время Александр Ильич, как и большинство физиков страны, работал непосредственно «на войну», он был включен в ядерный проект. В 1944 году Померанчук добился того, что Ахиезера взяли в так называемую Лабораторию № 2 (Институт атомной энергии). По совместительству Александр Ильич сотрудничал и с Московским энергетическим институтом. То, чем занимались он, Померанчук и другие подчиненные Игоря Курчатова, и до сих пор не до конца открытая тема. Лишь некоторая часть проводившихся исследований публиковалась. По настойчивой просьбе Курчатова Ахиезер в 45-м вернулся в Харьков, где на базе УФТИ под руководством его директора Кирилла Синельникова организовывалась Лаборатория № 1, включенная в «Атомный проект» и подчинявшаяся, по сути, непосредственно Москве. До 1952 года Ахиезер совмещал работу в Харькове с работой в Институте атомной энергии. Игорь Курчатов высоко ценил ученого. Именно по его предложению Померанчук и Ахиезер в 1948 году издали книгу «Некоторые вопросы теории ядра» – уникальную для того времени и исключительно полезную для ученых монографию³. Студенты называли эту книжку «Ах и Помер». Все туда включить не удалось. Каждый раздел, каждая формула тщательно проверялась на предмет секретности в органах. Другая книга этих же авторов вообще была издана только в 2002 году, до этого на чтение рукописи ученым приходилось получать специальное разрешение. Это «Введение в теорию мультиплицирующих систем (реакторов)».

³ За эту работу Ахиезер был удостоен премии АН СССР им. Л. Мандельштама.

В Харьковском физико-техническом институте было организовано два теоретических отдела. ТЛ-1 возглавил Ахиезер (направление работ – квантовая электродинамика, физика плазмы, термоядерный синтез, физика ускорителей⁴), ТЛ-2 – Илья Лифшиц (статистическая физика и термодинамика, физика атомного ядра). С этого времени и начинается дружба-соперничество двух школ, которая обогащала научную жизнь города. Своих соратников Ахиезер находил, прежде всего, в университете. Здесь по его инициативе была организована кафедра теоретической ядерной физики, которую АИ возглавлял до 1975 года⁵. (Из этой кафедры и вырос физико-технический факультет ХГУ.) Ахиезер сам читал ряд фундаментальных физических курсов, брал аспирантов, устраивал молодых физиков на работу в УФТИ и лучших – к себе в отдел. Лектором АИ был, по воспоминаниям большинства студентов, прекрасным. Он исключительно прозрачно и доступно объяснял материал. Сам стремился и просил других объяснять: «По-рабоче-крестьянски, так, чтобы пролетариату было понятно». Обладая отличным чувством юмора, ученый делал свои лекции незабываемыми. Ахиезер полагал, что студенту надо иногда дать отдохнуть от конспектирования, поэтому можно делать перерывы для рассказа какого-нибудь анекдота, истории из жизни – а их Александр Ильич знал миллион: о Сталине, о физиках, просто бытовых и частенько не очень приличных. (Впрочем, с непечатной лексикой АИ студенты знакомились позже, уже когда начинали с ним вместе работать.) «Сколько поле не квантуй, все равно получишь... нуль!», «Что такое такой интеграл без дифференциала? – Это вещь безнравственная!», «А где обман? Если нет обмана, это математика, а не физика!» – соратники с трудом пытаются припомнить все хохмы, слышанные ими в исполнении АИ, многие же просто не годятся для цитирования⁶. Так же непринужденно проходили знаменитые, можно сказать, эпохальные семинары, собиравшие цвет теоретической (и не только) физики города, а часто и других городов. Иногда семинары превращались в театр одного актера, которым был не докладчик, а Ахиезер, задававший с места вопросы, подытоживавший выступления, делавший замечания. Когда выступал АИ, на семинар стремились попасть все – от студента до директора института. Сотрудники Ахиезера по-доброму вспоминают, как в теордомик, на кафедру, в зал для проведения семинаров входил Ахиезер. Он тут же начинал «грохотать», становилось шумно и весело. Работа закипала. Впрочем, добрячком АИ никто не называет. Дочь ученого пишет, что отец не терпел никакой фальши, иногда он был готов буквально растоптать собеседника. Обычно бурно добродушный Ахиезер умел проявить бескомпромиссность и жесткость.

В начале 1950-х годов создавалась «Школа Ахиезера». Среди его учеников П. Фомин, К. Степанов, В. Алексин, Д. Волков, В. Барьяхтар, С. Пелетминский... Всех не перечислишь. Многие воспитанники Ахиезера стали выдающимися учеными, академиками. Многие создали и свои школы. Недаром Ахиезера называют учителем учителей. АИ принимал самое живое участие и в научной карьере, и в личной жизни своих молодых коллег, давал им перспективные направления для работы, помогал печататься, защищал от нападок оппонентов на больших собраниях и в начальственных кабинетах. Все ученики Ахиезера перебивали у него дома, где их принимали с неизменным радушием. Любимыми учениками АИ были Виктор Барьяхтар и Сергей Пелетминский, Ахиезер называл их своими сыновьями.

Александра Ильича часто называют одним из последних физиков-универсалов. Говорят, что он знал всю теоретическую физику, интересовался самыми разными ее проблемами и вопросами, мгновенно схватывал все основное из новых работ и докладов, обладал потряса-

⁴ После войны построение ускорителей было главной задачей, стоявшей перед ХФТИ. Теоретики также были включены в ее решение. На этой почве у АИ с рядом его первых аспирантов даже возник серьезный конфликт, они взбунтовались и хотели заниматься высокой теорией. Ахиезеру удалось их убедить, что все успеется.

⁵ С 1951 по 1964 год Ахиезер также преподавал в Артиллерийской радиотехнической академии им. Л. Говорова.

⁶ К примеру, положительно отзываясь о какой-нибудь работе, он часто говорил: «А вы не такой уж..., и ваша работа не такое уж..., как я думал».

ющей интуицией при выборе наиболее перспективных направлений исследований. Вот некоторые вехи его научной деятельности. Уже было сказано о первой большой работе по теории рассеяния света светом⁷. В 1938 году Александр Ильич выполнил основополагающие работы по теории поглощения звука в диэлектриках и металлах (статья об этом до сих пор является одной из наиболее часто цитируемых из всех трудов АИ, причем в первую очередь – экспериментаторами). В период работы в Институте атомной энергии вместе с Исааком Померанчуком Александр Ахиезер предсказал «холодные нейтроны» и выполнил пионерские исследования по рассеянию медленных нейтронов кристаллами. Чуть позже АИ вплотную занялся плазмой, и в частности поведением плазмы в магнитном поле. (По этому поводу его опять раскритиковал Ландау, сказав: «Шура, ну где ты видел плазму, да еще и в магнитном поле».) Дальнейшее развитие науки подтвердило гениальную проницательность Ахиезера в этом вопросе. Вместе с Л. Паргамаником АИ предсказал явление электронного циклотронного резонанса, вместе с Я. Файнбергом – явление пучковой неустойчивости плазмы, вместе с А. Ситенко – эффект расщепления дейтрона и построил его теорию. За цикл работ «Высокочастотные релаксационные процессы в магнетиках» ученому в 1978 году была присуждена премия АН УССР им. К. Синельникова; в 1986 году Государственная премия СССР – за цикл работ «Открытие и исследование динамических явлений, связанных с фоновыми взаимодействиями в магнитных кристаллах». В 1995 году Александру Ильичу вручили премию им. Н. Боголюбова НАН Украины за работу «Квантовые и стохастические эволюционные системы в теории возмущений», через пять лет – премию им. А. Давыдова НАН Украины за «Взаимодействие частиц высокой энергии с атомными ядрами и кристаллами».

Но это далеко не все темы, интересовавшие АИ. Отчасти широкий спектр вопросов, которыми занимался и которые глубоко понимал Ахиезер, освещает список его книг. Среди них есть истинные шедевры научной литературы, не устаревшие и до сих пор, а в свое время ставшие незаменимыми, настольными для студентов и опытных физиков. О работе «Некоторые вопросы теории ядра» речь уже шла, как и о «Механике и молекулярной физике». В 1953 году была издана «Квантовая электродинамика», написанная в соавторстве с В. Берестецким. Это была первая монография, систематически обобщившая опыт мировой науки, накопленный в этой области. Она была переведена на множество языков, не раз переиздавалась. Кроме того, АИ в соавторстве с учениками и коллегами издал книги: «Спиновые волны», «Электродинамика плазмы», «Биография элементарных частиц», «Электромагнетизм и электромагнитные волны», «Электродинамика ядер», «Теория фундаментальных взаимодействий», «От квантов света до цветных кварков». Ахиезер исключительно скрупулезно, доводя порой до бешенства своих соавторов, относился к написанию книг и статей, он проверял и еще раз проверял каждое предложение, менял, переписывал сначала, добивался наиболее точных и понятных формулировок. Кстати, не менее тщательно он работал над любыми научными вычислениями и анализом. Если что-то не выходило, он предлагал вернуться в самое начало, «порвать формуляр» (так он называл необходимый набор основных формул, требуемых для той или иной работы) и сесть писать и считать заново.

Во второй половине 50-х годов Ахиезер уже был признанным корифеем советской науки, в 1954 году ему был вручен орден «Знак Почета». Впоследствии он стал дважды кавалером ордена Трудового Красного Знамени, заслуженным деятелем науки УССР, кавалером двух знаков отличия Президента Украины. В 1964 году Александр Ахиезер был избран действительным членом Академии наук УССР. Надо сказать, карьеризмом Александр Ильич никогда не отличался. Когда в 1956 году его назначили заместителем директора ХФТИ по науке, он недоумевал: «Зачем это мне?» и пробыл на этом посту всего три года. Важный штрих к общему

⁷ Ласло Тисса рассказывал, что, когда Померанчук и Ахиезер отдали свою рукопись машинистке, она воскликнула: «До чего же додумались!»

портрету – все сотрудники АИ признают, что он никогда не пытался обязательно вписать себя в соавторы открытия или статьи, не выезжал на шеях студентов и аспирантов. И это при том, что он подбрасывал потрясающие идеи, помогал делать сложнейшие вычисления. Когда однажды, уже в старости, Ахиезер писал сам о себе статью в одну из энциклопедий, он указал, что является автором более 100 научных работ. Когда редактор воскликнул: «У Вас же их более двухсот!», АИ ответил: «Нет, более двухсот – это неприлично, напишем – более ста».

Александр Ильич Ахиезер интересовался не только физикой. Впервые, его в принципе интересовали любые достижения естественных наук – будь-то биология или астрономия (последняя особенно привлекала ученого). АИ хорошо знал русскую и зарубежную классическую литературу. Особенно почтительно относился к Пушкину, Булгакову, Гете. Любил и классическую музыку. Александр Ильич с удовольствием читал историческую, мемуарную литературу. В кабинете физика кроме портретов сына и Ландау стоял бюст Наполеона. К концу жизни он с особым вниманием стал относиться к вопросам философии, религии и политики. Что касается политики, то ученый тяжело переживал то положение, в котором оказался его родной институт, упадок науки в стране. Он резко осуждал Горбачева, Ельцина и многих украинских правителей, постоянно крутил ручку радиоприемника, слушая «Свободу» и Би-би-си, вступал в горячие споры. При этом Ахиезер продолжал настойчиво искать пути для выхода из кризиса, например, добился утверждения двух «денежных» международных проектов.

Об интересе к философии и религии надо сказать особо. Постепенно АИ вплотную занялся вопросами развития человеческой мысли, основами основ. Тут-то и понадобилось разобраться в религиозных представлениях общества. АИ все чаще говорил о Боге, находил общие черты в математическом символизме и символизме религиозных текстов, видел общность в идее Высшего разума и вере в Науку. На вопрос, верит ли он в Бога, Ахиезер отвечал, что для себя этот вопрос еще не решил. Зато совершенно точно можно сказать, что особым уважением выдающегося физика пользовался иудаизм, как первая монотеистическая религия в мире. В гостях у АИ бывал даже главный раввин Харькова Москович, с которым Ахиезер долго беседовал на интересующие его темы. В связи с такими своими размышлениями Александр Ильич в соавторстве с двумя коллегами пишет статью о Ньюtone и его пресловутом мистицизме, о котором в советской науке принято было говорить скептически или вообще не говорить. АИ утверждал, что он приблизился к пониманию истинного значения этого увлечения своего великого предшественника. Биографии ученых вообще всегда интересовали Ахиезера. На своих лекциях и в некоторых статьях он увлекательно рассказывал об Эйнштейне, Планке, Боре, считая, что жизнь человека нельзя оторвать от его научной деятельности, если мы хотим осознать все величие человека, все значение его достижений. Последней большой книгой харьковского физика стала «Развивающаяся физическая картина мира» – историко-физико-философское произведение, раскрывающее перед читателем торжественно-величавую историю осознания человеком природы.

В отличие от своего обожаемого учителя Александр Ильич был вполне домашним, семейным человеком. В 1938 году у него и его супруги – Софьи Исааковны родился сын Илья (Лека). В 47-м появилась на свет дочь Зоя, через семь лет – еще одна дочь, Татьяна. Илья Ахиезер пошел по стопам отца – стал физиком-теоретиком. Друзья вспоминают его как исключительно талантливого ученого, настоящего интеллигента, говорившего на нескольких иностранных языках (в отличие от самого АИ), любившего и знавшего музыку и литературу. Зоя Александровна говорит, что отец и сын постоянно разговаривали о науке, случайно зашедшие в дом люди не могли понять, почему Ахиезеры все время ругаются. Женщинам приходилось потихоньку объяснять, что это не ругань, а научный спор. Илья Александрович вместе с отцом писал книги и статьи, преподавал в университете. Александр Ильич с большим усердием воспитывал трех внуков, дожил и до правнуков и правнучек. Обладая унаследованной от отца врачебной интуицией, АИ сам занимался вопросами лечения детей. Вообще, родные вспоми-

нают, что за Александром Ильичем вся семья долгие годы чувствовала себя как за каменной стеной.

К несчастью, Илья Ахиезер был довольно болезненным человеком. В детстве его один раз удалось спасти. АИ, когда все уже опустили руки, повез сына в Москву, воспользовался своими связями, положил Илью в хорошую больницу. Но в 1989 году, когда Илье Александровичу был всего 51 год, он умер. Смерть сына стала для Александра Ахиезера очень тяжелым ударом. Он не раз еще повторял, что если бы Илья был жив, они бы с ним еще много сделали... В середине 80-х болезнь начала одолевать самого АИ. Он постепенно терял зрение. После ряда операций в середине 90-х физик окончательно ослеп. В последние годы его жизни главным человеком в его окружении, няней и секретарем стала дочь Зоя Александровна Спольник. Она заменила ему глаза – читала научные и художественные книги, записывала диктуемые АИ статьи, водила гулять. Ахиезер и будучи абсолютно слеп, поражал своей памятью, умением четко выстроить в голове, разложить по полочкам текст любого труда – будь-то биографическая статья, наполненный формулами трактат или философские размышления.

В это время ученики сполна отплатили Ахиезеру за его многолетнюю заботу. Когда Александр Ильич уже не мог сам передвигаться и потерял зрение, десятки людей заходили в 20-й дом по улице Чайковского, обсуждали с ним проблемы науки, философии, политики, читали книги, пытались как-то помочь по хозяйству. Главным местом пребывания Ахиезера стало кожаное кресло у телефона, и ему звонили и звонили по самым разным поводам – не только для проформы. Уходя Зоя Александровна оставляла входную дверь в квартиру приоткрытой. Во дворе дома коллеги соорудили специальную скамейку, на которой вечерами устраивались «Ахиезеровские посиделки», в которых кроме самого главного героя и его сверстников участвовали и молодые ученые.

Александра Ильича Ахиезера не стало 4 мая 2000 года. Институту теоретической физики в составе НИЦ «ХФТИ» присвоили его имя. В 2002 году Александру Ильичу Ахиезеру была присуждена еще одна Государственная премия Украины за цикл работ, название которого столь же длинно и насыщено, как и вся жизнь выдающегося ученого. Один из его бывших сотрудников недавно пожаловался Зое Александровне Спольник: «Если бы вы знали, как нам не хватает АИ. Он все моментально схватывал, отбирал главное и только говорил: «Давай, пиши, что я говорю». И на то, что у нас с АИ уходил день, сейчас мы тратим недели».

Багале́й Дми́трий Ива́нович

(род. в 1857 г. – ум. в 1932 г.)

«Главный» историк Харькова и Слободского края.

Добрая половина того, что мы сейчас знаем об истории Харькова до начала прошлого века, того, что уже является общим местом для младших школьников города, была в свое время доказана, найдена, исследована Дмитрием Ивановичем Багалеем – выдающимся харьковским историком. Здесь слово «харьковский» означает и место работы ученого, и круг его научных интересов. Огромный фактический материал, огромная любовь к Слобожанщине и ее главному центру, огромные заслуги перед Харьковом... Все здесь в превосходной степени, и все уместно.

В это трудно поверить, но человек, влюбленный в Слобожанщину, главный харьковский краевед родился в Киеве и окончательно переехал в Харьков лишь спустя четверть века. Дмитрий Иванович родился 26 октября (7 ноября) 1857 года в Киеве в семье ремесленника. Семья довольно прочно стояла на ногах в финансовом отношении, и Дмитрий имел возможность получить вполне пристойное образование. Он выбрал для себя профессию историка, достигнув соответствующего возраста, поступил на историко-филологический факультет Киевского университета.

Багале́й отличался либеральными, а в молодости – даже радикальными взглядами на политику и общественное устройство, более того, был сторонником автономии Украины. Многие он перенял у одного из виднейших украинских историков Антоновича и, вероятно, почерпнул у другого корифея науки – Костомарова. Последний, как известно, был в свое время членом Кирилло-Мефодиевского братства, в своих трудах отстаивал идею федеративного устройства славянской державы, подчеркивал отличия украинского этноса от российского (заклучавшегося, в частности, в отсутствии тяги к сильной центральной власти). В Киеве Дмитрий Багале́й вступил даже в патриотическую молодежную организацию «Кош». В 1876 году за участие в студенческом движении Багале́й был исключен из Киевского университета.

Тогда-то он полгода провел в Харькове, где продолжил обучение также на историко-филологическом факультете, затем вернулся в Киев.

По окончании университета Дмитрий Иванович был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Научные интересы Дмитрия Багаля определялись его общественными взглядами, интересом к родному краю. Первой его серьезной работой стала монография «История Северской земли до половины XIV в.». Работа была оценена по достоинству, и вскоре после ее издания в 1883 году Багаля приглашается на кафедру русской истории в Харьковский университет. Материал, который читал в Харькове доцент Багаля (очень скоро он стал профессором, а с 1908 года был почетным профессором), он опубликовал уже в 1883?1884 годах под названием «Курс древнерусской истории до половины XIV в.». Вся его дальнейшая научная деятельность была связана с южными, степными окраинами России, историей Украины, Белоруссии и Великого княжества Литовского, Слобожанщиной, Харьковом. В 1887 году в Москве он защищает докторскую диссертацию, за монографию «Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства» харьковский историк получает почетный отзыв Академии наук, впоследствии он дважды становился обладателем престижной премии Уварова. Среди его лучших работ «Магдебургское право в левобережной Малороссии», «Колонизация Новороссийского края», «Новый историк Малороссии», «К истории учений о быте древних славян», «Украинская старина». Дмитрий Иванович стал активно заниматься тем, чем сейчас занимается добрая половина всех харьковских историков, – краеведением, исследованием местных архивных материалов, историографией (историей изучения тех или иных вопросов в исторической науке).

Так, например, в архивном деле заслуги Багаля трудно переоценить. Он обнаружил в рукописном отделении Румянцевского музея в Петербурге и исследовал новые документы, касающиеся жизни и творчества Сковороды и посвятил ему свои работы. В Полтаве ученый открыл часть архива Малороссийской коллегии и Румянцевской описи Малороссии. В селе Бабаи Багаля открыл фамильный архив Донец-Захаржевских, Щербининых и Кропоткиных. С 1883 года Дмитрий Иванович заведовал Харьковским историческим архивом, он организовал в нем три новых отдела – полтавский, харьковский и бумаг местных деятелей; положил начало его справочной библиотеке.

Немало внимания Багаля, как ученый, привыкший работать с точными данными, проверенными источниками, уделял и археологии. Он вел раскопки курганов в Салтове, Янковке и Алексеевке, был одним из главных организаторов археологических съездов, самым серьезным образом повлиявшим на развитие этой науки в нашей стране. Дмитрий Иванович составил археологическую карту Харьковской губернии.

В отношении книг Багаля о Харькове и Слобожанщине можно говорить очень долго. Многие гипотезы о происхождении названий, истории возникновения и развития Харькова и других городов принадлежат именно Дмитрию Ивановичу, и многие так и не смогли опровергнуть последующие исследователи. Багаля ввел в научный оборот огромное количество документов, кропотливо изучал статистику, переписку, ведомственные документы и воспоминания. Его книги наполнены самыми мелкими подробностями. Главным его трудом по истории Харькова стала приуроченная к юбилею⁸ «История города Харькова за 250 лет его существования». На эту работу в 1896 году харьковские власти выделили ученому тысячу двести рублей в год. (Простой рабочий, пишут историки, в это время получал не больше пятнадцати рублей в месяц.) За работу Дмитрий Иванович взялся вместе со своим любимым учеником Дмитрием Миллером. Первый том появился в 1905 году, второй – в 1911. Этот объемный труд до сих пор является гордостью харьковских историков, ведь на то время проект для нестоличного города был беспрецедентным. Собственно, эти два тома и сейчас не потеряли актуальности,

⁸ Считается, что Харьков был основан в 1654 году.

появляются все новые их переиздания. Ценность труда, в частности, как раз в том, насколько аккуратен, беспристрастен Багалея. В ходе своей научной карьеры он пришел к выводу (хотя и спорному), что историк не должен разрабатывать теорий, должен воздерживаться от личных оценок, его задача – поиск, исследование, издание, сохранение источников, накопление материала. Так или иначе, сейчас книги Багалея сами по себе являются историческими источниками.

Дмитрий Иванович был первым крупным исследователем истории Харьковского университета (сейчас это тоже важная часть работы историков сего вуза). «Опыт истории Харьковского университета» вышел в двух томах в 1898 и 1904 годах. Вместе с другими видными харьковскими учеными Бузескулом и Сумцовым Багалея издал и «Краткую историю Харьковского университета». Дмитрий Иванович был главным редактором университетских юбилейных изданий (например «Биографического словаря»).

Главной же работой Багалея многие справедливо считают книгу, вышедшую в беспокойном 1918 году. Это «Історія Слобідської України» на украинском языке. Работа включает в себя важнейшие обзоры исторической географии и этнографии края, его социально-экономического и политического развития, историю духовной и материальной культуры, очерки быта населения. Написанная простым, понятным языком, книга эта стала пособием по внешкольному образованию и самообразованию (и до сих пор им остается – после распада Союза она была издана большими тиражами). Насыщенная богатым фольклорно-этнографическим, иллюстративным материалом, она для многих в те далекие годы стала даже первым учебником по украинскому языку.

Дмитрий Иванович Багалея был довольно заметной личностью в городе, он активно участвовал в общественно-политической жизни города, занимал высокие посты, в его доме бывали известные харьковчане и «гости нашего города». Немного об этой стороне деятельности ученого, о его личной жизни.

Женился историк еще в Киеве на своей ровеснице, знакомой по организации «Кош» Марии Васильевне Александрович. Супруги имели четырех детей – все они родились в Харькове. Это Наталья, Ольга, Мария и Александр. К несчастью, сын умер в трехлетнем возрасте (в 1894 году), Мария, родившаяся в 1899, погибла в 1920 году.

В Харькове семья снимала сначала маленькую квартирку, затем их приютил Александр Потеня (крупнейший филолог). Когда Багалею сделали заказ на «Историю Харькова», он нашел возможность приобрести собственный дом. Точнее, не приобрести, а построить. Дом Багалея расположился на Технологической улице (сейчас ул. Фрунзе). Профессор жил на втором этаже, первый сдавал помещику, приезжавшему время от времени из своего имения. После революции, наоборот, ученый оказался на первом этаже, а на втором разместилась кафедра истории культуры Украины.

Багалея был семейным человеком. Любопытно, что в своем доме супруги Багалеи, бывшие «кошовики», завели правило – говорить только по-украински. В гостях у них бывали Алчевские, Васильковский, Репин (он писал портрет ученого, советовался с ним по поводу своих знаменитых «Запорожцев»), Сумцов. Дмитрий Иванович дружил «домами» с выдающимся украинским драматургом Кропивницким, помогал тому устраивать представления. Главным увлечением Дмитрия Багалея (помимо истории, конечно) была рыбалка. В 1884 году историк бросил курить, а пить никогда и не пил.

Багалея много трудился для развития исторической науки и просвещения вообще. Он был не только членом Харьковского историко-филологического общества, но активно работал и в Обществе распространения грамотности, 12 лет был председателем правления Харьковской общественной библиотеки, председателем комитета по изданию книг для народа (при непосредственном участии профессора были изданы книги тиражом более миллиона экземпляров). Осенью 1917 года по его настоянию в Харькове было открыто несколько украинских

гимназий, при городском коммерческом институте открылись постоянно действующие курсы украинского языка для учителей.

В 1906 году Дмитрий Иванович был избран ректором Харьковского университета, в 1909 году переизбран еще на одно трехлетие. Работу в университете Багалея совмещал с активной политической деятельностью, в которую окунулся после октябрьского манифеста 1905 года. Тогда начали появляться политические партии, началась выборная кампания. Дмитрий Иванович присоединился к одной из самых либеральных (и отчасти, даже радикальных) из влиятельных партий – партии кадетов. В ней Багалея занял далеко не последнее место. В начале 1906 года кадеты одержали убедительную победу на выборах в городскую думу. Багалея стал ее гласным. Более того, харьковский историк стал выборным представителем Академии наук и девяти российских университетов в Государственном Совете. (Им он был с апреля по июль 1906 года, а затем в 1910–1914 годах). Дмитрий Иванович активно отстаивал идею либерализма, необходимости конституции, более того – на встречах с избирателями в Харькове он говорил и о возможной автономии. В 1914 году Дмитрий Багалея стал городским головой, его заботой было благоустройство города – транспорт, электроэнергия, канализация, водопровод, дороги... На этом посту ученый оставался до революционного 1917 года, когда стало уже не до благоустройства. Багалея снова вернулся к просвещению и науке. Тогда-то и появилась первая книга в предполагаемом цикле культурно-исторической библиотеки – «История Слобожанской Украины». Дмитрий Иванович стал одним из активных участников организации Академии наук Украины при Скоропадском, главой историко-филологического ее отделения.

С советской властью Багалея бороться не собирался. К тому времени он уже совсем не хотел политики, слишком много всего произошло за последние годы. Кадеты, которые, казалось бы, только что считались самыми резкими, радикальными российскими политиками, оказались совершенно беспомощны у власти после февраля 1917 года, уступили место социал-демократам, но и те были сброшены большевиками. Белое движение представляло собой собрание совершенных антагонистов, ненавидящих друг друга, – конституционные демократы и монархисты, эсеры и октябристы. Еще недавно гордившиеся своей силой кадеты, среди которых было немало ученых, писателей, других представителей интеллигенции, теперь притихли, не находя в себе силы для вооруженной, ожесточенной борьбы с Советами. Дмитрий Иванович хотел только заниматься наукой. Вскоре он даже изменил свое отношение к новой власти, поскольку в Украине началась политика «коренизации».

В 20-30-х годах Багалея преподавал в Полтавском и Харьковском институтах народного образования. Он возглавил созданные в Харькове (не без его, конечно, участия) научно-исследовательскую кафедру истории Украины, институт истории украинской культуры, институт исследования творчества Тараса Шевченко, Центральное архивное управление УССР. Багалея называют одним из создателей высшей школы в Советской Украине, дважды он избирался председателем Бюро секции научных работников Украины. Дмитрий Иванович был академиком Академии наук УССР.

Дмитрий Иванович Багалея умер 9 февраля 1932 года. Похоронили его на Городском кладбище. После закрытия кладбища прах его перенесли в почетный квартал кладбища № 13. Над могилой скромный памятник с лаконичной надписью. В доме Багалея до сих пор живет его правнучка Ольга. В свое время, в 1992 году на стене дома была установлена бронзовая мемориальная доска. Ее несколько раз пытались украсть, и Ольга Багалея сама засомневалась – не снять ли этот памятный знак до лучших времен, когда историю начнут уважать не только историки.

Барабашов Николай Павлович

(род. в 1894 г. – ум. в 1971 г.)

Выдающийся советский астроном, исследователь Луны и планет Солнечной системы.

Николаю Павловичу Барабашову повезло. Он дожил до того времени, когда его теоретические выводы подтвердились на практике. При его жизни человек вышел в космос, высадился на поверхности Луны. И вклад Барабашова в то, чтобы все это стало реальностью, очень велик.

В приветствии Астрономического совета АН СССР академику Н. П. Барабашову по случаю его 75-летия говорилось: «Вам дано было пережить редчайшую для астронома радость: подтверждение космическими станциями Ваших выводов, сделанных у телескопа, о строении лунной поверхности».

В отличие от многих героев этой книги, Барабашов всю жизнь был тесно связан с Харьковом. Он настоящий, без оговорок, харьковчанин.

Родился Николай Павлович 30 марта 1894 года в довольно известной в городе семье. Отец его был врачом-окулистом, профессором, руководил глазной клиникой и кафедрой Харьковского университета. Мать была музыкантшей, но по специальности не работала, а занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. (Их у нее было четверо.) Любовь к музыке она привила и будущему астроному. Николай Павлович играл на скрипке и фортепиано. Коля Барабашов учился в престижной 1-й Харьковской гимназии, много читал. В свое время ему в руки попала популяризаторская книга французского ученого К. Фламариона «Живописная астрономия», и мальчик стал проявлять большой интерес к изучению планет и звезд. Вскоре Коле подарили подзорную трубу, через которую он мог хорошо разглядеть Луну и Венеру, кольца Сатурна, спутники Юпитера. Николай увлекался и фотографией – он совместил два своих увлечения и стал фотографировать Луну. На чердаке дома на Змиевской улице (сейчас проспект Гагарина) Барабашов устроил домашнюю обсерваторию.

Уже в 15 лет молодой астроном опубликовал во французском и русском журналах свои первые статьи о наблюдении солнечных пятен, Марса и Венеры. На эти публикации обратил внимание К. Э. Циолковский и написал автору из Калуги. Между пожилым ученым и гимназистом завязалась переписка.

Павел Барабашов поощрял научный энтузиазм сына и взял его с собой, когда поехал в научную командировку в Париж. Там Николая Барабашова познакомили с Фламарионом. Француз подарил юноше свою книгу с автографом: «Моему коллеге Н. Барабашову от согражданина неба К. Фламариона».

Николай Барабашов окончил гимназию с серебряной медалью в 1912 году. Встал вопрос о поступлении. Николай выбрал не Харьковский, а Юрьевский (Тартуский) университет, поскольку при этом университете была прекрасно оснащенная обсерватория. Барабашов был зачислен на физико-математический факультет. Но доучиться здесь Барабашову не удалось. Впервые проявилась болезнь, которая будет мучить ученого всю его жизнь, – туберкулез легких. С таким заболеванием лучше находиться не на севере, а на юге, и Барабашов возвратился в родной Харьков.

Свою учебу молодой астроном продолжил уже на физико-математическом факультете Харьковского университета. Здесь тоже работали видные астрономы: Струве, Евдокимов, Фесенков. В 1919 году Барабашов окончил университет и был оставлен при кафедре астрономии без права получать стипендию. Параллельно с работой на кафедре Барабашов преподавал в обычной школе, затем для него нашлась вакансия завхоза в штате обсерватории. Должность астронома-наблюдателя Барабашов получил лишь в 1922 году.

За четыре года до этого В. Г. Фесенков поставил перед своим дипломником Н. Барабашовым задачу – определить отражательную способность планеты Земля. Для этого необходимо было изучить, сколько света отражает Луна, освещенная солнечным излучением, отраженным в направлении Луны Землей (т. е. изучить «пепельный свет Луны»). Барабашов установил, что лунные «моря» имеют одинаковую яркость в полнолуние независимо от их положения на диске Луны и именно в полнолуние эта яркость достигает своего максимального значения. Николай Павлович в принципе правильно объяснил наблюдаемые особенности отражения света лунной поверхностью сильной ее изрытостью и шероховатостью.

Продолженные в последующем комплексные исследования оптических характеристик лунной поверхности привели астронома к заключению, что поверхность Луны сложена вулканическими породами базальтового типа, пористость которых достигает 60–70 %, а размер зерен колеблется от долей до нескольких миллиметров. Исследования лунной поверхности стали необычайно важны, когда встал вопрос о высадке аппаратов и человека на Луну. Долгое время многие ученые (а также фантасты, например Артур Кларк) полагали, что поверхность Луны покрыта многометровым слоем пыли, в которую может провалиться и космонавт и, тем более, любая соответствующая машина. Однако Барабашов убедительно доказал, что лунная порода, несмотря на свою пористость, обладает достаточной плотностью.

20-е годы – не лучшее время для занятий наукой. Страна переживала последствия Гражданской войны, не было простейших удобств – электроэнергии, воды? Не говоря уже о необходимом оборудовании, инструментах. А надо сказать, что Барабашов занимался не только наблюдениями, но всегда большое внимание уделял инструментам – сам шлифовал линзы, конструировал различные аппараты. Так, изготовленный им еще в студенческие годы рефлектор Барабашов в 1931 году передал обсерватории. В течение многих лет на нем проводились наблюдения Луны и планет.

В качестве завхоза, а затем – самого молодого астронома в обсерватории Николай Павлович проявлял огромную трудоспособность и изобретательность для обеспечения обсерватории всем необходимым, проводил в ее помещении многие часы. Вот лишь один эпизод из жизни астронома в то время.

В 1920 году в обсерваторию явился отряд красноармейцев. Командир объяснил молодому завхозу, что бойцы пришли прослушать лекцию об астрономии и посмотреть в телескоп. Барабашов сказал, что показывать нечего. «Прибор не действует, потому что его зеркало нужно покрыть серебром». «Серебра нет», – догадался командир. «Нет, серебро есть. Нет сахара, без которого это сделать невозможно». На следующий день красноармейцы притащили в обсерваторию мешок сахара. «Зачем столько? Мне хватило бы и нескольких десятков граммов», – удивился Барабашов. «Ничего», – ответил солдат. – Командир сказал: пусть делает свое зеркало и пьет чай».

В 1922 году на ремонт Астрономической обсерватории были выделены значительные средства, а Барабашов взялся за астрофизические исследования. Он исследует Солнце, переменные и новые звезды, наблюдает метеорные потоки и кометы. Но больше всего времени Барабашов проводит за наблюдением и изучением Луны и планет. В 1930 году он становится директором обсерватории. В 1933 году Николай Павлович возглавляет кафедру астрономии, а через три года по совокупности опубликованных научных работ Барабашову присваивают степень доктора физико-математических наук.

Интерес харьковского астронома прежде всего к Луне и планетам был обусловлен не только его личными пристрастиями, но и объективными обстоятельствами. Эти яркие объекты были доступны для исследований в не самой обеспеченной средствами (в первую очередь приборами) и расположенной не в лучшем месте университетской обсерватории. Метод изучения был также подобран исходя из имеющихся возможностей – фотографическая фотометрия. Харьковский астрономы под руководством Барабашова получали ряды наблюдений в разных участках видимой части спектра, это позволяло изучить зависимости яркости поверхностей от условий наблюдения, сопоставить их с лабораторными аналогами, перейти к физическим свойствам поверхностей и атмосфер планет.

Уже в довоенные годы были сформированы довольно правильные представления о лунной поверхности. Была также установлена природа полярных шапок на Марсе, выяснена величина атмосферного давления на этой планете, толщина надоблачной атмосферы Юпитера, проведены серьезные и результативные исследования колец Сатурна. Тогда же Николай Павлович занимается исследованиями Солнца, начинает свою работу Служба Солнца астрономической обсерватории ХГУ. В 1935 году под руководством Барабашова конструируется уникальный прибор для наблюдений Солнца – спектрогелиограф. В 1941 году Н. П. Барабашову было присвоено звание заслуженного деятеля науки Украины.

Барабашов не устает ставить перед руководством университета, областными и республиканскими властями вопрос о создании новой наблюдательной базы обсерватории за Харьковом. В Ленинграде велись переговоры об изготовлении специально для этой базы нового мощного телескопа. Наконец, Народный комиссариат просвещения Украины выделил соответствующие средства, был выбран холм для филиала Харьковской обсерватории. Но строительство не началось. Началась война.

Университет был эвакуирован. В Кзыл-Орде на базе Киевского и Харьковского университетов был создан Объединенный Украинский университет, кафедру астрономии и теоретической механики которого возглавил Барабашов. После возвращения в Харьков в 1943 году Николай Павлович был назначен ректором ХГУ. Опять астроному пришлось заниматься хозяйственной деятельностью, причем в больших масштабах – речь шла не только о восстановлении разграбленной Астрономической обсерватории, но о восстановлении всего университета. Барабашов оставался ректором до мая 1945 года, когда его свалил очередной приступ болезни.

Страна быстро восстанавливалась, выходила на новые рубежи советская наука. Вскоре стало ясно, что СССР готов бросить значительные силы и средства на изучение космоса, астрономия стала модной наукой. В 1948 году Академия наук Украины избрала Барабашова

своим действительным членом. В 1949 году он выступил с предложением создать Комиссию по физике планет при Астросовете Академии наук СССР. Сам харьковчанин и возглавил эту комиссию. Разносторонняя деятельность этого учреждения сыграла громадную роль в том рывке, который был сделан в советской астрономии и космонавтике в 50-60-х годах.

Свой расцвет переживала Харьковская обсерватория. На основе фотографий, полученных с борта АМС «Луна-3», совместными усилиями Харьковской и ряда других обсерваторий был создан первый «Атлас обратной стороны Луны», одним из авторов и редакторов которого был, естественно, сам Барабашов. Харьковские астрономы принимали участие в подготовке и обработке результатов практически всех советских экспериментов по изучению Луны, Марса, Венеры и кометы Галлея средствами ракетно-космической техники. Харьковские астрономы принимали активное участие в выборе на Луне мест для посадки космических аппаратов и разработали карту глубин лунной пыли – поверхностного слоя реголита.

Результаты исследований Луны и планет Барабашов изложил в своих многочисленных трудах. Список его работ включает свыше 500 научных статей, монографий, учебных пособий, научно-популярных брошюр и статей. Особенно большую роль в развитии науки сыграла монография «Исследование физических условий на Луне и планетах», которая была опубликована в 1952 году. Работы Барабашова были хорошо известны и за рубежом (не все, конечно, – ведь Советский Союз не спешил делиться своими достижениями в области космических исследований).

В 60-х годах усилиями Николая Павловича наконец была создана загородная Чугуевская наблюдательная станция Харьковской обсерватории. С подачи Барабашова в Харькове был открыт планетарий. В 60-х он продолжает и педагогическую деятельность. Под его руководством в Харькове была создана своя астрономическая школа, многие ученики Барабашова стали виднейшими астрономами и сегодня продолжают свою работу в странах СНГ. Барабашов был награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени. В 1969 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

У Николая Павловича были разносторонние интересы – кроме фотографии, увлекался он и кинолюбительством. По примеру Льва Термена, создавшего «терменвокс», Барабашов сам сконструировал и изготовил электромузыкальный инструмент. В последние годы своей жизни, измученный болезнью, Барабашов работал дома. Аспиранты и студенты с благодарностью вспоминают о гостеприимстве хозяек дома – жене ученого Вере Арсеньевне и его дочери Валентине Николаевне. Николай Павлович умер 29 апреля 1971 года.

В 1987 году Академия наук Украины учредила премию имени Академика Н. П. Барабашова за выдающиеся работы в области астрономии и экспериментальной физики. Астрономическая обсерватория Харьковского университета преобразована в Научно-исследовательский институт астрономии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина.

Любой видный астроном сейчас имеет прекрасную возможность остаться на картах звездного неба. Можно найти там и Барабашова. Его именем назван один из кратеров на поверхности Марса и малая планета 2883. Но в Харькове его фамилия известна практически всем. И не потому, что в нашем городе как-то особенно относятся к астрономии вообще и Луне в частности. Дело в том, что именем выдающегося ученого названа улица и станция метрополитена, возле которой расположен крупнейший вещевой рынок. В наше смутное время рынок дал работу десяткам тысяч людей, которые из инженеров, учителей, квалифицированных рабочих, студентов превратились в торговцев. Слово «Барабашка» с уважением произносят даже на знаменитом Одесском «7-м километре». В Харькове же многие представители интеллигенции недовольны таким пренебрежительным отношением к памяти крупного ученого. Недавно станцию метро переименовали из просто «Барабашова» в «Академика Барабашова». Вряд ли

после этого из лексикона харьковских жителей исчезнет слово «Барабашка». А может, это и есть истинное бессмертие?

Бахчанян Вагрич Акопович

(род. в 1938 г.)

*Художник, литератор, нонконформист.
Автор каламбуров, классик соцарта.*

Был такой анекдот из серии «Армянское радио»: «Пенсионер Иванов из Вологды спрашивает у нас, откуда происходят анекдоты. Этим же интересуется товарищ Андропов из Москвы». Действительно, откуда? И не только анекдоты, а и просто шутки, вроде «Бей баклуши – спасай Россию» или знаменитого «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью». Народное творчество? Как бы не так! Есть конкретные авторы, которые забыты в ходе передачи их творений из уст в уста. Одним из таких авторов (в том числе указанных фраз) является харьковчанин Вагрич Бахчанян.

Вагрич Акопович родился 23 мая 1938 года в Харькове. Отец – Акоп Бахчанян был в свое время персидским подданным, писал стихи и рисовал. Так что маленький тигр (Вагрич переводится как тигр) унаследовал любовь к живописи от отца. Семья Бахчанянов пережила оккупацию в Харькове. Известна история о том, как Вагрич взобрался на немецкий танк, а солдаты повесили ему на шею круг колбасы – так и ехал. Затем мальчик обменял колбасу на цветные карандаши.

В школу Бахчанян отправился в 1945 году. Рисованием он занимался в кружке под руководством художника кукольного театра Щеглова. По окончании школы Вагрич не поступил в вуз, а в 1957 году был призван в армию, служил три года. В начале 60-х Бахчанян уже работает карикатуристом, его картинки появляются на страницах местного «Красного знамени». Карикатуры Вагрича отличались особой остротой, прозрачными намеками.

В это время Бахчанян уже входит в знаменитый андеграундный харьковский кружок нонконформистов. Среди его ближайших друзей – Савенко, Милославский и другие. Вагрич среди них был главным острословом, а поступки первых советских авангардистов, как мы знаем, граничили с хулиганством. Можно себе представить, насколько «прибацанным» (выра-

жение сестры Вагрича Акоповича) было поведение Баха, как его называли друзья, если Эдуарда Савенко он называл «маменькиным сынком». Кстати, именно Бах придумал для Савенко псевдоним. Молодые неформалы восхищались декадентами Серебряного века, вэтаким декадентском стиле вышел и псевдоним – Лимонов. «Да и бледный он был, как лимон», – вспоминает Вагрич Акопович.

Бах, как и Лимонов, пробовал себя в авангардной литературе. Так, его пьеса «Кто это накакал» была разыграна на квартире одной из героинь произведения, да и остальные персонажи – это реальные члены нонконформистского кружка. А кроме того, у Баха был особый талант сочинять каламбуры, оксюмороны (сочетание несочетаемого), афоризмы. «Полтора-два стаканчика – и ты в самом лучшем состоянии, чтобы заниматься словотворчеством». В коротких фразах обычный штампа начинал звучать по-новому и сам становился соавтором максимы. Генис называл этот жанр свихнувшимися идиомами. Например: высшая мера поощрения, лестничный марш Дунаевского, могильная электрическая плитка шоколада, жилплощадь Восстания, наставлять рога на путь истинный, гордиев санузел. Любил Бах путем изменения одной буквы, вставки неожиданного пробела дать новое звучание старым словам – наиболее цитируемым стало словечко – SOSреализм. (Не любил Вагрич Акопович соцреализма.) Способы сочинения таких вот слов и словосочетаний соответствуют и бахчаняновской манере рисовать. Недаром именно ему приписывают изобретение советского коллажа – где главным инструментом становилась не кисть, а ножницы; Бахчаняна называют художником, который не рисует?

Танк, совмещенный с чайником; Ленин в чуть-чуть сдвинутой на затылок кепке – такой себе урка; люди, играющие в крестики-нолики распятиями, и т. д. Конечно, не все это шло в печать. Но в Харькове все равно появилась разгромная статья-фельетон, направленная против абстракционистов, «Таланты без поклонников», где упомянули, конечно, и Вагрича Акоповича, и ему пришлось уехать в Москву.

В Москве Бахчанян быстро нашел единомышленников и друзей. Остроумного харьковского армянина с удовольствием приглашали на разные посиделки. Его с женой даже сняли в художественном фильме «Кража». В 1966 году его пригласили работать в отдел юмора «Литературной газеты». На знаменитой «16-й полосе» Вагрич был одним из основных иллюстраторов. Он и сейчас с теплотой вспоминает атмосферу, сложившуюся в коллективе, делавшем полосу. Говорит, что в Америке уже нигде он не чувствовал себя настолько в ударе. Недаром часть гонораров за свои картины и книги Бахчанян перечислял после распада Союза в «Литературку».

Коллажи Вагрича Акоповича печатали также в «Знании?силе», «Юности». В начале 70-х годов Бах становится постоянным участником международных выставок карикатуристов (большинство из них проходили за пределами СССР). А в 1974 году авангардист решил покинуть страну. Уехал он не из-за гонений властей, а из-за нерешенного квартирного вопроса.

Новым пристанищем Бахчаняна стали Соединенные Штаты. Конкретно – Нью-Йорк. Здесь уже жило и работало достаточно представителей советской литературной и художественной богемы. Бахчанян же быстро стал любимцем, центральной фигурой, легендой русскоязычной эмиграции. Он сотрудничает с Довлатовым в газете «Новый американец», о чем сохранилось немало рассказов самого Довлатова, затем вместе с Генисом и Вайлем делает журнал «7 дней», где его коллажи печатаются разворотами.

Бахчанян не стал американцем. Многие признают, что он остался точно таким, каким и был. Журналист, общавшийся с художником по поводу его юбилея, застал его ловящим караса на крючок в Центральном парке Нью-Йорка. Да и сам Бахчанян говорит, что не смог вписаться в американскую культуру, включить местные реалии в свое творчество. «Мои каламбуры о советской жизни были основаны на том, что я знаю, все эти канцеляризм и лозунги существовали у меня на уровне подкорки, а здесь?» Сложно с игрой слов на английском языке. Но

Вагрич Акопович нашел себе применение. Продолжал выдавать афоризмы: широкополовая шляпа, медный всадник безголовы, дурная слава КПСС, дамская комбинация из трех пальцев. Кстати, один из самых известных анекдотов о нем основан именно на американских событиях. На светской вечеринке русские эмигранты обсуждали своих детей. В частности, родителей волновало то, что дети отрываются от русской культуры. «Как же можно жить без Достоевского?!» – воскликнула одна дама, на что Бахчанян спокойно ответил: «Пушкин жил, и ничего». Анекдоты Вагрича Акоповича разлетались все с той же скоростью. Однажды его встретил Щапов (бывший муж одной из жен Лимонова) и сказал: «Вагрич, я недавно слышал анекдот. Тебе понравится, он в твоём стиле: встречает как-то Ван Гог Бетховена и спрашивает: «В каком ухе у меня звенит?». «Это не только в моем стиле, это я и сочинил», – ответил Бахчанян. Кстати, он, регулярно подшучивая над знакомыми, сам не любил оказываться жертвой. Так что Довлатову пришлось стереть надпись под карикатурой, на которой был изображен повешенный человек «Бахчанян на проводе». А Вагрич Акопович, в свою очередь, рассказывает, что побаивался Довлатова: «Он всегда говорил так, как будто это сейчас пойдет в печать. Никогда не был косноязычен».

Конечно, не оставил в Нью-Йорке Бах и рисования. Читал лекции в академии изящных искусств. Появилось еще немало карикатур и коллажей. Стиль, в котором работает художник, называют соцартом. Каждый день на сайте www.usgor.com появляются его картинки. Бахчанян работает, даже когда говорит по телефону, пытаясь доказать, что разговоры эти нельзя считать потерянным временем. Он рисует нечто, что ассоциируется у него именно с данной беседой.

В США Вагричем был проведен и ряд авангардных литературных опытов. В 1980-е годы пять его книг были изданы в Париже. В 2000-м он получил премию русской эмиграции «Liberty».

Дома у Бахчаняна стоит 12-томное собрание сочинений: «Сын Полкан», «Праща-оружие», «Пиковая дама с собачкой», «Отцы и дети капитана Гранта», «Сорочинская ярмарка тщеславия», «Трое в лодке, не считая собаки Баскервилей», «Женитьба бальзамированного», «Серапионовы братья Карамазовы», «Репортаж с петлей и Анной на шее», «Нецензурное слово о полку Игореве», «Витязь в тигровой шкуре неубитого медведя», «Тихий Дон Кихот». Открыть книги нельзя – они намертво впечатаны в пластик. Как-то Бахчанян подарил другу свою книгу «Совершенно секретно». На книге висел амбарный замок, а ключ обладатель книги получил лишь через месяц. В трилогии, выпущенной в 1986 году Синявскими: «Ни дня без строчки», «Синьяк под глазом» и «Стихи разных лет» очень любопытна последняя книга. В ней собраны без подписей стихи знаменитых русских поэтов – от Крылова до Лермонтова без каких-либо комментариев и изменений. «Это не плагиат, – утверждает Бахчанян, – ведь все знают, что «Слона и Моську» написал не Бахчанян, а Крылов. Это концепт». Нельзя по этому поводу не вспомнить известный рассказ Борхеса «Пьер Ренар – автор Дон Кихота», герой которого, пытаясь написать римэик книги Сервантеса, постепенно приходит к совершенно идентичному с оригиналом тексту. Но его Дон Кихот – это??? Дон Кихот, – зная биографию, манеру, взгляды Ренара, читатель по-другому воспринимает и Дон Кихота.

Как и у великого аргентинского писателя, у Бахчаняна масса экспериментов. Только если Борхес, как правило, описывает появление самой идеи, людей, которые могли бы так сделать, то Вагрич и есть такой человек. В одной из его пьес у каждого из 104 персонажей всего одна реплика:

- *Герострат*: Всем лучшим во мне я обязан книгам
- *Венера Милосская*: Мойте руки перед едой
- *Дон Жуан*: Уходя, гасите свет
- *Вильгельм Телль*: Не стой под стрелой
- *Ньютон*: Яблоко от яблони далеко не падает
- *Дальтон*: Все стало вокруг голубым и коричневым

- *Мюнхгаузен*: Правда глаза колет
- *Сизиф*: Кончил дело – гуляй смело.

В другой – «Чайка-буревестник» – текст Горького, а персонажи Чехова. В третьей книге: «Повесть о том, как поссорились Александр Исаевич с Иваном Денисовичем» в гоголевском тексте заменены имена и отчества. До сих пор не опубликована книга Бахчаняна, которая звучит так: «Суета сует и всяческая суета сует и всяческая суета сует и всяческая суета сует?» и т. д. до самого конца. Известна, но тоже не вышла в свет пьеса с одной репликой. По сюжету, на Красной площади собирается взволнованная толпа. Из Мавзолея выходит человек в белом халате и устало говорит «Будет жить!»

В брошюре Бахчаняна Top Secret Art предлагается ознакомиться с подробным устройством советского танка. Дана инструкция на нескольких языках.

Андрей Синявский назвал Бахчаняна последним футуристом. Вагрич Акопович часто вспоминает слова Бродского о том, что в искусстве главное – величие замысла. Он с этим не согласен, полагая, что важно не столько что, сколько как, т. е. форму ставит во главу угла.

Сохранив хулиганский задор в своем творчестве, Бах уже не столь эксцентричен в жизни. С малознакомыми лаконичен, сдержан, гостеприимен, как и его жена Ирина.

В Москву Бахчанян приехал после 29-летнего перерыва в 2003 году на свою выставку «Ни дня без строчки» и презентацию выпущенной в уральском издательстве «У-фактория» книги «Мух уйма». В книге собраны самые разные «художества»: лозунги, приказы, пьесы, коллажи, анекдоты, меню, натюрморты, доклады, сказки, некрологи, мемуары и пр. и пр.

На вопрос, чего он не нашел в современной Москве, он отвечает: «Своих друзей молодыми». С Лимоновым он давно не поддерживает отношений. Ему не нравится, чем тот занимается. «Мне кажется, что если делать партию, то не так серьезно, – говорит Бахчанян. – Надо было на партийном знамени изобразить, например, Диогена на собаке». «Почему на собаке?» – удивляется корреспондент. «Потому что киники!»

Бахчанян говорит, что все искусство уже сделано, кроме скучного, которое уже маячит на горизонте. Но, наверное, пока Вагрич Акопович будет работать, он сможет обыденность и скуку сделать смешными.

Бекетов Алексей Николаевич

(род. в 1862 г. – ум. в 1941 г.)

Архитектор. Создатель ряда зданий, определяющих лицо Харькова.

Не потому ли в Харькове не установлен памятник самому, пожалуй, известному зодчему города, что монументальных напоминаний о его делах и так хватает. Что может служить лучшим памятником архитектору, чем сохранившиеся его творения! Здания, которые возводил представитель славной семьи Бекетовых, на много лет вперед определили облик Харькова. Поэтому Алексея Бекетова до сих пор называют в числе первых в списке выдающихся жителей города.

В отечественных энциклопедиях можно найти нескольких Бекетовых, являющихся не только однофамильцами, но и родственниками. Наиболее известными из них являются Николай Николаевич Бекетов⁹ – один из основоположников физической химии, много лет работавший в Харькове; его брат Андрей Николаевич – выдающийся российский ботаник, ректор Санкт-Петербургского университета; наконец, видный архитектор – Алексей Николаевич Бекетов, который практически всю свою жизнь провел именно в Харькове. Учился в столице, ездил за границу, работал по заказу в Баку и Донецке, отдыхал и возводил здания в Крыму, но неизменно возвращался в родной город и активно преображал его, делал красивее, внушительнее, ярче.

Родился Алексей Николаевич в 1862 году 3 марта по новому стилю, естественно, в Харькове, в семье уже упоминавшегося выше Николая Николаевича Бекетова. Здесь же будущий зодчий провел свои детские годы; учился в реальном училище, в знаменитой художественной школе Ивановой-Раевской. Алексей много читал, увлекался поэзией и рисованием. Уже тогда проявились наклонности Бекетова-младшего – рисуя, он особенно тщательно прорисовывал мелкие детали, орнаменты, геометрические формы. В городе Алексей подолгу проста-

⁹ Статья о нем есть и в данной книге.

ивал возле красивых домов, разглядывал их внешние украшения. В возрасте 20 лет Бекетов поступил на архитектурный факультет Петербургской академии художеств.

Не все в этом учебном заведении устраивало харьковского студента. Преподаватели в то время, как правило, ограничивались изложением основ, догм зодческого искусства – подробно рассматривали античную архитектуру, эпоху Ренессанса и классицизм. Все остальное Бекетову приходилось осваивать самому в библиотеке, в музее Академии. Уже к третьему курсу Алексей Николаевич, очевидно, опережал своих молодых коллег. В 1888 году он успешно защитил дипломный проект «Курзал на берегу моря» и окончил, таким образом, архитектурный факультет с золотой медалью. Несмотря на заманчивые перспективы, Бекетов решил покинуть столицу и вернуться в Харьков. «Я стоял возле сказочных дворцов и вспоминал узкие переулки родного города, тесные и грязные, застроенные глиняными хатками улицы. И меня неудержимо потянуло в Харьков, захотелось отдать ему все свои способности», – вспоминал зодчий.

В Харькове он начал активную творческую работу. Первым большим достижением молодого специалиста стало возведение здания Коммерческого училища, на которое был объявлен конкурс местным купечеством. Алексей Николаевич выиграл его, но вскоре получил тысячу возможностей и поводов пожалеть об этом. Реальное воплощение даже самого лучшего проекта в жизнь наталкивалось на самые разные чисто отечественные неурядицы и препоны. Алексей Бекетов сам решил руководить строительством (взяв в помощники студента Технологического института) – приходилось выбивать деньги у самих заказчиков, преодолевать бюрократические проволочки и административные барьеры. Не то чтобы кто-то лично не любил или завидовал Бекетову, но в этой стране любое дело имело все шансы провалиться – особенно, если речь идет о строительстве. Не верите – вспомните ближайшую к вам новостройку и вспомните, когда там все начиналось.

Архитектор стал прорабом. Так он и совмещал эти должности всю свою жизнь. В 1893 году Коммерческое училище было, наконец, достроено. Оно стало настоящим украшением Немецкой улицы (теперь Пушкинская) и всего Харькова. Сейчас в этом здании находится Национальная юридическая академия им. Ярослава Мудрого.

По уставу Петербургской академии художеств, после трехлетней практики архитектор мог взять тему проекта для получения научной степени академика архитектуры. Алексей Николаевич выбрал тему «Библиотека на полтора миллиона томов с галереей выдающихся людей и нумизматическим залом». В 1894 году проект был представлен комиссии, получил отличную оценку, что принесло Бекетову звание академика архитектуры и, соответственно, действительное членство в Академии художеств.

Тем временем в Харькове появились новые заказы. Быстро развивающиеся капиталистические отношения не обошли стороной крупный украинский город. Географическое расположение Харькова, торговые традиции, заработанное университетскими, театральными, литературными поколениями положение культурного и научного центра открывали перед городом большие перспективы в новом мире. Уже по всей Украине был известен предприниматель и меценат Алексей Кириллович Алчевский. Фундаментом его бизнеса стала деятельность финансовая. Харьков нуждался в современных банковских сооружениях, работать с деньгами надо было в новых помещениях. Эта задача и стала перед самым многообещающим и модным харьковским зодчим. Тем более что с семьей Алчевских его семья была очень близка. Одну из дочерей Алексея Алчевского – Анну – Алексей Бекетов даже взял в жены. Анна Алексеевна имела с мужем общие интересы, она была художницей. Бекетов и сам был неплохим пейзажистом, регулярно участвовал в выставках.

Итак, Бекетову была поставлена задача построить новое здание Земельного банка. Знания о строительстве банков Бекетов решил получить за границей. Он побывал во Франции, Италии, Германии, там освоил специфику размещения операционных залов, рабочих помещений, сейфов и в результате разработал полностью оригинальный проект. Сейчас в здании

бывшего Харьковского земельного банка на площади Конституции (ранее Николаевская) находится автотранспортный техникум. В 1899 году на той же площади Бекетовым был возведен дом Торгового банка (сейчас Дом техники) и в 1907 году – здание Волжско-Камского коммерческого банка (ныне Театр кукол).

Много времени, сил и таланта Алексей Бекетов вложил в сооружение здания Харьковских судебных установлений на нынешней площади Руднева. Здание было спроектировано и построено при участии архитекторов Цауне и Хрусталева. Проект был составлен еще в 1898 году, но само здание было открыто для посетителей лишь через четыре года. Во время этой работы Бекетову пришлось в полной мере применить все свои разносторонние знания и умения, столь необходимые зодчему. Архитектор должен ведь не только «нарисовать» внешний вид дома, но и спроектировать внутренние помещения в зависимости от их функционального назначения, заняться интерьером и иногда, как в случае с данным домом, мебелью. Кроме того, архитектор обязан хорошо разбираться в материаловедении, геодезии, геологии, экологии. Так, на площади, предназначенной для воплощения проекта трех архитекторов, пришлось применить дренаж по всему периметру площади, поскольку в этом месте строение оказывалось на одном уровне с уровнем воды.

Здание судебных установлений было построено в классическом стиле. Русский классицизм – излюбленный стиль Алексея Бекетова, впрочем, в нем он не был догматиком и смело использовал элементы других архитектурных направлений – как новых, так и хорошо забытых старых; лично руководя строительством, он применял передовые достижения строительной техники. Здания Бекетова отличают строгие композиционные замыслы, но и частое применение декоративных мотивов античности, Возрождения, барокко, классицизма, модерна и даже ориенталистических элементов. Специалисты отмечают у Алексея Николаевича прекрасное чувство ансамбля, масштабности и пропорций, отменный художественный вкус.

Еще одним знаковым для Бекетова творением стало здание Общественной библиотеки (ныне – им. Короленко), одними из инициаторов открытия которой были все те же Алчевские и ряд других прогрессивных деятелей Харькова (к коим, собственно, всегда принадлежали и Бекетовы). В 1901 году Алексей Николаевич возвел это полезное здание, не взяв за это плату. Вместо денег при начале проектирования он получил от общественности благодарственный адрес. Бескорыстно Бекетов выполнил и проект здания знаменитой Воскресной школы Христины Даниловны Алчевской на углу улиц Чернышевской и Совнаркомовской. Сейчас в этом помещении находится выставочный зал Харьковского художественного музея.

Одно из самых сложных заданий архитектора – проект комплекса Харьковского медицинского общества (сейчас – институт им. Мечникова). В рамках комплекса необходимо было собрать помещения совершенно разной функциональной направленности. Но и с этой работой талантливый домостроитель справился прекрасно. Как и с другими сооружениями в Харькове: образовательными – Высшие женские курсы, Коммерческий институт; частными домами – Соколова, Алчевских (ныне ДК милиции) и др. При постройке частных домов Бекетов чаще отходил от строгой ордерной системы. Тут появлялись и псевдомавританские формы, и неоклассические, и античные (как, например, в собственном особняке Бекетова, где сейчас расположен Дом ученых). Диапазон и мастерство владения разными формами необычайно широки – от монументальных колоннад и многоярусных пилястровых порталов до лирического образа балкона-лоджии с фигурами кариатид, которыми он украсил особняк для своей семьи.

Среди других харьковских работ Алексея Бекетова стоит также вспомнить постамент памятника В. Каразину, стоящего сейчас у входа в Харьковский национальный университет.

Первая мировая война не дала Бекетову осуществить ряд проектов, которые, по мнению архитекторов и искусствоведов, безусловно, могли бы стать украшением Харькова. Это проект

женского медицинского института и театра на 2200 человек (полагают, что это вообще, возможно, самый интересный проект Бекетова).

Алексея Николаевича вспоминают не только в Харькове, не только в этом городе находятся спроектированные им здания. Академик, профессор архитектуры (он получил это почетное звание в 1898 году) был известен широко на юге Российской империи, построил театры в Новочеркасске и Симферополе, банк в Ростове-на-Дону, Горный институт и дом железнодорожного управления в Екатеринославе (сейчас Днепропетровск). С особой теплотой вспоминают харьковского зодчего на Южном берегу Крыма. Здесь, в Алуште, Николай Николаевич Бекетов – отец архитектора – имел свою дачу, подолгу отдыхал вместе со всей семьей. В 1895 году ученый подарил соседний участок земли сыну. Здесь здание своей дачи спроектировал Алексей Николаевич, сам он перенял привычку проводить лето в Алуште у отца, сейчас здесь продолжают бывать представители нынешнего поколения Бекетова. Внук зодчего Ф. Рофе-Бекетов работает в Харькове, в Крыму же живет в оставшейся для частного пользования части дачи, остальные помещения стали Домом-музеем академика А. Н. Бекетова. В южном городе еще немало особняков и дач, созданных по проекту Алексея Николаевича.

Помимо непосредственной деятельности над проектами и строительством, Алексей Николаевич преподавал будущим градостроителям (и до и после Октября 1917 года) в институте коммунального строительства (до начала Великой Отечественной войны он заведовал здесь кафедрой архитектуры), технологическом и художественном институтах. Он издал учебник по архитектуре для студентов технологического института, опубликовал ряд статей в местных и столичных журналах, принимал участие во всех пяти съездах российских зодчих.

Революция не оборвала карьеру Бекетова. При новой власти он пользовался все тем же уважением, хотя и работать пришлось еще больше, еще энергичнее. Алексей Николаевич был среди учредителей Всесоюзного, республиканского и областного правлений Союза архитекторов СССР, стал действительным членом Академии архитектуры СССР. В 1939 году он без защиты диссертации получил степень доктора архитектуры, в 1941 году Бекетову было присвоено звание заслуженного деятеля искусств УССР. При советской власти Алексей Николаевич много работал на Донбассе, часто ездил в Горловку и Макеевку, проектировал дома для шахтеров. Он осуществил ряд проектов гражданского и жилищного назначения в Харькове, Киеве, Баку. В Донецке под его руководством был возведен корпус университета. В Харькове Бекетов построил электротехнический корпус ХТИ (ныне – политехнический университет), еще один банк, реконструировал Дворец культуры «Металлист». Он также получил право на сооружение нового университетского здания, но не смог осуществить задуманного из-за новой войны. Любопытно, что Бекетов участвовал и в конкурсе на сооружение знаменитого Госпрома, но он был так далек от модного тогда конструктивизма, что не смог конкурировать с молодыми коллегами. Всего за свою жизнь Алексей Бекетов возвел около ста зданий.

Алексей Николаевич умер 23 ноября 1941 года, похоронен на 13-м городском кладбище Харькова. Одна из улиц в районе Харьковского тракторного завода носит его имя. В 1995 году именем архитектора была названа и станция третьей линии Харьковского метрополитена. Станция «Архитектора Бекетова» находится как раз в районе пересечения улиц Совнаркомовской, Чернышевской, Пушкинской, Дарвина – там, где сразу несколько красивейших зданий города напоминают о человеке, который «нарисовал Харьков».

Бекетов Николай Николаевич

(род. в 1827 г. – ум. в 1911 г.)

Химик. Многими считается основоположником физической химии.

Русские и западные историки науки спорят не только о том, кто открыл Периодическую систему элементов, изобрел радио или первым достиг Антарктиды. При том уровне развития науки, которого Российская империя достигла в XIX веке, неизбежно должны были появляться все новые и новые независимые от Запада исследования, которые повторяли, слегка опережали аналогичные исследования зарубежных коллег или отставали от них. Так этот вечный спор коснулся и такой науки, как физикохимия. Немецкие ученые убеждены, что приоритет в этой области принадлежит их соотечественнику химику Оствальду. Их русские коллеги называют другую фамилию. Ведь курс физико-химии был прочитан в Харьковском университете химиком Николаем Николаевичем Бекетовым еще в 1865 году, когда Оствальду было лишь 12 лет!

На самом деле все началось еще раньше. Знаменитый ученый-энциклопедист Михаил Ломоносов читал студентам Императорской Санкт-Петербургской академии наук курс физической химии – «Введение в истинную физическую химию». Он разработал также «План к курсу физической химии» и программу экспериментальных работ («Опыт физической химии»), определяя эту науку как «объясняющую на основании положений и опытов физики то, что происходит в смешанных телах при химических операциях». Ничего необычного в столь раннем появлении такого названия нет. Ведь химия и физика – обе являлись естественными науками, изучавшими законы природы относительно неодушевленных объектов – будь то материалы, жидкости или твердые тела. Выделившись в отдельные науки, эти дисциплины регулярно пересекались, лучшие представители их стремились обобщить полученные результаты, синтезировать данные. Широкий взгляд на вещи вообще отличает крупных ученых. Такими взглядами отличался и Николай Николаевич Бекетов.

Он родился в дворянской семье Бекетовых, род которых был известен в России еще с XVI века. Произошло это знаменательное в истории русской химии событие в ночь с 31 декабря 1826 на 1 января 1827 года (с 12 на 13 января по новому стилю) в деревне Новая Бекетовка Пензенской губернии. Отец его был морским офицером. Брат Николая Николаевича Андрей впоследствии стал известным ботаником, ректором Петербургского университета, его внуком был поэт Александр Блок. (Николай Николаевич часто навещал племянницу и ее сына в Шахматово и, по словам Блока, навевал на него страшную скуку своими научными разговорами.)

Образование Николай Николаевич получил традиционное и, по тем временам, лучшее из возможных. Для начала было домашнее образование (стоит ли говорить, что в этой интеллигентной дворянской семье была отличная библиотека, способные дети имели все возможности для получения всех необходимых сведений, литературы и т. д.). Затем Николай поступил в 1-ю Санкт-Петербургскую гимназию, по окончании которой в 1844 году стал студентом отделения естественных наук философского факультета столичного университета. Братья Бекетовы учились вместе и входили в кружок талантливой столичной молодежи. С ними были знакомы Григорович и Плещеев, а с Федором Достоевским Андрей и Николай снимали одну квартиру.

Вскоре оказалось, что Санкт-Петербургский университет не может дать Николаю достаточной подготовки в той области знаний, которая его интересовала больше всего, – химии. В связи с этим он перевелся в Казанский университет. В то время там читал лекции корифей отечественной науки Николай Зинин. Сферой его интересов были органические соединения. К их исследованиям Зинин готовил и способного ученика. Бекетов защитил дипломную работу по теме «Рассуждение о действии возвышенной температуры на органические соединения». Но впоследствии Николай Николаевич выбрал в химию иную стезю, иную тематику. В 1849 году он окончил университет, вернулся в столицу, работал в Медико-хирургической академии, где еще продолжал работы по органической химии, в 1853 году защитил магистерскую диссертацию, где привел важные выводы, касающиеся образования новых соединений. Два года Николай Бекетов был ассистентом кафедры химии и технологии Санкт-Петербургского университета, а летом 1855 года он был назначен экстраординарным профессором Харьковского университета.

В то время обучение химии в университете находилось на довольно низком уровне. Так, например, не проводились практические занятия со студентами. (Все равно, что учить футбол лишь по учебникам и конспектам.) Создание лабораторной базы было одним из основных дел Николая Николаевича на новом месте работы. В новых лабораториях велись как практические занятия, так и научно-исследовательская работа самого Бекетова и его коллег. Все это совмещалось с довольно активной лекционной работой.

В 1858 году харьковский химик получил заграничную научную командировку на 15 месяцев. Он побывал в Великобритании, Франции, Германии, слушал лекции видных ученых, познакомился со многими из них – Митчерлихом, Дюма, Велером, Бунзеном и др. В Париже Бекетов приобрел на специально выделенные ему университетом деньги оборудование для университетской лаборатории.

А вскоре в Харькове как раз и был сделан тот самый шаг в сторону развития новой отрасли – физической химии, о котором мы говорили в начале статьи. В 1860-м Бекетов начал читать курс лекций по физической химии в Харьковском университете¹⁰, в 1864-м организовал отделение по подготовке физико-химиков. (Он добился того, что физико-математический факультет был разделен на три «разряда», одним из которых и был физико-химический.) В докладной записке, обосновывавшей создание новой специальности, Бекетов писал: *«Знать химию... невозможно без основательного знакомства с физикой, а потому также с математикой... Хотя мы и различаем химические и физические свойства тел, и те и другие суть*

¹⁰ Изначально название курса было несколько иным, само слово «физикохимия» в названии появилось в 1865 году.

выражение строения и свойств малейших частиц... Строение материи... находится в зависимости от физических условий и химических свойств»

В 1865 году Николай Николаевич защитил докторскую диссертацию «Исследования над явлениями вытеснения одних элементов другими». В этой работе ученый показал влияние начальных концентраций реагентов на направление реакций, зависимость его от давления, влияние которого он понимал как влияние концентрации газов. Таким образом, Бекетов, по сути, предвосхитил открытие закона действия масс. Тогда же Николай Николаевич составил ряд металлов по способности вытеснять друг друга, который впоследствии в точности совпал с рядом напряжений.

Научные работы Николая Бекетова посвящены изучению зависимости направления химических реакций от состояния реагентов и внешних условий, исследованию химического сродства и того, какими свойствами это сродство определяется. Бекетов открыл вытеснение металлов из растворов их солей водородом под давлением; установил возможность протекания реакции в двух направлениях и дал точное определение состояния равновесия; исследовал вытеснение одних элементов другими из их соединений и связал эти процессы с «первоначальными химическими свойствами элементов – тем, что называется химическим сродством». Стремясь связать химические явления с «относительными массами и расстояниями между действующими частицами», Бекетов вплотную подошел к идее, что химические свойства веществ определяются свойствами их атомов – атомной массой и радиусом. (А между тем, сделан этот вывод был еще до опубликования Периодического закона, немудрено, что Николай Николаевич с таким восторгом воспринял теорию Менделеева.) Исходя из своих представлений о «прочности» (в современной терминологии – стабильности) соединения элементов с близкими атомными массами, Бекетов предложил в качестве наиболее сильного восстанавливающего агента алюминий. С его помощью химик осуществил восстановление некоторых металлов из их оксидов при высоких температурах, создав основы метода, позже вошедшего в практику под названием алюминотермии. Этот метод теперь широко используется в металлургии.

Студенты запомнили Бекетова как прекрасного лектора, умеющего увлекать слушателей. Часто по ходу лекции Николай Николаевич отвлекался от основной линии изложения на предметы, казалось бы, второстепенные. Но именно они неожиданно захватывали профессора. Он прямо при студентах и как бы вместе с ними начинал работать над решением проблемы, над которой до того не задумывался, рисовал перспективы, находил связи с другими важными вопросами химической и физической науки. То же происходило и на практике. Многие свои открытия Николай Бекетов сделал совместно со своими студентами и лаборантами. На экзаменах профессор был мягок и снисходителен (его и студенты, и петербургские академики называли «добрейшим Николаем Николаевичем»), но, несмотря на это, уважение к нему было столь велико, что студенты приходили, хорошо подготовившись. Тому причиной, вероятно, и хорошая посещаемость интересных лекций Бекетова в течение учебного года. Среди учеников одного из отцов физико-химии знаменитые ученые Флавицкий, Эльтеков, Хрущев.

«Удивительная простота в обращении, бесконечная доброта и сердечность, прямота и безыскусственность пленяли всякого, кто знал Н. Н. Бекетова», – вспоминал еще один из его воспитанников профессор Танатар в 1912 году.

В 1868 году Бекетов был избран ординарным профессором по кафедре химии Новороссийского университета, но по просьбе коллектива университета Харьковского остался в городе. С 1872 года при университете работало Харьковское физико-химическое общество под руководством Николая Бекетова. Деятельность его на ниве химических исследований была исключительно активна. Вместе с учениками он в организованных им же термодимических лабораториях определил теплоту образования оксидов и хлоридов щелочных металлов, в 1870 году впервые получил безводные оксиды щелочных металлов. (Через девять лет за это он получил

Ломоносовскую премию Санкт-Петербургской академии наук.) В 1886 году Бекетовым была фактически высказана идея цепного механизма горения и взрыва. В том же году увидел свет его учебник «Физико-химия».

Николая Николаевича называли «химиком-философом» за любовь к общим рассуждениям на химические темы. Если одни исследователи считают, что это свидетельствует о широком кругозоре ученого, то другие называют отношение Бекетова к химии наивно-патриархальным. Были ученые, которые считали, что Бекетов не более чем «серый термохимик», который обладал явно недостаточными знаниями по физике и математике, чтобы можно было всерьез говорить о нем как об основоположнике физико-химии. Так, автор журнала «Вопросы естествознания и техники» Дмитриев пишет, что Николая Бекетова можно было в некотором смысле считать третьим в России химиком после Бутлерова и Менделеева, но только помня о величине дистанции и если не учитывать достижения западной науки в области физико-химии.

Зато несомненным является положительная роль, которую сыграл Николай Николаевич Бекетов в жизни Харькова. Он был одним из инициаторов и организаторов создания Публичной библиотеки, Общества по распространению в народе грамотности, Общества помощи нуждающимся студентам. Кстати, именно Бекетов первым исследовал свойства минеральных вод в районе хутора Березовки. Сейчас об этом напоминает надпись на этикетке воды.

В 70-е годы здоровье профессора несколько пошатнулось. В Алуште он купил себе дачу, на которой и жил с семьей каждое лето, любил делать зарисовки крымской природы и моря. Способности к рисованию он передал своему сыну – известному архитектору Алексею Бекетову.

В 1884 году была ликвидирована университетская автономия, а вскоре физико-химический разряд был упразднен (развитие естественных наук не входило в программу пришедших к власти реакционеров). Николай Николаевич в это время (впрочем, как и раньше) жаловался на нехватку средств. Для своих опытов он, как и когда-то у Зинина, пользовался самым простым оборудованием, не хватало денег на реактивы. Не устраивала его и квартира, и зарплата. В 1886 году он был избран академиком Санкт-Петербургской академии наук, переехал в столицу и начал работу в Химической лаборатории Академии¹¹. До 1901 года он преподавал на Высших женских курсах, три года учил химии наследника престола, много раз избирался президентом Русского физико-химического общества.

Николай Николаевич Бекетов умер 30 ноября (13 декабря) 1911 года в Санкт-Петербурге.

¹¹ Впервые приглашение в Академию наук пришло Бекетову за несколько лет до этого, он, казалось бы, ухватился за такую возможность. Говорил, что это дело для него материальное, а не касающееся самолюбия, но в конце концов отказался, зная, что другой кандидат – Менделеев. Кстати, Дмитрия Ивановича тогда (и вообще никогда) не избрали членом Академии.

Бернес Марк Наумович

(род. в 1911 г. – ум. в 1969 г.)

Киноартист, эстрадный певец

«Шансонье божьей милостью», – так говорили о всенародном любимце Марке Наумовиче Бернесе. И о нем же – «единственный, кто может состязаться с Утесовым в безголосости». И об этом же фраза Утесова, которую вспоминал Андрей Миронов: «Петь надо душой». Бернес был, несомненно, душевным человеком, ведь до сих пор, по мнению многих специалистов, никто не может исполнить его песни так, как пел их он сам.

Марк родился в очень бедной семье в Нежине 8 октября 1911 года. (Потом почему-то называли другую дату – 21 сентября.) Отец его – Наум Нейман был старьевщиком. В 1916 году семья Нейман переехала в Харьков. Здесь Марка определили в школу. Наум мечтал, чтобы сын вышел в люди – стал счетоводом, поэтому по окончании школы отдал Марка в торгово-промышленную школу. Но не такая судьба ждала будущего заслуженного артиста. Его увлекал театр. В Харькове в театральных впечатлениях не было недостатка. Познакомившись с расклейщиком афиш, Марк Нейман стал помогать ему, работал человеком-афишей, нося на себе все объявления. За это с помощью расклейщика юный помощник бесплатно попадал на спектакли. В 15 лет Марка взяли в статисты в театр музыкальной комедии Синельникова (там же, где начинали Дунаевский и Шульженко). Нейман стал посещать театральные курсы, которые закончил в 1929 году. К этому времени его уже пару раз подпускали к эпизодическим ролям. Сам Синельников заметил, что из парнишки может выйти толк. Это окончательно убедило Марка в том, что его жизнь должна быть связана с театром. Он сбегает от родителей, едет в Москву.

Там Нейман записывается в массовку сразу нескольких театров. Работает в бывшем «Театре Корша» (ныне филиал МХАТа), Театре революции (ныне Театр им. Маяковского). Он берет себе творческий псевдоним, под которым вскоре станет известен всей стране, – Бернес. Значение этой фамилии он так и не смог раскрыть (вероятно, никакого особого смысла в ней

и не было). В 30-е годы Марк Наумович приходит в кино, и поэтому уже в театре не играет. Его стихия – съемочная площадка и эстрада.

Впервые Марк Бернес появился на экране в небольшой роли в фильме «Заключенные» (1936). Затем режиссер Юткевич снимает его в роли вредителя инженера Красовского в картине «Шахтеры» (1937). Но настоящее признание к Бернесу пришло после выхода фильма «Человек с ружьем». Бернес убедил режиссера, что в картине не хватает песни, достал где-то старую гармонь и исполнил «Тучи над городом стали». Красноармеец Костя Жигулев в исполнении Бернеса покориł советского зрителя. Фильм посмотрел и Сталин. За роль в фильме «Человек с ружьем» Бернес был награжден орденом «Знак Почета». Затем последовал популярнейший фильм «Истребители» с песней «Любимый город может спать спокойно»...

Бернес снялся в нескольких десятках кинофильмов. И во многих он пел песни – они-то и сделали его любимцем публики. При этом Марк Наумович «делал себя сам». Он лично заказывал тему для песни талантливым композиторам и поэтам и прекрасно их исполнял. Слушатели и режиссеры не могли не чувствовать глубины чувств, с которыми Бернес исполнял свои знаменитые песни, и прощали ему безголосие, незнание нотной грамоты. Вот небольшой перечень спетых Бернесом песен: «Три года ты мне снилась», «Прощай, любимый город», «В далекий край товарищ улетает», «Враги сожгли родную хату», «Темная ночь», «Шаланды полные кефали», «Хотят ли русские войны», «Журавли», «Я люблю тебя жизнь», «Если бы парни всей земли»... Бернес сотрудничал с композиторами Никитой Богословским, Матвеем Блантером, Яковом Френкелем, Эдуардом Колмановским, поэтами Константином Ваншенкиным, Евгением Евтушенко, Михаилом Исаковским, Расулом Гамзатовым, Евгением Долматовским.

Судьба песен не всегда складывалась гладко. Так, песню «Враги сожгли родную хату» обвиняли в пессимизме, «Три года ты мне снилась» из кинофильма «Большая жизнь» была признана специальным постановлением «образцом пошлости и кабацкой лирики» и «вышла в свет» лишь через десять лет после появления. Однако любая песня, которая доходила до слушателя, имела неизменный и грандиозный успех, как и любой фильм, где Бернес пел. Пластинки Бернеса расходились миллионными тиражами. Сохранилась любопытная история о том, как первый тираж одной из пластинок был забракован ОТК – прослушивался незапланированный шорох. Оказалось, что во время записи работница заплакала и уронила слезу на восковую матрицу...

Вершиной творческой кинокарьеры Бернеса стал фильм «Два бойца» Лукова, в котором Бернес исполнил роль одессита, бойца Аркадия Дзюбина. Интересно, что изначально Луков и представить себе не мог в этой роли Марка Наумовича. Но тот настоял, упрямил... и долго не мог найти нужный образ. «Помогла» неумелая парикмахерша, которая так постригла артиста, что он сразу узнал в себе Аркадия Дзюбина. Гениальные «Темная ночь» и «Шаланды» стали шлягерами на все времена. Актеры Борис Андреев и Марк Бернес получили ордена Красной Звезды (орден, кстати, боевой). Одесситы же были свято уверены, что Бернес их земляк, и он стал здесь почетным гражданином. Говорят, на одном из концертов, где Марк Наумович сказал, что родился в Нежине, а рос в Харькове, жители Одессы, обидевшись, говорили: «Вот как человек может забыть и стесняться своих корней, сделавшись знаменитым».

Женой Бернеса стала еще до войны одна из первых московских красавиц – Полина Сергеевна Липецкая. Для друзей – просто Паола. Она родила Бернесу дочь – Наташу. Рассказывают, что Марк Наумович очень любил Паолу, однако позволял себе довольно вольное поведение, имел множество романов, скандалил из-за этого с женой. Говорят, что однажды он не поделил женщину с самим зятем Хрущева Аджубеем, после чего в «Правде» появилась уничижающая статья композитора Свиридова, в которой он, в частности, писал: «Этому артисту мы во многом обязаны воскрешением отвратительных традиций «воровской романтики» – от куплетов «Шаланды, полные кефали» до слезливой песенки рецидивиста Огонька из кинофильма «Ночной патруль».

Но народу на это было наплевать, и популярности у Бернеса не убывало. Восторженные почитательницы создали клуб «Ура Бернесу», была масса личных знакомых, работавших в разных местах – от продуктовых магазинов до милиции. А вот другая сторона популярности. Как уже было сказано, в 1958 году Бернес исполнил роль старого вора Огонька. По сюжету картины его герой «завязывал» с преступным миром и призывал к этому зрителей. Настоящие воры решили разобраться с артистом «по понятиям». А по всем понятиям он выходил «сукой», и ему был вынесен смертный приговор. Спас Бернеса один из участников сходки, предупредивший по телефону любимого актера и певца и его семью.

Полина Сергеевна умерла от рака. Марк Бернес не посещал жену в больнице, боялся заразиться. После ее смерти он даже попросил домработницу тщательно убрать в квартире. Вообще, артист был человеком довольно мнительным, подозрительным. Он сильно переживал из-за успехов своих коллег – Алейникова, Андреева, хотя был не менее популярен. Вот слова Зиновия Гердта об этом человеке: «Добрый – злой, умный – темный, честный – несправедливый, смелый – нерешительный, простодушный – хитрый, доверчивый – подозрительный, жесткий – сентиментальный, веселый – мрачный... Эти исключаящие друг друга эпитеты можно длить и длить, и все это будет верно». Но всего этого не знали его почитатели. Для них было важнее его творчество, а наслаждаться им позволяли и новые фильмы: «Тарас Шевченко», «Запасной игрок», «Цель его жизни», «Школа мужества» и другие, песни, звучавшие по телевидению, радио, с эстрады и дома – с пластинок. Что бы ни говорили о его отношениях с властями, нельзя сказать, что он находился в какой-то опале. В 1951 году он стал лауреатом Сталинской премии (за участие в фильме «Далеко от Москвы»), в 1965 – получил звание народного артиста РСФСР, регулярно принимал участие в «правительственных концертах», хорошо зарабатывал, имел машину и большую квартиру.

В 1960 году Бернес повел дочь в первый класс и вскоре на родительском собрании оказался рядом с Лилией Бодровой – женой корреспондента «Пари-матч» Люсьена Но. А через три месяца Лилия ушла к нему вместе с сыном Жаном. Новую молодую жену (она была моложе Бернеса на 18 лет) Марк Наумович называл своей «лебединой песней», старался все время быть с ней рядом, а она, в свою очередь, ездила с ним почти на все концерты, некоторые из них вела. Лилия Михайловна до сих пор вспоминает о покойном муже с нежностью. Рассказывает, как он хорошо относился к обоим детям (хотя и полагал, что ими надо заниматься меньше, чем этого хотела Лилия), как заботился о ней, до сих пор называет себя не вдовой, а именно женой артиста.

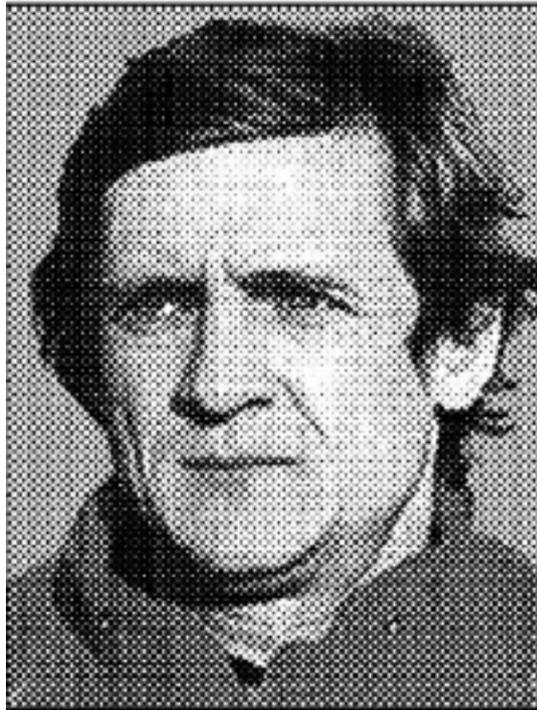
Бодрова взвалила на себя все основные хлопоты по дому, Бернес был совершенно нехозяйственным человеком. Ему нравилось, чтобы все вокруг было чисто и красиво, но в доме он не забил и гвоздя, все просил подправить жену. И в то же время баловал ее деликатесами, постоянно обновлял в доме букеты. Больше всего его, конечно, занимала работа. Даже на отдыхе он любил обсуждать свои творческие планы, не мыслил себя без съемок, сцены, студии звукозаписи.

Бернес умер от рака корней легких, 50 дней провел в больнице, зная, что умирает. Врачи разводили руками. Незадолго до смерти он попросил Жана записать на студии четыре песни из своего репертуара: «Я люблю тебя, жизнь», «Журавли», «Романс Рощина» («Почему ты мне не встретишься...») и «Три года ты мне снилась». Он хотел, чтобы именно они звучали на его похоронах. Последние слова умирающего Бернеса были обращены к любимой жене: «Уйди, тебе же тяжело. – И тут же добавил: – Куда ты?»

Марк Наумович скончался 17 августа 1969 года. Завещание певца и артиста было исполнено, во время прощания с ним из динамиков звучали его хорошо знакомые песни. Бернеса похоронили на Новодевичьем кладбище, хотя там хоронили лишь народных артистов СССР, да и то не всех. Но, во-первых, слишком велика была народная любовь к Бернесу, а во-вторых,

указ о присвоении артисту почетного звания был уже практически готов, Марк Наумович не дожид до этого события лишь несколько дней.

Бессонов Владимир Васильевич

(род. в 1958 г.)

Футболист. Член легендарной команды «Динамо» (Киев) 70—80-х годов. Один из питомцев Лобановского.

Памятник футбольному мячу в Харькове вызывает противоречивые чувства. Слишком невелики, казалось бы, достижения Первой столицы на футбольном поприще. Многие помнят лишь Кубок СССР 1988 года. Правда, именно сборная Харькова выиграла и первый чемпионат СССР по футболу в 1924 году (но многие ли знают фамилию лидера той команды – Кротова?) Но футбол в городе любят не меньше, чем в Донецке, Одессе или Киеве. И ждут, когда же «Металлист» поднимется на уровень, достойный полуторамиллионного города с хорошими спортивными традициями. Ведь были люди, были чемпионы, настоящие звезды. Тот же Бессонов, к примеру?

Владимир Васильевич Бессонов родился в Харькове 5 марта 1958 года. Жил он неподалеку от Харьковского тракторного завода. Футбол любил с детства, как и все его друзья-ровесники, гонял мяч во дворе. Затем поступил в Харьковский спортинтернат № 7. Первым тренером Бессонова был Михаил Наседкин. Владимир Васильевич вспоминает, что в его время не только футбол увлекал мальчишек. В зимнее время играли в хоккей. Более того, Бессонов утверждает, что если бы поблизости от места жительства была хорошая хоккейная школа, то он бы серьезно занялся именно этим видом спорта. Но поблизости была школа футбольная.

Как и положено было в СССР, Бессонов прошел все стадии становления спортсмена – от улицы и спортинтерната, через дубль местной команды в сильный клуб, его основу, а затем уже и сборную страны. В харьковском «Металлисте» Бессонов выступал за дубль в течение буквально одного сезона – 1975 года. Его быстро заметили. Тогда практически все лучшие украинские игроки проходили «смотрины» в главной команде республики (и одной из сильнейших

– если не самой сильной – команде страны) киевском «Динамо». В том же 1975 году Владимир уже бегал за дубль киевского клуба. А в 1976 году Бессонов отыграл девять матчей в весеннем и два матча в осеннем чемпионате страны в основном составе «Динамо». Надо сказать, что для 18-19-летнего парня закрепиться тогда в «Динамо» было делом очень непростым – и в первую очередь, в психологическом плане. Ведь только что, в 1975 году, прославленная команда завоевала Кубок обладателей Кубков. Гремели имена Блохина, Фоменко, Решко, Мунтяна – да, собственно, всех игроков киевской команды. Однако Владимиру Бессонову все же удалось отстоять свое право на регулярный выход в основном составе. Этому немало способствовали и успехи международные. Бессонов стал ведущим игроком советской «молодежки». В 1976 году Бессонов – среди чемпионов Европы среди юношей, а в следующем году был чемпионат мира среди юниоров в Тунисе.

Этот чемпионат стал не менее славной страницей в истории советского футбола, чем чемпионат Европы 60-го или две Олимпиады – 56-го и 88-го годов. Ведь здесь советская сборная впервые стала чемпионом мира. В составе команды, кстати, играло сразу пятеро харьковчан – Бессонов, Балтача, Каплун, Сивуха, Крячко. Владимир Бессонов поразил болельщиков зрелой, техничной, эффективной игрой. Именно он получил приз как лучший игрок чемпионата. Сам президент ФИФА Жоао Авеланж сказал, что Владимира ждет слава Пеле. Играл Бессонов тогда в качестве сориентированного на атаку полузащитника, или форварда.

В киевском «Динамо» Балтача и Бессонов не затерялись, стали постоянно появляться на поле. При этом в футбольной биографии Бессонова произошло довольно важное событие. Валерий Васильевич Лобановский очень ценил в игроках универсализм – умение сыграть на любой позиции. Владимира Лобановский решил использовать так, как никому, пожалуй, из тренеров и прийти в голову не могло – на месте опорного полузащитника, затем просто защитника, наконец – либеро! Решение о переводе Бессонова из атаки в оборону было встречено общественностью недоброжелательно. Говорили, что использовать Владимира в качестве защитника – это все равно, что возить воду на арабском скакуне. Со знаменитым немецким журналистом Карлом Хайнцем Хаманном Лобановский по этому поводу сильно разругался. Немец дал интервью «Советскому спорту», в котором выразил недоумение по поводу нового амплуа талантливого советского футболиста. Валерий Васильевич лично позвонил журналисту и в крепких выражениях объяснил ему, кто и что понимает в современном футболе?

А Бессонов тем временем без разговоров принялся выполнять новые обязанности. Он вообще не считал возможным спорить с тренером. Дали комнату в трехкомнатной квартире в Киеве – спасибо и на том, объявили, что будем играть сезон на усталости – хорошо; перевели в оборону – значит, так надо. Тем более, что пока что действия Лобановского оправдывались результатом. В 1977 году «Динамо» (Киев) стало в очередной раз чемпионом СССР. Бессонов же оказался очень неплохим защитником. Правда, любил, конечно, и вперед сходить – забивал. (Вот он – тот самый универсализм. Соперник-то следит больше за форвардами.) А мог и затеять неоправданную обводку в своей штрафной, небрежно откинуть мяч вратарю, будто забыв, что играет последнего защитника. Впрочем, Валерий Васильевич справедливо отмечал, что Бессонов играет тем собраннее, чем более ответственный матч предстоит. Мэтр говорил: *«Владимир Бессонов один из немногих футболистов в стране, амплуа которого никто не знает. Ничуть не преувеличиваю: он способен сыграть на любом месте с одинаковой отдачей, с одинаковой надежностью, при одинаковом коэффициенте полезного действия. Для него не составляет труда менять позиции по ходу игры, не требуется времени для «притирки» на новом месте и налаживания новых связей с партнерами».*

Молодой игрок уже регулярно приглашался в сборную Советского Союза. В первый раз он был вызван в 77-м Никитой Симоняном, затем, естественно, приглашался Лобановским (когда сборная, собственно, мало отличалась от киевского «Динамо»), а всего отыграл за сборную 79 матчей, забил четыре гола.

В 1982 году Бессонов женился. Как и многие его коллеги, он связал свою жизнь с представительницей художественной гимнастики. Рассказывают, что особое внимание, которое футболисты уделяли гимнасткам, происходило оттого, что традиционные сборы в Новогорске у футболистов сборной СССР и «художниц» происходили одновременно, а с другими девушками у питомцев сторонника более чем сурового режима Лобановского времени знакомиться не было. Так и образовались пары Блохин – Дерюгина, Хлус – Захарова, Буряк – Васюра, Бережной – Евтушенко. Свою будущую жену Владимир Бессонов увидел, когда ей было еще 12 лет. Футболисты, оказывается, любили подглядывать за тренировками «художниц», и однажды товарищ обратил внимание Бессонова на хрупкую симпатичную девочку. Это была Виктория Серых – будущая чемпионка мира. Но понастоящему спортсмен и спортсменка познакомились на свадьбе Блохина и Дерюгиной в декабре 1980 года. Поговорили, потанцевали, вскоре Бессонов оказался в больнице – вырезали железы. Вика с подружкой пришли его проведать, завязались более близкие отношения. В апреле 1982 года Бессонов и Серых оформили свои отношения. Бессоновы вырастили двух детей – Александра и Анну. Александр довольно долго занимался футболом, но после тяжелой травмы головы выбрал менее травмоопасный большой теннис. Занимался в академии Бругейры (отца знаменитого испанского теннисиста). Аню мать видела на балетной сцене, до семи лет водила ее в хореографическую студию, но Анна все-таки решила пойти по стопам матери, захотела заниматься художественной гимнастикой. Пришлось вести к Дерюгиной. У той не было группы нужного возраста. «Набирай девочек и тренируй их сама, зал будет», – сказала она Виктории Бессоновой. Так жена Владимира Васильевича вернулась на тренерскую стезю ради дочери. И не зря! Сейчас Анна Бессонова – ведущая «художница» Украины, обладательница достаточно большой коллекции титулов и медалей, бронзовый призер последних Олимпийских игр в Афинах, любимица украинских болельщиков.

Владимир Васильевич сетует на то, что детей и жену он видел довольно редко. Футболистов закрывали на их базах, график работы был очень напряженным. Сборы, тренировки, игры. Да и сейчас чей-нибудь спортивный баул обязательно стоит в коридоре – родителей или детей. Больше всего Викторией раздражает молчание мужа – приходит вечером и утыкается в свои газеты. Бессонов оправдывается – за день на двух тренировках так наорусь, что уже и говорить не могу.

Впрочем, случалось Бессонову бывать дома чаще, чем его партнерам по команде. Жена тихо и эгоистично даже радовалась этому, а вот самому футболисту позавидовать нельзя. Дело в том, что «временное освобождение от футбола» было вынужденным. Бессонов известен советским болельщикам не только как прекрасный, самоотверженный, работающий футболист, но и как «человек-травма». Владимир шел на контакт, не убирал ногу, бросался в самую гущу событий чаще, чем кто-либо другой, а похвастаться невосприимчивостью к травмам никак не мог. Вот и получалось, что выходил на поле лишь в половине матчей чемпионата СССР. Легкое повреждение он просто не замечал – просил наложить тугую повязку и выходил на поле, но и тяжелых хватало. Виктория Бессонова вспоминает, что их сын Саша учился ходить вместе с отцом, который в очередной раз ковылял на комнате на костылях.

Как-то спортивные врачи Динамо подсчитали, что за первые 12 лет игры в киевском клубе Бессонов получил более 80 (!) легких и тяжелых повреждений. Среди них и травма шейного позвонка, которая могла закончиться параличом. Однажды в аэропорту Шереметьево (дело было в 1986 году) вернувшемуся в гипсе Бессонову врачи объявили, что на поле он теперь вряд ли выйдет. Демьяненко тогда разрыдался, а Бессонов все же вернулся в игру. Кстати, в том же году «Динамо» (Киев) по всем статьям обыграло в финале Кубка Кубков мадридский «Атлетико» и во второй раз стало обладателем престижного трофея.

Владимир Бессонов пять раз становился чемпионом СССР, четыре раза выигрывал Кубок страны. Он участвовал в трех чемпионатах мира (1982, 1986 и 1990). Об одном из турниров Владимир Васильевич вспоминать не любит. О том самом чемпионате 1988 года, в кото-

ром сборная СССР остановилась в одном шаге от золотых медалей. Советские футболисты тогда по праву считались главными фаворитами турнира, показывали наиболее яркую игру. Они расправились с блестящими голландцами (среди которых были Ван Бастен, Гуллит, Райкаард, Куман) в группе, полуфинальный матч СССР?Италия стал классикой, Лобановский и его блестящая команда тактически переиграла мощного соперника. Накануне финала Бессонов в очередной раз травмировался. Не вышел на поле и другой основной защитник – Олег Кузнецов, он перебрал карточек. В финале же все шло «наперекосяк». Дасаев пропустил несколько курьезный гол от Ван Бастена, Беланов не забил пенальти? В результате – лишь второе место. В том же году Бессонова звали за границу – в «Рому». Но в отличие от многих своих соотечественников Владимир Бессонов не жаждал обязательно сыграть «за бугром», не хотел отказывать Лобановскому, который просил остаться и помочь «Динамо». Бессонов играл и помогал до 1990 года. Затем все же на год оказался игроком «Маккаби» в израильском городе Хайфа. Но в 1991 году Владимир Васильевич, хоть и находился в том возрасте, когда люди еще играют, решил повесить бутсы на гвоздь. Многократно травмированному футболисту было физически трудно и больно играть.

Бессонов говорит, что всем обязан футболу, поэтому и заниматься будет только им. Он пошел в тренеры. В 1991 году тренировал дубль «Динамо». В 1993 году был тренером киевского СКА, затем принял «Борисфен». Все шло неплохо, но клуб обанкротился. Довольно долго Бессонов вместе с бывшими партнерами на поле – Кузнецовым, Литовченко – руководил командой ЦСКА. Не то чтобы совсем плохо, но и не то чтобы хорошо. Клуб стал плотным середняком высшей лиги Украины, может, чуть ближе к призовым местам, чем к вылету.

В 2002 году Владимира Бессонова пригласили стать тренером сборной Туркменистана. Здесь тоже без особых успехов. Наконец 1 июля 2004 года Владимир Васильевич стал тренером винницкой «Нивы». Говорят, что некогда один из лидеров украинского футбола сейчас опять рвется к вершинам.

Блакитный-Эллан Василий Михайлович

(род. в 1894 г. – ум. в 1925 г.)

Поэт, писатель, публицист. Глава партии боротьбистов, затем советский общественный и культурный деятель. Лидер революционного поколения украинских литераторов.

Глядя на достижения писателя и политика Василия Элланского, трудно поверить, что этот архиактивный человек прожил на свете всего 31 год. Впрочем, биография Василия Михайловича на этом не закончилась. В доме его имени в Харькове кипела жизнь, в его стенах творили, дискутировали, создавали новую украинскую культуру корифеи отечественной литературы, издавались журналы и газеты, основанные и долгое время возглавляемые Элланом, поэт-коммунар продолжал оказывать серьезное влияние на развитие нового украинского искусства. Не потому ли власть пошла на такой редкий шаг, как посмертная репрессия? Василий Эллан-Блакитный уже давно покоился на кладбище за Харьковским ипподромом, когда его начали по всем законам сталинского жанра шельмовать в прессе, прекращать печатать, обвинять в национализме.

Жизнь героя нашего рассказа Василия Михайловича Элланского была невероятно насыщена. Эллан взял сумасшедший темп, возможно, подозревая, что отведено ему судьбой не так и много. С детства он страдал сердечной болезнью, которая и свела его в могилу. Может быть, если бы Василий жил спокойно, берег себя, он бы протянул дольше. Но стал бы он тем, кем стал?

Василий Элланский родился в семье священника в селе Козлы Черниговской губернии 12 января 1894 года. Отец его умер, когда мальчику было четыре года. Всего же у вдовы Элланской на руках осталось четверо детей – три сына и дочь. С большим трудом попадая справлялась с навалившимися на нее трудностями. Ей было тем сложнее, что женщина она была наивная и не очень практичная.

Хотя Михаил Элланский при жизни часто повторял, что не желает, чтобы его дети шли в священники, у матери не было иного выхода, кроме как отдать сыновей в бурсу, а затем в семинарию. Ведь там поповских детей учили бесплатно. Так начал духовную карьеру и Василь. Он с семьей переехал в Чернигов, где с помощью родственников матери удалось купить небольшой дом.

В 1910 году Элланский оказался в духовной семинарии, которую, по собственному выражению, «широ не любив». Учился Элланский-младший довольно плохо. Он любил читать, рисовать, а вот к занятиям относился довольно холодно. Откровенно говоря, уровень преподавания в подобных заведениях был не слишком высок, а для мальчика любознательного так и просто невозможный. Процесс получения образования осложнялся и тем, что мать тряслась над болезненным сыном, часто не пускала его на занятия. Кроме действительно слабого здоровья Василия, у Анны Викторовны Элланской была и другая причина беречь сына. В пятнадцатилетнем возрасте умер его старший брат, так что Василь остался старшим мужчиной в доме, когда ему было лишь 12 лет. Рассказывают, что Вася с детства отличался храбростью, и это доставляло немало хлопот всей семье.

В это время он уже активно писал стихи, вместе со своим однокашником Павлом Тычиной посещал вечера в доме Михаила Коцюбинского. Ранний Элланский был приверженцем лирики, в том числе и интимной (это его роднит с Тычиной). Об этом напоминает и его псевдоним – Блакитный. Но его начинает интересовать общественная деятельность, на глазах у юноши разворачивалась революционная эпоха. Кстати, примкнула к одному нелегальному кружку и Анна Викторовна. Как-то ей удалось вынести с собрания под носом у урядника кипу прокламаций в корзине для белья. Представитель местной власти раскланялся с ней, не допустив и мысли о том, что почтенную вдову священника может что-то связывать с революционерами. А вечером на крамольную литературу с жадностью набросился Василий.

В 1914 году Элланский поступил в Киевский коммерческий институт, где преподавали более интересные для него социально-экономические дисциплины. Учеба постоянно прерывалась, теперь уже революционной работой. Пройдя через многочисленные кружки, организации, «Просвиты», в 1917 году Василий Элланский вступает в партию украинских эсеров. Социалисты-революционеры ставили во главу угла вопрос о земле и крестьянстве, имели большие традиции радикальной борьбы за осуществление своих идей. Правда, в том же 1917 году через некоторое время после Февральской революции партия эсеров превратилась в правительственную. Но Василий Михайлович примкнул к ее левому, революционно настроенному крылу. Часто ездил в Чернигов¹², где собирался с соратниками у себя на квартире, в то время как мать гуляла на улице, высматривая опасность. Анна Викторовна регулярно встречала и давала приют гостям с запиской от сына: «Мама, отнесись к этому человеку, как ко мне. Нет! Лучше, чем ко мне!» Совсем еще юный Эллан-Блакитный возглавил Черниговский комитет партии эсеров. Летом 1917 года он организует уездный крестьянский съезд.

Украинские левые эсеры имели в своей программе четкую установку на предоставление Украине широкой национальной автономии. (Поэтому-то в советских энциклопедических изданиях сказано, что в период Гражданской войны Василий Эллан-Блакитный допускал серьезные ошибки националистического характера.) С другой стороны, представители этого политического течения, которое в 1918 году оформилось в самостоятельную партию боротьбистов (по названию газеты «Боротьба»), активно боролись с гетманско-германским, а затем с белым режимом, создав сильное подполье.

При Центральной Раде Василий Михайлович попадает в Лукьяновскую тюрьму за антиправительственное обращение «К рабочим и крестьянам Украины». Затем принимает участие в создании подпольной типографии в Одессе, руководит восстанием против гетманата в

¹² В 1917 году Василий почти целый год провел в Чернигове.

Полтаве. Некоторое время, пока Киев находился в руках красных, Эллан с друзьями жил в организованной им коммуне на Тарасовской улице. Когда же летом в город входили войска Деникина, сторонники Блакитного нашли укрытие на Байковом кладбище. В то время семья Василия Михайловича получала от него редкие, но бодрые известия о том, что он жив-здоров, продолжает борьбу. Кажется, в годы Гражданской войны поэт и революционер был действительно счастлив. После Деникина ему приходилось участвовать в боях с поляками. Объективно Эллан-Блакитный оказался на стороне Красной Армии и Советов. Его партия стала называться украинской партией коммунистов-боротьбистов. Представители этого течения даже получили свое место в органах управления Советской Украины. Впрочем, уже в марте 1920 года партия перестала существовать, влившись в КП(б)У. Сам Василий Эллан-Блакитный избирался в ВУЦИК и ЦИК СССР. Он сразу занял твердую позицию протеста против «национал-нигилистических тенденций» в Коммунистической партии Украины. В этом отношении получила большую известность его оппозиционная речь на конференции КП(б)У в ноябре 1920 года. Скоро и центральная власть перешла к политике украинизации, так что оппозиционные идеи Элланского стали доминирующими. Для него и его соратников открылось широкое поле для деятельности по возрождению украинской культуры.

Элланский стал лидером новой пролетарской литературы. Это выразалось не только в собственно написании художественных произведений, но и в большей степени в организации издательского дела, создании литературных групп. Так, именно под руководством Эллана-Блакитного было создано небезызвестное литературное общество пролетарских писателей «Гарт», куда вошли такие авторы, как Хвылевой, Полищук, Кулиш, Вишня, Сосюра, Тычина и др. Он же стал главным редактором газеты «Вісті ВУЦВК», в которой постоянно печатался и сам, и приложения к ней «Література. Наука. Мистецтво» (позже – «Культура і побут»). Кстати, Эллану-Блакитному было поручено собрать для работы в «Вістях» команду молодых украинских писателей, и в рамках поиска таких коллег Василий Михайлович буквально открыл для республики ряд известных впоследствии литераторов. А некоторых – так и просто спас. Так, именно Эллан вытащил из застенков ЧК для работы в своей газете Остапа Вишню.

Василий Михайлович также возглавил Государственное издательство Украины, а в 1925 году основал журнал «Всесвіт», ориентированный на издание исключительно переводной литературы. Журнал продолжает издаваться и до сих пор и является одним из двенадцати журналов мира, издающих переводные произведения. Эллану-Блакитному принадлежит и честь называться основателем журнала «Червоний перець».

«Блакить», которая так манила начинающего поэта Элланского, быстро превратилась в романтически-революционную «червону блакить» поэта Блакитного. Этот драматический не только творческий, но и жизненный, принципиальный переход прекрасно отражен в стихотворении Василия Блакитного «После Крейцеровой сонаты»:

«Покласти б голову в коліна...
Відчути б руку на чолі...»
Сентиментальність! Хай загине
І пам'ять ніжних на землі.

Василий Михайлович стал поэтом-коммунарком, искренне и истово верующим в идею социальной революции, в наступление коммунизма на всей Земле. Его стихи становятся настолько же революционными, насколько жесткими и подчас жестокими. В них виден безоглядный максимализм автора: «Хай зникне Минуле в ім'я Будущини!». Он призывает бороться, бороться и еще раз бороться, становится теоретиком пролетарской, коммунарской литературы, настаивает в своих статьях на том, что новая советская поэзия и проза должна нести радость, бодрое, веселое настроение, а те произведения, которые приводят читателей в состояние задумчиво-

сти и растерянности, не имеют права на существование. В свое время Мыкола Бажан написал, что его, молодого в то время человека, пьянила романтика, главным образом, трех украинских певцов своей эпохи: «...Вчать нас нечуваних нами пісень Тичина, Блакитний, Чумак». Эллан-Блакитный издал не так много своих стихов. Лучшим, программным его сборником стали «Удары молота и сердца», увидевшие свет в 1920 году. Поэзия Василия Михайловича – это произведения большого волевого напряжения, которые импонировали современникам своими рваными лозунгами и конденсированными «формулами» социальных переживаний.

Муром зятято обрїй.
Вдарте з розгону: р-раз...
Ми – тільки перші хоробрї,
Мільйон підпирає нас.

С наступлением нэпа Эллан-Блакитный пишет гораздо меньше. (По выражению Хвильового, Эллан «повесил в себе лирика».) Он был среди тех коммунистов, которые были разочарованы новой политикой, начинается некоторое отступление. Он переключается на организационную, издательскую деятельность. Василий Эллан открывает в себе сатирика. Значительны его достижения на почве стихотворной пародии – их Василий Михайлович публикует под псевдонимом Маркиза Попелястого. Пишет он и редчайшие для украинской литературы стихотворения в прозе, и стихотворные сатирические фельетоны. Они были изданы сборниками «Заметки карандашом», «Советская горчица», «Государственный ум» под псевдонимом Валера Пронозы. В наследии писателя и серия новеллистических этюдов и очерков: «Фабричная», «Письмо без адреса», «Наши дни» и др.

Еще в начале 20-х годов Василий Эллан-Блакитный в одном из писем сообщал: «Я живу – все так же. Работаю, кручусь, развезжаю... И упорно верю в свои силы и в силы революции. Никакие мерзости современности этой веры не сломят. Здоровье мое – среднее... еще года на два хватит, а это же теперь – целые столетия». И смертельно больной – он продолжал работать с прежней кипучей энергией. Далеко не все, кто трудился рядом с этим титанически работающим человеком в комиссарской кожанке, знали, что член ЦК КП(б)У, член ВУЦИК, редактор центральной правительственной газеты, председатель «Гарта», Василий Блакитный, Валер Проноза, Артюр Орталъ, Панько Рудый, Маркиз Попелястый, Василий Гартованый, Вистяр, В. Гарт – один и тот же человек.

Его не стало 4 декабря 1925 года. На гражданской панихиде присутствовали все видные деятели украинской культуры и истеблишмента.

Вскоре друзья собрали деньги и установили памятник покойному лидеру на небольшой площади, где сходятся улицы Артема, Чернышевская и Гиршмана, напротив дома, где он жил. Эллан-Блакитный посмертно был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Его именем назвали Дом писателей на улице Каплуновской (Краснознаменной). На его открытии Лесь Курбас сказал: «Эллан – не просто имя, Эллан – это единица творческой энергетики, и нас всех еще долго будут мерять его напряжением»¹³. Дом Блакитного стал настоящим эпицентром бурно развивающейся культуры Украины. Здесь не только постоянно бывали все видные харьковские писатели, режиссеры, актеры, а, например, несколько раз останавливался Владимир Маяковский.

Но украинизация в конце 20-х годов пошла на убыль, вскоре начались массовые репрессии, направленные и против «украинских националистов». Посмертно такой участи не избежал и Эллан-Блакитный, его назвали «буржуазным националистом», перестали печатать, изымали его сборники из продажи и библиотек. В одну ночь куда-то исчез памятник писателю.

¹³ Кстати, именно Василий Михайлович первым повел разговор о необходимости переезда «Березиля» в Харьков.

Реабилитация Василия Эланского состоялась только после 1956 года. Сравнительно недавно в Молодежном парке насыпали символическую могилу литератора.

Бугримова Ирина Николаевна

(род. в 1910 г. – ум. в 2001 г.)

Прославленная укротительница львов.

Сравнительно недавно в Харькове появилась новая площадь. Вернее, новое название старой площади – той, что расположена перед Харьковским цирком. Теперь эта площадь напоминает харьковчанам об их прославленной землячке, бесстрашной Ирине Бугримовой – первой в стране женщине-укротительнице.

Ирина Николаевна может гордиться своей родословной. Она аристократка и интеллигентка не в первом поколении и оставалась ею и в советские, и в постсоветские времена. Мать Ирины – столбовая дворянка, отец – профессор кафедры хирургии в ветеринарном институте. Ира была младшей из нескольких дочерей в семье Николая Ивановича Бугримова. Она родилась в 1910 году. Николай Иванович к этому моменту уже с нетерпением ждал сына, а тут опять дочь! И профессор взялся воспитывать ее, как мальчика. Ирину одевали на мальчицкий манер, учили верховой езде. С другой стороны, мама стремилась привить девочке любовь к искусству. Она отдала дочь в балетную школу (впоследствии Ирине Николаевне очень поможет хореографическая выучка).

В доме Бугримовых под Харьковом, а затем и в квартире на углу Мироносицкой и Петровского (тогда Бассейная) собирался весь цвет харьковской интеллигенции. Здесь бывали музыканты, художники, писатели, врачи – коллеги Николая Ивановича. Другом семьи был знаменитый Айвазовский. В музее обороны Севастополя есть портрет участника обороны Ивана Федоровича (деда Ирины Николаевны по материнской линии), который написал выдающийся русский маринист. Так что Бугримова с детства привыкла быть в центре внимания, у нее было немало примеров для подражания в любой сфере деятельности. Она с успехом закончила балетную школу и поступила в студию при Харьковском оперном театре, участвовала в спектаклях. В подростковом возрасте она не раз помогала отцу на операциях, и тот считал,

что из дочери выйдет отличный хирург. Активно занималась Ирина Николаевна и спортом. И здесь у нее были потрясающие достижения. Она играла в гандбол, русский хоккей, занималась конькобежным спортом, гоняла на мотоцикле. «Я была очень способной. Все, за что бы я ни бралась, у меня получалось», – писала впоследствии Ирина Николаевна. Особого же успеха добилась Бугримова в легкой атлетике – в первую очередь, в метании диска и толкании ядра. В ее активе – призовое место на первой Всесоюзной спартакиаде. В 1927 году Ирина Бугримова стала чемпионкой Украины в толкании ядра, а через год – в метании диска.

В это время Бугримова больше всего хотела стать каскадершей в кино. Но жизнь решила по-своему. Ирина познакомилась с другим «мастером на все руки» – спортсменом, музыкантом, гонщиком и цирковым артистом Александром Буслаевым. Именно такой человек мог в полной мере оценить природные таланты Ирины. Он предложил ей сделать совместный номер для цирка. Директор после некоторых колебаний согласился, и в 1929 году началась работа над аттракционом «Полет на санях из-под купола цирка». Буслаеву и Бугримовой позволили готовиться на манеже по ночам. Костюмы и музыка – за счет артистов. Подготовка закончилась в 1931 году, и премьера головокружительного трюка состоялась в Киеве. Аттракцион пользовался неизменным успехом, но сама Бугримова его не очень любила: «Чистая механика и бессмысленный риск». Параллельно с «Полетом» она решила готовить и более интересный для нее номер: «Высшая школа верховой езды». В 1937 году она появлялась на арене уже два раза за вечер. В первом номере была отважная, энергичная спортсменка. Во втором грациозная девушка исполняла вместе с лошастью танец под музыку Бизе. Говорят, что зрители даже заключали пари, не веря, что это одна и та же артистка. А вскоре у Бугримовой было уже три номера. Один из них – со львами.

Интерес у Бугримовой к дрессуре не был случайностью. Еще в детстве отец регулярно брал ее с собой, когда его вызывали к большим цирковым животным. А в 30-х годах одаренную тысячью талантов артистку вызвал к себе высокопоставленный советский «цирковой» чиновник Данкман и сказал, что хотел бы видеть на арене советского цирка женщину-укротительницу. Для нового дела была закуплена партия леопардов. Поработав с ними, Бугримова заявила, что леопарды не очень подходят для создания героического образа; если уж работать, то со львами – истинными царями зверей. Ей пошли навстречу и передали на воспитание трех львят – Кая, Юлия и Цезаря. Бугримова рассчитывала на то, что львы в свое время выйдут на арену и сразу сделают все, что нужно, – как знаменитый римский император, который пришел, увидел и победил. Но все оказалось значительно сложнее. Ирине Николаевне пришлось самой изучать и изобретать способы работы с этими животными. Пособий тогда не существовало, сведения о характере львов в популярных книгах Брема грешили массой неточностей. Молодая дрессировщица вынуждена была двигаться вперед на ощупь, доверяя интуиции, методом проб и ошибок. В конце концов оказалось, что и это по плечу артистке. Она вышла на арену в качестве первой в стране укротительницы львов. Бугримова разработала свой образ «роковой женщины», перед которой пасуют даже самые свирепые животные (львы или мужчины – понимаете, как хотите). В первом ее номере, когда артистка появлялась на арене, в руках у ассистентов вспыхивали факелы, было много шума, резких окриков, шелканья бича. Все это подчеркивало образ, в котором выступала укротительница: красивая, с иссиня-черными волосами, прекрасной фигурой.

Отказавшись от полета на санях, вместе с партнером (теперь уже и мужем) Буслаевым Ирина в 1940 году приняла участие в новом аттракционе – «Круг смелости». Буслаев гонял на мотоциклах в специальной клетке по вертикальной стенке, а его супруга тем временем в этой же клетке занималась своими хищниками. А потом и сама садилась на мотоцикл.

После войны Ирина Николаевна рассталась с Александром. При этом Буслаеву удалось оставить у себя весь реквизит, всю аппаратуру их аттракционов. Бугримова ушла только с тремя львами, начала все сначала и преуспела. Скоро уже вся страна отлично знала ее имя.

За свою жизнь Ирина Бугримова воспитала более 80 львов. Она ставила номера, от которых захватывало дух даже у самых искушенных зрителей. «Лев-канатоходец», «Лев-наездник», «Кресло смерти». Дрессировщица усаживалась в кресло, два льва передними лапами опирались на его подлокотники, а третий – на спинку, и артистка кормила их мясом. Это был очень рискованный трюк. А голова в пасти у льва! Или кормление льва мясом «изо рта в рот»! Бугримова ложилась на живой ковер из хищников, обнималась с воспитанниками, взмывала под купол на качелях вместе со львицей. В программу могла входить даже наигранная злость льва. Царь зверей вдруг начинал страшно рычать на хозяйку, а та к восторгу зрителей быстро показывала, кто здесь «царица царей». (Недаром прославленный дрессировщик Вальтер Запашный говорил, что хищники у Бугримовой играют самих себя.)

Стоит ли говорить, как дрессировщица любила своих воспитанников, как разбиралась в особенностях их характера, как справлялась с ними на репетициях. Она писала: «...Мы должны быть чутки и помнить каждое мгновение, что перед нами живое существо со своим сложным миром». Изучая психологию и поведение своих воспитанников, Бугримова тщательно разрабатывала теорию дрессуры, стала создателем школы дрессуры. На арене она сначала довела группу львов до 12, потом все же решила, что оптимальный состав – восемь хищников. От этих тонкостей зависел успех выступления, да и сама жизнь Ирины Николаевны.

Ирина Николаевна провела на арене 45 лет (!). Последнее выступление ее состоялось, когда ей было уже 66! Конечно, за столь долгую карьеру укротительницы не обошлось и без травм – в том числе и очень серьезных. Однажды львица на качелях вцепилась когтем в ногу актрисе. Та незаметно подала знак ассистентам, их спустили. Бугримова, улыбаясь и хлюпя наполненным кровью сапожком, ушла за кулисы, а на арену выпустили клоунов. Зрители были уверены, что все идет по плану. Через четверть часа укротительница, которой успели обработать рану и перебинтовать ногу, опять вышла на манеж. Было ей в то время за 50.

В другой раз изображавший злость лев переиграл и провел когтями по спине дрессировщицы, окрасив белое трико в красный цвет. На гастролях в Польше хищник ударил лапой по лицу Бугримовой. Ее коекак зашили, и она в толстом слое грима провела еще пару выступлений. Потом в Союзе ей сделали более серьезную пластическую операцию. Еще был случай, когда артистке, укрощавшей львиный бунт, наложили 48 швов. Но все это не останавливало Ирину Бугримову: «Если бы я боялась, я бы не проработала столько лет». Она частенько специально брала злых львов – иначе номер не будет интересным, если они будут лизаться и ласкаться, утверждала Бугримова.

Первой из отечественных цирковых артистов выдающаяся дрессировщица была удостоена звания заслуженной артистки цирка, затем она стала и Героем Социалистического Труда и народной артисткой СССР. Бугримова – одна из немногих примадонн советского цирка, которая не отказывалась выступать в самых что ни на есть периферийных цирках, даже в брезентовых шапиро.

Уходя с арены, Бугримова оставила свои аттракционы потомственному цирковому артисту Борису Бирюкову, но, собственно, цирк она не покинула до конца жизни. Принимала госэкзамены в Государственном училище циркового и эстрадного искусства имени М. Н. Румянцева, консультировала Российскую государственную цирковую компанию, возглавляла Союз ветеранов советского цирка, участвовала в работе Общества защиты животных. Уже будучи сильно в годах, отказывалась выходить на пенсию, просила: «А можно я еще съезжу в Воронеж?», «А можно еще в Ригу?». Часто выступала в роли ходока. Выбивала для других кооперативы, гаражи, лекарства. Вместе с Юрием Никулиным она добивалась строительства здания цирка на Цветном бульваре. Когда на представлении объявляли, что среди зрителей Ирина Бугримова, зал взрывался аплодисментами.

Ирина Николаевна и в жизни любила играть роль роковой женщины. Детей у нее не было, со вторым мужем – харьковчанином Константином Пармакяном тоже пришлось разой-

тись. Зато была масса романов. Когда Бугримовой было уже за 80, она хвасталась, что в пятьдесят у нее было три любовника: «Не много, но вполне достаточно». Она до конца жизни активно интересовалась у встречных, как она сегодня выглядит, как ее новая прическа. Когда в 2000 году отмечался юбилей актрисы, все в один голос утверждали, что на 90 лет Бугримова совсем не выглядит, а уж тем более, не ведет себя как древняя старуха. В том году знаменитой укротительнице был вручен орден «За заслуги перед Отечеством» III степени. Тем большим было горе, когда в следующем году Ирина Николаевна Бугримова умерла в своей квартире на Котельнической набережной от сердечного приступа. Большую часть своей знаменитой коллекции бриллиантов Бугримова завещала на развитие цирковой дрессуры¹⁴.

В Харькове Ирина Николаевна после своего отъезда в столицу бывала еще неоднократно. В музее местного цирка хранится ее фотография с надписью: «Харьковский цирк! Это моя юность. Харьковский цирк – это мое начало работы в цирковом искусстве... И все мои дальнейшие этапы творческой жизни связаны со старым Харьковским цирком! Спасибо!!!».

¹⁴ С этой коллекцией в свое время была связана одна темная история. Ее однажды украли, а затем вернули, и утверждают, что вора заплатила сама Галина Брежнева. Впрочем, Ирина Бугримова это категорически отрицала и говорила, что Брежневу к этой истории приплел «выдумщик» Рой Медведев.

Быков Леонид Федорович

(род. в 1928 г. – ум. в 1979 г.)

Выдающийся советский киноактер и режиссер.

Есть актеры, которые больше, чем кто-либо другой, достойны звания народных артистов. Кажется, что именно для них оно и существует. Леонид Федорович Быков – один из них. До сих пор даже те, кто родился после смерти украинского актера, узнают в нем нечто очень родное, знакомое, вызывающее симпатию. Недаром в Украине установлено сразу несколько памятников этому человеку, в то время как многие артисты, чей жизненный путь был гораздо длиннее и насыщеннее, не увековечены таким образом. Всенародная любовь к героям Леонида Федоровича позволяет критикам говорить о «феномене Быкова».

Родился Леонид Быков 12 декабря 1928 года в селе Знаменское Славянского района Донецкой области. Когда ему было полтора года, семья переехала в Краматорск. Здесь и прошло детство артиста. Его друзья детства уже многое рассказали любопытствующим журналистам. Ленчик (так они его называют) был мальчиком подвижным, легким, с юмором. Он занимался спортом (боксом, шахматами, футболом), всегда был душой компании, любил «хохмить». Тяга к актерству появилась у энергичного хлопца еще тогда. Первой его сценой стала веранда дома в Краматорске. Вместе с друзьями и мамой он резал билеты, мастерил занавес... Но в то время Леня еще не думал о профессиональном занятии театром. Гораздо больше его интересовала авиация. Он с восторгом смотрел на летчиков, а когда началась война, явился в военкомат и, приписав себе три года, попросился в действующую армию, желательно в ВВС. Было это в 1943 году в Барнауле, куда была эвакуирована семья Быковых. Военком не мог сдержать смех. Быков и тогда и впоследствии выглядел, наоборот, значительно моложе своих лет – небольшого роста, с совершенно детским лицом, непокорным чубом. Пришлось Быкову на время отказаться от своих замыслов, а через два года он повторил свою попытку. На этот

раз он добавил себе лишний год и поступил во 2-ю летнюю школу в Ленинграде. Здесь ему удалось проучиться всего месяц – обман был обнаружен, курсанта вычислили и отчислили?

Вот тогда Леонид Быков и понял, что летчиком ему не быть, и обратился к театру. Он отправился в Киев, поступать в школу актеров. Чтобы сэкономить деньги, ехал на крыше поезда, привязав себя к трубе. В дороге заснул, а проснувшись, обнаружил, что сапоги его украли? В Киеве экзаменаторы не увидели в Быкове никакого особенного таланта. Возвращаться к семье и друзьям он не захотел, а отправился в Харьков, где сделал еще одну попытку стать студентом театрального института. И на сей раз ему это удалось.

Сокурсники Быкова с удовольствием вспоминают своего товарища. В Харькове он не избавился от привычки победокурить. Так, он с помощью товарищей организовывал липовые очереди в магазинах, затем студенты отходили, а разъяренная продавщица еще долго отбивалась от покупателей, интересовавшихся, когда же, наконец, «начнут давать». Институт Леонид Быков окончил в 1951 году и был зачислен в штат Харьковского украинского драматического театра имени Т. Г. Шевченко. Роли ему давали в основном комедийные. А вскоре последовал кинодебют актера. Он снялся в фильме «Судьба Марины». Ему досталась роль второго плана (на первых были знаменитые на всю страну Гриценко и Андреев), но сам фильм неожиданно оказался одним из лидеров проката 1954 года, и зрители и кинематографисты запомнили забавного паренька. Так что последовали предложения и в другие фильмы. После фильма киностудии «Ленфильм» «Укротительница тигров», где Быков снялся в роли Петра Мокина, украинского актера знала уже вся страна. Настоящим же триумфом для него стал фильм «Максим Перепелица», после которого Леонида еще долго называли Максимом. В последующих лентах Быков стремился играть не только «смешных парней». На экранах он появлялся в картинах «Чужая родня» (1956), «Дорогой мой человек», «Добровольцы» (оба 1958), «Ссора в Лукашах», «Майские звезды» (оба 1959). Алексей Баталов даже предлагал Быкову сняться в роли Акакия Акакиевича в «Шинели». Леонид Федорович был просто ошеломлен возможностью сыграть в классике столь серьезную роль, а вот руководство театра не пошло актеру навстречу. «Вы и так слишком часто отсутствуете из-за съемок!» Вместо Леонида Быкова в фильме сыграл Быков Ролан, а украинскому актеру пришлось всерьез задуматься над выбором между театром и кино.

Новым успехом стал фильм «Алешкина любовь» (1961). Интересно, что Быков отказывался сниматься. Ему было уже за 30, а герою картины – лишь 20 лет. «Какой из меня Ромео?» – спрашивал актер.

«Именно такой, как нам нужен!» – отвечали создатели фильма. И не ошиблись. Такого Алешку приняли и полюбили миллионы советских телезрителей.

Еще до выхода на экраны «Алешкиной любви» Леонид Быков вместе с женой Татьяной переезжает в Ленинград. В северной столице Быков пробует себя в роли режиссера. Он играет в новых фильмах, пишет сценарии к журналу «Фитиль», снимает и снимается в фильме «Зайчик» (1964). Картину эту хорошо знают и сейчас, но слишком многие, в том числе и сам Быков, вероятно, справедливо посчитали фильм не очень удачным. Это, правда, не помешало Леониду стать заслуженным артистом РСФСР в 1965 году. Режиссуру ему доверять перестали, а Леонид Федорович грустно и самокритично говорил, что на нем держится весь средний советский кинематограф. Он отказывается от нескольких сценариев, считая их посредственными поделками. После неудачного ленинградского опыта Быков отправляется на киностудию Довженко в Киев. Но и здесь не находит себя в работе. «Мне кажется, что я себя потерял. Другого определения найти не могу, – пишет он в одном из писем. – Я в простое уже три месяца. Отказался от пяти работ. Уж очень все плохо. Хожу за зарплатой. Стыдно...» Беспокоит его и явное сворачивание достижений оттепели, уход с Киевской киностудии Алова, Наумова, Хуциева, Чухрая.

Но, как мы все теперь хорошо знаем, тогда Леонид Федорович еще вовсе не исчерпал свои творческие возможности. Он уже давно мечтал снять фильм о советских летчиках в годы

Великой Отечественной войны. Сказалась его любовь к авиации. В конце 60-х – начале 70-х Леонид Быков вместе с Евгением Оноприенко и Александром Сацким работает над сценарием такого фильма. Потом приходится долго пробивать разрешение на съемку в верхах. Чиновники не пускали фильм – считали его не слишком героическим, улыбались при мысли о том, что комичный Быков будет играть главного положительного героя. Быков же с успехом читал отрывки из сценария на творческих встречах в разных городах СССР. Наконец, разрешение было дано. В 1974 году свет увидел фильм «В бой идут одни старики?» с Быковым в роли незабвенного комэска Титаренко. Сейчас без этой ленты невозможно себе представить советский «военный кинематограф». Юмор, музыка, игра самого Быкова и сейчас легко узнаются даже современными детьми. На кинофестивале в Баку фильм Быкова был одним из главных претендентов на главный приз. Здесь произошла одна показательная история. На том же фестивале был представлен и фильм Василия Шукшина «Калина красная». Чиновники ни в коем случае не хотели допустить к главному призу создателя этого честного, острого и, как все у Шукшина, высокохудожественного произведения, а поэтому и собирались дать премию Леониду Быкову. Когда он узнал об этом, то заявил, что этого делать нельзя. «В списке, где Шукшин будет первым, я готов быть хоть сотым. Я сделал лишь очередной фильм о войне, а «Калина красная» – это прорыв». Наградашла своего героя, а на следующий день Быков стеснялся подойти и познакомиться с Василием Макаровичем – пришлось друзьям его подталкивать и ободрять. Шукшин протянул Быкову обе руки, встретил его как давнего знакомого. Целый вечер два режиссера о чем-то говорили, смеялись. Это была первая и последняя встреча двух истинно народных артистов.

Народного артиста УССР Быков получил в 1974 году. Вскоре он принялся за съемки очередного фильма о войне «Аты-баты, шли солдаты?» Здесь он уже сниматься не собирался, но после долгих и безуспешных поисков ефрейтора Святкина соавторы убедили Леонида Федоровича, что Святкин – это Быков и есть, и лучшего ему не найти. Съемки проходили в Загорске в лютый мороз. Опаздывала техника, постоянно случались новые неполадки. А Леонид Федорович не переставал удивлять съемочную группу своим талантом актера и режиссера. Во время сцены в окопе неожиданно пошел дождь. Казалось бы, все пропало – придется перенести съемку, сейчас потечет грим. Быков вытер лицо и сказал (не по сценарию) – «А ведь скоро весна!», изменив весь образ, который должен был создавать в этом эпизоде, осветив личность Святкина еще более выпукло? Камера не была выключена, и эпизод вошел в фильм.

Фильм тоже не сразу был принят комиссией. Ее глава заснул посреди показа, а по окончании спросил, почему фильм так глупо называется – «Детская считалочка какая-то». По ходу съемочного процесса и борьбы с инстанциями у Быкова случился второй инфаркт. Отлежавшись в больнице, Леонид Федорович вернулся на площадку и снял «Цыганочку с выходом» – Святкин так танцевал, что женщины в съемочной группе плакали.

Вообще и личная жизнь, и творческая судьба у Быкова складывалась очень непросто, он тяжело переживал любые свои неудачи. С одной стороны, он оставался веселым, обаятельным человеком. Он быстрее всех переплывал Днепр, мог ходить на руках, творил чудеса на перекладине, прекрасно танцевал, с широкой улыбкой исправлял любые актерские огрехи. Женщины были без ума от его галантности. Все это он совмещал с трогательной застенчивостью – например, краснел, когда при нем матерились, стеснялся водить машину, зная, что не все его коллеги могут себе позволить личное авто. Его очень любили, но замечали и печаль, которую он носил в своем больном сердце. Быков не переносил интриг, рвачества, карьеризма, глупости начальников. Он наотрез отказался вступить в ряды КПСС, у него были серьезные трения с Госкино, он резко отзывался о бездарностях. В актерской среде ходит ряд баек о Быкове. Так, однажды он сказал молодому не очень талантливому актеру – сыну влиятельного отца, что игра последнего напоминает ему (Быкову) чиновника Госкино Большакова. «Но ведь он не артист», – удивился молодой человек. «Вот именно», – ответил Быков.

Не все в порядке было и в семье. У Быковых было двое детей – Марьяна и Алексей. Судя по всему, последний вел бурный образ жизни. Леониду Быкову не раз приходилось переживать из-за Леся. (Бывший секретарь ЦК КПУ по идеологии открыто заявляет, что помогал актерскому сыну избежать тюрьмы.) «Моя боль, моя совесть, моя вина – Лесь. Помогите ему поверить в людей. На него обрушилось столько горя, что хватило бы на целый народ?» – написал Быков в своем завещании. Много писали и о слабом психическом здоровье жены артиста.

«Аты-баты...» также имели успех. Быков стал лауреатом Государственной премии УССР. Но это не изменило его уже безнадежно испорченного отношения к жизни. Вот строки из писем 1976 года: «...Жить не хочется. Это не фраза кокетничающего юноши. Нет. Просто не вижу смысла...»; «...Спектакль этот (имеется в виду жизнь) досматривать не хочется. Как тот зритель. И скучно, и все понятно, а уходить нельзя – очень скрипят стулья. Слишком много внимания возьмешь на себя. А пьеса-то – дрянь, да и все компоненты «на уровне». Тьма! Серо! Вот точное слово. Как заношенная портянка. Ваш оптимист Л. Б.».

В 1976 году Быков пишет завещание, в котором говорит, что чувствует приближение смерти, и просит не хоронить его с помпой, чтобы не было чиновничьих речей, торжественной обстановки? А то, – угрожает Леонид Федорович, – встану из гроба и уйду. Единственное его пожелание, чтобы исполнили над могилой «Смуглянку». Завещание он попросил передать друзьям – Николаю Машенко и Ивану Миколайчуку. По случайному стечению обстоятельств конверт попал в их руки за несколько дней до смерти актера. 12 апреля 1979 года Леонид Быков на своей «Волге» возвращался с дачи под Киевом. На дороге он попытался обогнать асфальтовый каток, навстречу ехал грузовик, Быков резко вывернул руль и на полной скорости врезался в каток. В это время он готовил новый фильм – фантастическую ленту «Пришелец», в котором собирался сняться сразу в двух ролях.

Смерть 50-летнего, хоть и перенесшего два инфаркта актера стала ударом для тех, кто его знал. Алексей Смирнов (исполнитель роли механика в фильме «В бой идут одни?старики?») умер в больнице как раз после известия о смерти Быкова. (Наверное, это бы случилось и с его героем, если бы он узнал о гибели Титаренко.) Семья Леонида переехала в Харьков, затем в Тульскую область, снова в Киев, где поселилась в общежитии киностудии имени Довженко. Алексей Быков сбежал из СССР – выпрыгнул по дороге во Львов из поезда и переплыл Тису. Сейчас он живет в Канаде. Неординарно себя ведет и Марьяна. Под Киевом долгое время стоял памятник Быкову – крыло самолета и мемориальная доска. Дочь актера, заметив там брошенный окурок, настояла на сносе памятника. Легчики Киева собрали денег на новый.

Но это не единственное место, где увековечена память о народном артисте Украины. В том же Киеве есть памятник погибшим летчикам – в фигуре офицера явно угадывается комэск Титаренко. Открыт памятник в Краматорске. В Харькове две мемориальные доски – одна на здании Театра им. Шевченко, другая – на улице Культуры, в доме, где жил Леонид Быков. В 1994 году именем «Быков» была названа одна из малых планет. Учреждена медаль Быкова, фонд Быкова. В 1982 году на киностудии им. Довженко был снят документальный фильм «?которого любили все» о выдающемся актере. Друзья Леонида Федоровича издали книгу воспоминаний под названием «Будем жить!».

Вальтер Антон Карлович

(род. в 1905 г. – ум. в 1965 г.)

Выдающийся физик. Один из участников первого в СССР эксперимента по расщеплению ядра. Создатель харьковской школы физиков-ядерщиков.

На советском гербе Харькова наряду с шестеренкой одним из элементов композиции было схематическое изображение структуры атома. Наука и промышленность – вот что определило лицо Первой столицы в XX веке. Не зря в этой книге столько места уделено людям науки. Харьковские ученые – возможно, действительно самые выдающиеся жители города. А среди них харьковские физики занимают совершенно особое место. Физическая школа, созданная в Харькове, – явление уникальное. Это слава, гордость, надежда города. Вальтер – один из ее творцов.

Немец по национальности, Антон Карлович Вальтер родился 24 декабря 1905 года. Юность свою он провел в Петербурге. В 1926 году закончил Ленинградский политехнический институт. С 1924, еще будучи студентом, начал работать в Ленинградском физико-техническом институте, где трудился под руководством главного советского физика академика Абрама Иоффе. В годы пятилетки одним из приоритетных направлений стало развитие физической науки. По инициативе Иоффе было решено создать новый центр физики в Харькове. Так началась история Украинского физико-технического института. Для его становления в конце мая 1930 года в столицу Украины из Ленинграда был направлен ряд молодых талантливых ученых. Было их в первом «десанте» 23 человека. Сейчас просто захватывает дух при одном перечислении этих тогда еще не очень известных, амбициозных, увлеченных людей: Гамов (позже эмигрировавший в США – автор теории горячей Вселенной, первооткрыватель реликтового излучения и пр. и пр.), Ландау (будущий нобелевский лауреат), Шубников, Трапезникова, Иваненко... Многие из приехавших уже имели опыт работы за границей, знали несколько иностранных языков, чувствовали себя готовыми к великим свершениям. Тем более, что им

помогали более опытные коллеги (такие как сам Иоффе и Петр Капица). Вскоре в Харьков стали наведываться и всемирно известные западные ученые – Нильс Бор, Поль Дирак, супруги Жолио-Кюри. Но для того чтобы УФТИ (так называли новый институт) прославился во всем мире, нужны были дела, а не только имена.

Среди молодых ленинградцев, очутившихся в Харькове, был и Антон Вальтер. В УФТИ он вошел в бригаду (тогда практиковался именно такой метод работы), в которой кроме него были столь же молодые Синельников, Лейпунский и Латышев. Название бригады – высоковольтная. Бригада занималась исследованиями передачи энергии на расстояние, изоляционных материалов и др.

Долгое время в СССР, в отличие от развитых стран мира, не было ни института, ни даже лаборатории по изучению ядерной физики. Изначально не была направлена на это и деятельность Украинского физико-технического института. Но в 1931 году в планах высоковольтной бригады уже появляется создание установки для расщепления или, по тогдашней терминологии, разрушения атомного ядра. Для создания необходимого ускорения частиц нужны были очень высокие напряжения, так что это вполне соответствовало высоковольтной тематике. Западные ученые уже вплотную занимались этой проблемой. В мае 1932 года стало известно, что сотрудникам Резерфорда Джону Кокрофту и Эрнсту Уолтону удалось осуществить реакцию расщепления ядра лития искусственно ускоренными протонами. (Кстати, использовали в своей работе англичане и работу Гамова «Квантовая теория альфа-распада».)

Оставалось только ускорить работу, чтобы стать вторыми. 10 октября 1932 года жители улиц Чайковского, Лермонтовской и Юмовской обнаружили, что их микрорайон оцеплен органами НКВД. В этот день эксперимент по расщеплению ядра лития был повторен членами высоковольтной бригады. «Мы не понимали, что случилось, – вспоминал Антон Вальтер, – просто были счастливы, увидав светящийся пучок электронов, взметнувшийся под потолок над экспериментальной установкой в нашей лаборатории. А ведь нам досталась солидная доза облучения». Напомним, Вальтеру было лишь 27 лет. Он и его коллеги – Лейпунский, Синельников, Латышев – стали первыми в СССР разрушителями атомного ядра. О знаменательном событии была отправлена телеграмма на имя Сталина, Молотова и Орджоникидзе. Страна и мир узнали об успехе, достигнутом в УФТИ, не из научной статьи, а из газеты. В «Правде» 22 октября появилась небольшая заметка «Крупнейшее достижение советских ученых». В заметке был приведен текст вышеуказанной телеграммы: «Украинский физико-технический институт в Харькове в результате ударной работы к 25-й годовщине Октября добился первых успехов в расщеплении ядра лития. 10 октября высоковольтная бригада разрушила ядро лития. Работы продолжаются».

Подписана заметка была директором института, секретарем парткома и секретарем местного комитета. Первая же научная публикация за подписью самих участников расщепления появилась позже в журнале «Совфиз». А пресса уже гудела: «Снайперы атомного ядра», «Новая эпоха в физике», «Мировая победа советской науки», «Прыжок в будущее». Антон Вальтер был приглашен читать лекции о расщеплении ядра в Промакадемии. Послушать его выступления стремились люди, далекие от науки, стояли даже в коридорах и вестибюле.

Однако не все полагают, что данный эксперимент действительно стал столь выдающимся достижением, толкающим вперед науку. Конкретных результатов, чего-то нового для науки, сенсационного в этом не было. Советская печать, как всегда, раздула успех до невероятных размеров. Лев Ландау заявил: «Следует отметить, что у нас нередко слышно насчет той или иной работы, даже средней, что она опережает западно-европейскую науку и т. д. Напомню здесь известный пример с телеграммой, адресованной товарищам Сталину и Молотову по поводу достижений в расщеплении атомного ядра. Повторение опыта Кокрофта и Уолтона, которое в дальнейшем не привело к каким-нибудь особым результатам, было в этой телеграмме выдано за какое-то выдающееся достижение науки, чуть ли не за опережение работы Кавен-

дишской лаборатории во главе с Резерфордом». На институтском вечере самодеятельности Лев Давыдович со сцены с серьезнейшим видом сообщал зрителям об успехах своих студентов и предлагал послать телеграмму Сталину: «Продифференцировали синус, получили косинус, работы продолжаются».

Вероятно, следует согласиться с тем, что эксперимент в Харькове не имел особенного научного значения, которое прямо бы повлияло на дальнейшее развитие физики. Однако это несколько показушное достижение на самом деле имело самые серьезные и позитивные последствия для харьковской науки, которая в результате внесла и вносит большой вклад в науку мировую. Расщепление ядра и «раскрутка» этого события подтолкнули власти к самым большим вложениям в науку, в УФТИ, в атомные исследования. Наркомат тяжелой промышленности (которым, кстати, руководил Орджоникидзе) выделил деньги на строительство нового высоковольтного лабораторного корпуса и создание экспериментального электростатического генератора, который был необходим для получения «ядерных констант». В дальнейшем физико-технический институт в Харькове пользовался большим расположением властей, как и вся физическая наука. Когда началась волна репрессий, чистка в УФТИ, конечно, была, но физикам удавалось спастись чаще, чем многим другим советским служащим. Они были «в почете».

Члены высоковольтной бригады впоследствии доказали, что являются очень серьезными учеными, а не рядовыми удачливыми экспериментаторами. Успех 1932 года помог им сделать карьеру. Лейпунский в 1933 году стал директором УФТИ. Достойное место среди отечественных ученых занял и Вальтер. В 37-м в УФТИ был запущен первый в Европе электростатический ускоритель с напряжением в 3,5 миллиона вольт. На основе материалов этой работы Антон Карлович с блеском защитил докторскую диссертацию. В рамках курчатовского «Уранового проекта» Вальтер возглавлял работы по изучению ядерных свойств материалов и измерению ядерных констант. Полученные результаты позволили как минимум на год ускорить создание первой советской атомной бомбы.

С 1945 года Вальтер заведовал одним из отделов УФТИ, руководил постановкой экспериментов по физике ядра и элементарных частиц. Ему принадлежит огромное количество научных работ, включая несколько монографий, которые посвящены физике диэлектриков и полупроводников, технике высоких напряжений, физике и технике вакуума, физике высоких энергий.

Особое место в научном наследии Вальтера занимают исследования, ориентированные на создание высоковольтных ускорителей. Он, по сути, стал отцом и хозяином ряда мощнейших установок. Крупнейшей подобной установкой, сооружением которой руководил Вальтер, стал линейный ускоритель электронов на 2 млрд эВ (он был долгое время самым большим в мире). Ускоритель был построен в харьковском поселке Пятихатки в 1965 году (в год смерти Вальтера).

Антон Карлович не раз отмечался высокими наградами. В частности Государственной премией СССР, а в 1951 году он стал действительным членом Академии наук УССР.

Научную деятельность Вальтер совмещал с педагогической – читал лекции в государственном университете и на инженерно-физическом факультете политехнического института. В университете Вальтер стал профессором уже в 1937 году. В 1946 году в ХГУ по его инициативе была создана кафедра экспериментальной ядерной физики, которой он заведовал до конца жизни. В 50-е годы Синельников и Вальтер добились организации физико-технического факультета. Антон Карлович прочитал целый ряд курсов. Он любил работать с молодежью. Естественно, что многие его студенты впоследствии работали в УФТИ. Вальтер – создатель школы физиков-ядерщиков.

Академик Вальтер был известен харьковчанам не только своими научными достижениями, но и как неординарный, чудаковатый человек. О нем до сих пор ходит множество анек-

дотов. Невысокого роста, довольно плотный, академик ходил в украинской сорочке-вышиванке, с тростью. В холодное время года он надевал затасканную кожаную куртку. Не носил головного убора и пальто. Он был известен как спортсмен – еще и в пятьдесят прыгал в воду с вышки, бегал, ходил на лыжах. В молодости занимался альпинизмом. При этом Вальтер был энциклопедически образованным человеком, тонким знатоком литературы, любил читать стихи наизусть.

Кроме того, его знали как большого любителя пива, рассказывали, что «перепить» Вальтера практически невозможно. В день получки или гонорара за статью Антон Карлович якобы собирал по ходу своего движения в пивную вокруг себя толпу любителей пива (знавших о странностях ученого) и шел с ними затем по всем «ганделикам», угощая малознакомых людей. Условие было одно – не пропускать тостов. Постепенно к позднему вечеру толпа рассеивалась.

Другая байка о физике рассказывает, как однажды он заявился в магазин «Автомобили», который в то время, как правило, пустовал – не было у людей денег на личное авто. На возвышении стояли две машины, с восторгом разглядываемые уличными зеваками через витринное стекло. И тут появляется Вальтер в вышиванке и со старым портфелем, тычет пальцем в шикарный ЗИМ, говорит «выписывайте», а потом перед ошарашенным кассиром начинает вынимать из портфеля пачки денег. Вызвали милицию. Страж порядка проверил у подозрительного покупателя документы, убедился, что видит перед собой крупного ученого, академика и, откозыряв, позволил покупке состояться. У Антона Карловича был единственный в городе автомобиль этой марки.

И, наконец, еще одна история. Однажды Вальтера срочно вызвали в командировку. Он не успел получить суточных, бухгалтеры обещали выслать их вдогонку. Когда через несколько дней Антон Карлович убедился, что денег не шлют, он отправил в институт телеграмму: «Вашу мать беспокоит отсутствие денег тчк срочно вышлите сто тчк Вальтер».

Антон Карлович умер еще сравнительно молодым – 17 июля 1965 года, не дожив до 60-ти лет. Его имя постоянно упоминается среди самых выдающихся ученых, работавших в Харькове. В Пятихатках его именем названа улица. В том же поселке, на проспекте Курчатова, сравнительно недавно открыт памятник молодым «расщепителям».

Васильковский Сергей Иванович

(род. в 1854 г. – ум. в 1917 г.)

Выдающийся украинский художник-пейзажист, автор исторических картин.

К сожалению, большинство жителей современной Украины на вопрос «Кого вы знаете из украинских художников?» назовут лишь Шевченко. А между тем, Украина богата именами прекрасных живописцев. И если некоторые из них были украинцами лишь по происхождению, то другие имеют не меньшие, чем Тарас Григорьевич, основания называться истинными певцами своей родины и ее людей. Таким художником был и Сергей Иванович Васильковский.

Сергей Васильковский родился 17 октября 1854 года в городе Изюме (сейчас районный центр в Харьковской области). Отец его был губернским секретарем, прекрасно чертил, писал, рисовал. От него-то, вероятно, получил в наследство Сергей Иванович способности живописца. Мать, Прасковья Васильковская, привила сыну любовь к песне и музыке – естественно, к украинской народной. Сергей Васильковский, будучи взрослым известным художником, любил взять в руки бандуру, рассказывают, что он был прекрасным импровизатором. Еще одну страсть – любовь к украинской истории, ощущение своей связи с былыми временами Сергей Иванович мог получить от деда – Федора, старого чумака. Близким родственником Васильковского был В. Александров – достаточно известный украинский драматург, переводчик, автор оперетты «Не ходи, Грицю, на вечорниці». Многие стихи Александрова стали народными песнями. Маленький Сергей имел доступ к богатой библиотеке своего родственника.

В 1861 году семья Васильковских переехала в Харьков, где поселилась на Москалевке. Сергея отдали в 1-ю городскую гимназию. Там Васильковскому повезло с преподавателем. Каллиграфию в его классе вел Дмитрий Иванович Бссперчий, бывший крепостной, хорошо знавший Шевченко и учившийся в Петербургской академии художеств у Карла Брюллова. Началось тесное знакомство Бссперчего и Васильковского с анекдотического случая – Сергей нарисовал

в учебнике карикатуру на учителя, а тот, вместо того чтобы наказать мальчика, решил способствовать продолжению его карьеры, стал заниматься с Сергеем, а потом отвел в частную художественную школу Раевской-Ивановой.

Однако отец Васильковского придерживался иного мнения о будущем сына. По окончании гимназии он настоял на том, чтобы Сергей поступил в Харьковское ветеринарное училище. Там будущий живописец провел всего год – не хватило денег на продолжение учебы (к счастью). Некоторое время Сергей Васильковский работал канцеляристом в Харьковском казначействе, затем вместе с Бссперчим работал в Киеве, расписывал иконостас церкви в Каменной Яруге, только после этого денег хватило на поездку в столицу империи.

Украинский художник в 1876 году успешно поступил в Академию художеств и учился неплохо, вот только быт свой он устроил далеко не сразу. Приходилось голодать, ютиться в каморке под самой крышей Академии (эта комнатка называлась «казенка»). Здесь же обитали другие земляки Васильковского – Мартынович, Левченко, Самокиш, Сластьон. В натурном классе сокурсниками Васильковского были Врубель и Серов. Учился художник у таких мастеров, как Клодт и академик живописи Орловский. Если первый прививал воспитанникам строгий академический вкус, то второй был более демократичен. В свое время Владимиру Орловскому помог поступить в Академию Шевченко, и теперь сам академик взял на себя задачу помогать землякам. Шишкин называл его «несравненным пейзажистом южной природы», и в молодых украинских коллегах Орловский стремился развивать любовь к национальной тематике.

Довольно быстро работы Васильковского были отмечены наградами. Малую серебряную медаль он получил за этюды с натуры в 1879 году. Еще одну такую же награду – в 1881 году. Были другие медали и дипломы. Одну из картин («Отара в степи»), которая получила Малую золотую медаль, Васильковский еще и удачно продал «сахарному королю» Харитоненко, серьезно поправив свое финансовое положение. В 1883 году Васильковский выполнил учебный курс и отправился в Украину (впрочем, он часто бывал на родине и во время учебы). Сергей Иванович много путешествует по Харьковщине, Полтавщине, спускается по Днепру до территории нынешнего Запорожья. Среди созданных им в этот период пейзажей «Весна на Украине», «Летом», «Каменная балка», «На околице». Вскоре украинский живописец принимает участие во всероссийской академической выставке и в конкурсе на Большую золотую медаль Академии художеств. Конкурс проходил в 1885 году. Васильковский представил на него картину «На Донце». За эту работу он и получает большую медаль, звание классного художника первой степени и право на путешествие по Европе в течение четырех лет за счет Академии для усовершенствования мастерства.

В эту творческую командировку Васильковский отправился в марте 1886 года. Программа была очень насыщена. Сергей Иванович жил во Франции, посетил Англию, Испанию, Италию, Южную Африку, Алжир, Германию. Естественно, он посещает музеи, делает зарисовки и большие полотна. Особенное впечатление на украинского живописца произвели творения художников барбизонской школы: Т. Руссо, Ж. Милле, К. Тройона, Ш. Добиньи. Искусствоведы утверждают, что именно под их влиянием в картинах украинца появляются более чистые цвета, непосредственность, искренность в отображении мотива.

В Париже с помощью живших там тогда Орловского и Похитонова ему удается войти в число художников, работы которых выставляются в Парижском салоне. После первого показа его картин члены жюри практически единодушно разрешают Васильковскому в дальнейшем выставлять в салоне какое угодно количество картин без предварительного просмотра в жюри.

В 1888 году он вернулся в Харьков. В личной жизни Васильковского произошло несчастье. Умерла преданная ему всей душой подруга, муза, возлюбленная Софья Бссперчая (дочь Дмитрия Ивановича). Сергей Иванович тяжело переживал потерю. Он продолжал бродить с

мольбертом и кистями по харьковской земле, но еще долго не мог начать серьезную работу. Он женился только в 1896 году на бывшей монашке – Татьяне Тимофеевне.

Сергей Васильковский за время заграничной командировки создал такие полотна, как «В Пиренеях», «Вид на Безансон», «Утро в Безансоне», «Зима в Испании», «Булонский лес зимой». В 1888 году появилась и одна из первых его исторических работ «Казачий пикет». Казалось, что Петербургская академия должна была ему, в частности, за эти последние шедевры присудить звание академика. Но этого не произошло, Васильковскому было отказано в 1890 году. То ли стиль Васильковского был недостаточно консервативен, то ли сама персона украинского живописца недостаточно благонадежной? Не будем забывать, что страна пережила реакцию, а для украинской культуры это был период действия Эмского и Валуевского указов. Васильковский же не скрывал своего любовного отношения к украинской природе и истории – это было основной темой его творчества. Так или иначе, обиженный живописец порвал с Академией. Впоследствии он не связывал себя ни с одним творческим объединением.

Творчество Сергея Васильковского называют светоносным, а самого его – солнцепоклонником. Это дань художнику, умевшему наполнить украинским солнцем свои картины, ярко выразить красоту родной природы, создавать формы с помощью смены тонов. Специальной техникой шлифовки пемзой и лессирования Васильковский добивается того, что его картины выглядят как будто выплавленными из эмали.

На картинах Васильковского мы видим украинские луга, реки, степь, левады, небо и солнце. Васильковский – один из наиболее известных отечественных пейзажистов, яркий представитель лирико-эпического направления в украинской живописи. Лирика – это сама природа, а эпичность картин – в явном желании художника отразить величие края, рассказать о нем, спеть ему хвалебную песнь. Этой задаче отвечают и исторические картины Васильковского. На его полотнах воссоздается облик украинских казаков, эпизоды давно минувших событий. Таковы картины «Казак в степи», «На страже», «Бой казаков с татарами».

В 1900 году Сергей Иванович организовал первую свою персональную выставку, на которой посетители могли ознакомиться со 120 произведениями художника. В этом же году вместе с Самокишем Васильковский издает альбом «Из украинской старины». В 1903 году Васильковский выигрывает конкурс на оформление здания Полтавского земства. При его содействии жюри соглашается на то, чтобы здание возводил талантливый Василий Кричевский. Васильковский украшает земство украинскими орнаментами и тремя монументальными панно: «Казак Голота», «Чумацкий Ромодановский тракт», «Выборы полковника». (Все они погибли в Отечественную войну.)

Художник принимает активное участие в творческой жизни Харькова. Вместе с Раевской-Ивановой и Бекетовым участвует в создании Харьковского художественного училища. Готовит свои картины для выставки, посвященной открытию XII археологического съезда. В 1912 году все с тем же Самокишем Сергей Иванович издает альбом по истории украинского орнамента XVII-XVIII веков. И в этом же году проходит в Харькове уже вторая персональная выставка живописца. На ней – галерея исторических портретов – Богдан Хмельницкий, Петр Дорошенко, Петр Могила. 33 работы Васильковского в 1912 году представлены на всеукраинской художественной выставке в Киеве.

В 1914 году Васильковский вместе с другими видными харьковскими культурными деятелями отправляет гневный протест в Киев против утверждения бездарного проекта итальянца Шиортино, который собирался строить в украинской столице памятник Шевченко.

Таким образом, харьковский художник стал одним из родоначальников возрождения (или, если хотите, рождения) украинской культуры. Недаром среди его друзей хорошо нам известные историки Багалеи и Яворницкий, писатель и музыкант Гнат Хоткевич. Яворницкий как-то сказал Сергею Васильковскому в напутственном слове: «Благородный сын Украины,

трудись, и благодарная родина воздаст тебе сторицей! Благороднее родных сюжетов не может быть в искусстве».

Трудился Васильковский до конца жизни. Последняя его картина «Поход казаков», написанная в год смерти, считается одним из лучших его произведений. Умер Сергей Иванович 8 октября 1917 года. За свою жизнь он написал около трех тысяч картин. 1340 из них он завещал Музею Слободской Украины, а большую сумму денег – на создание национального художественного музея. К сожалению, в годы Отечественной войны большинство картин были утрачены. Сейчас в различных галереях, музеях и собраниях хранится около 500 картин выдающегося украинского живописца.

Вернадский Владимир Иванович

(род. в 1863 г. – ум. в 1945 г.)

Крупнейший ученый-энциклопедист, основоположник учения о биосфере и ноосфере Земли.

К концу активной научной карьеры многие ученые обращаются к проблемам более широким, чем те, которыми они занимались до этого. Их волнует судьба науки и ее роль в обществе, они пытаются понять будущее человечества и планеты, обобщить достижения – свои и коллег – в разных областях. Но есть ученые, которые именно этим и занимаются всю жизнь. Они не могут остановиться на детальном и подробном изучении отдельных вопросов, они смотрят далеко вперед, пытаются познать самые общие законы развития планеты и роль человека в Космосе. Все это в полной мере относится к выдающемуся ученому – Владимиру Ивановичу Вернадскому. Этот человек стал на несколько ступеней выше, чем ему было предписано как геологу, минералогу или кристаллографу.

Сам ученый пытался исследовать свою родословную и обнаружил, что в свое время в войсках Богдана Хмельницкого находился литовский шляхтич Верна. Его потомки обосновались на Сечи. Прадед ученого Иван Николаевич Вернацкий переселился в Черниговскую губернию, сумел добиться прав на дворянство, но впоследствии эти права не были подтверждены. Дед Владимира Ивановича Василий Иванович служил лекарем в армии Суворова, был кавалером ордена Почетного легиона (за то, что в госпитале ухаживал за французами). Отец ученого – Иван Васильевич родился и жил в Киеве, закончил здесь университет и стал профессором политэкономии, переехал в Петербург, занимался издательским делом. Иван Васильевич был либералом и активным общественным деятелем, он общался с самыми передовыми людьми того времени (в том числе с теми, кто находился в опале), считал своим долгом активно пропагандировать либеральные идеи, за что немало пострадал и подорвал свое здоровье. Первая его жена разделяла убеждения мужа и сама была заметной фигурой в русских либеральных

кругах, но вторая – Анна Петровна Константинович (мать Владимира Ивановича) придерживалась иных взглядов на жизнь, желала более спокойной жизни.

Владимир Иванович Вернадский родился в Петербурге 12 марта 1863 года, а через пять лет Вернадские переехали в Харьков, где и прошло раннее детство ученого. Здесь, когда подошло время, он пошел в гимназию.

Владимир рано научился читать и перерыл всю отцовскую библиотеку, проглатывая книги без разбору. Больше всего его занимали книги о путешествиях, великих природных явлениях. Другим увлечением мальчика была история, языки (особенно греческий). Живя в Харькове, он много общался с кузеном своего отца – Евграфом Максимовичем Короленко, который, по единодушному мнению биографов Вернадского, оказал на будущего ученого исключительное влияние. Короленко был человек в высшей степени занимательный. Бывший офицер, выйдя в отставку, посвятил себя изучению науки и философии, был настолько независим в суждениях, что, оставаясь дилетантом, вырабатывал собственные взгляды на мир, человека, космос. И взгляды его были порой более чем интересные. Даже прогрессивные общепризнанные идеи так же могли оспариваться Евграфом Максимовичем, как и явно старые, отжившие. Это неприятие конъюнктуры в любом виде отличало потом и Вернадского. Идти своей дорогой, не принимать полностью никаких догм и постулатов – вот чему учил дядя племянника. И до сих пор исследователи отмечают новизну, свежесть, непредвзятость многих работ ученого. Чем бы он ни занимался – кристаллами, минералами, вулканами, – он не стремился повторить уже сказанное, его отличала непосредственность, почти детское восприятие мира.

В научно-философском мировоззрении Короленко явственно прослеживались мотивы, которые найдут свое отражение и в творчестве Вернадского. Владимир Иванович сохранил некоторые записи и передал некоторые афоризмы своего родственника. Так, Короленко не сомневался, что далекие миры населены живыми существами, он верил в то, что все миры, звезды и галактики представляют собой не хаос, а нечто единое, организованное и разумное (хотя Бога не признавал). «Мысль немыслима без материи, а материя без мысли» – такую фразу мог вполне произнести и сам Вернадский. Или еще более знаковая фраза Евграфа Максимовича: «Весь органический мир земли работает над перемещением материалов неорганического мира. В этой общей работе участвует все живое, переходящее через все три царства природы – растительное, протистов и животных. Громадны результаты работ, происходящих в лабораториях организмов первых двух царств, где перемещение вещества совершается посредством питания бесчисленного множества организмов во время их жизни и разложения после их смерти. Но в особенности деятельное участие принимает в этом перемещении неорганических веществ животный мир, начиная с самых мельчайших микроскопических существ до человека включительно». Впрочем, нельзя исключить, что ученый, вспоминая слова Короленко, переделал их на свой лад, высказал собственные идеи.

С третьего класса Вернадский учился уже в Петербургской классической гимназии. Это учебное заведение давало неплохие сведения по истории, классическим языкам, философии. Впоследствии Вернадский выучил еще несколько языков. Особенно хорошо владел английским, французским, немецким – некоторые свои статьи писал на этих языках, а вообще мог работать с научной литературой на пятнадцати языках и не мог понять, как некоторые его коллеги умудряются быть учеными без знания иностранных языков. Однако в гимназии давали довольно посредственные знания по естественным наукам. Ученый говорил, что именно такое отношение к ним и сделало его, в конце концов, естественником. Уже в гимназии старшими учениками было образовано энтомологическое общество.

Вернадский же метался между гуманитарными науками и химией, астрономией, биологией. Здесь проявлялась неуемная жажда Владимира Ивановича успевать все, его широкий круг интересов. Первой его самостоятельной работой стал доклад о положении славян в

Австро-Венгрии (Вернадский, как и его товарищи, живо интересовался общественно-политической жизнью, делал записи в дневнике о Балканском вопросе и т. п.). А с другой стороны, домочадцы страдали от химических опытов со взрывами, которые ставил Владимир после уроков.

Уже в гимназии у будущего ученого стали проявляться те черты характера, которые отличали его и в 80 лет. С одной стороны, веселый нрав, энергичность, внимание к окружающим, с другой – сосредоточенность, дисциплинированность, некоторая даже замкнутость в том, что касается его занятий.

Окончив гимназию, Вернадский поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, где преподавали Бутлеров, Менделеев, Сеченов, Докучаев. Последний оказал на молодого ученого наиболее сильное влияние. Докучаев, как известно, был выдающимся почвоведом, Вернадского он увлек минералогией, кристаллографией, геологией. Как вспоминал Вернадский, «под объяснениями Докучаева мертвый и молчаливый рельеф вдруг оживал и давал многочисленные и ясные указания на генезис и характер геологических процессов, совершающихся в скрытых глубинах». Очень важно было то, что учитель Вернадского занимался именно почвой, т. е. той частью земной коры, где наиболее очевидным было влияние живых организмов на формирование и состав «мертвой материи». Деятельность Владимира Ивановича, таким образом, была уже направлена на изучение тех проблем, которые прославят его как ученого.

В университете Вернадский вступил в студенческое научно-литературное общество, секретарем которого был Александр Ульянов. Это впоследствии несколько отразилось на отношении к Вернадскому властей, для них он оставался человеком достаточно подозрительным, ведь жизнь свою он вечно связывал с разными неблагонадежными, революционно настроенными людьми. Владимир Иванович не мог не участвовать в общественной жизни страны. Эти принципы он полностью перенял у отца.

Кроме общества, Вернадский с друзьями создал и своеобразное братство. В него вошли братья Ольденбурги, Шаховский, Гревс и другие. Главными принципами братства были честность, дружба, взаимопомощь. Научные интересы у членов братства были различны, но моральные принципы – одни. Много времени молодые люди проводили вместе, выезжали на дачу, обсуждали проблемы, книги, идеи... Большое влияние на умы «побратавшихся» оказывали идеи Льва Толстого. Друзья сохранили прекрасные отношения на всю жизнь.

Во время одних посиделок в братстве Вернадский встретился с Натальей Егоровной Старицкой – дочерью прогрессивно настроенного адвоката. Вскоре они поженились и прожили вместе более 56 лет.

В 1885 году Вернадский окончил университет и был назначен хранителем минералогического кабинета Московского университета. Владимир Иванович с обычным своим рвением занялся классификацией и систематизацией материала, но в это время его уже интересовала далеко не узкая наука минералогия. Он всю жизнь занимался несколькими темами параллельно. Дома выстраивались шкафы, в которых были рассортированы материалы по минералам, кристаллам, химии; потом для разных наук были выделены разные письменные столы, разрасталась картотека. Вернадский внимательно знакомился со всей доступной научной литературой, отмечал порой, казалось бы, совершенно ненужные ему статьи, аккуратно переписывал данные об издании на карточки. Боковой карман сюртука ученого вечно был оттянут стопкой очередных бумажек с такими записями. Количество прочитываемого им за день не намного уменьшилось и впоследствии.

В 1887 году у Вернадских рождается сын Георгий. (Владимир Иванович в свое время посоветует ему заниматься историей, и Георгий станет профессором русской истории в Йельском университете США.) А через год Владимир Вернадский отправился в научную командировку, традиционную для соискателей профессорского звания. За границей Вернадский

работает в химических и кристаллографических лабораториях Мюнхена и Парижа, совершает геологические экспедиции, участвует в Лондонском геологическом конгрессе и избирается членом-корреспондентом Британской ассоциации наук. Там же в Англии он получает приглашение преподавать в Московском университете.

В России Вернадский под руководством Докучаева участвует в экспедиции по геолого-почвенному описанию Полтавской губернии, становится приват-доцентом минералогии Московского университета, защищает магистерскую диссертацию, читает лекции. Особенно интересует его происхождение минералов, об их генезисе он пишет статью в Энциклопедию Брокгауза и Ефрона.

Ученики Вернадского вспоминали, что ученый не отличался особым красноречием, зато лекции его были совершенно ясные и точные. Вернадский был высок, ходил стремительно, двигался легко (и легкость эту сохранил до самой старости). Современников поражал взгляд ученого – какой-то особенно лучистый. Уже в молодости создавалось впечатление, что Вернадский смотрит куда-то вдаль, видит то, чего не видят другие. Вот как вспоминает один из современников Владимира Ивановича: «Узкое, точеное лицо, высокий выпуклый лоб ученого, темные волосы с сединой, каскадами поднимавшиеся над ним, поражали и удивляли. Но и они были только фоном для глаз, необычайно чистых, ясных, глубоких, казалось, что в них светился весь облик, вся душа этого необыкновенного человека. Впечатление еще более усиливалось, когда Владимир Иванович начинал говорить. Его голос был такой же, как глаза, – спокойный, ясный, приятный и мягкий, глубоко уходящий в душу». Отмечали, что Вернадский был необычайно вежлив, в споре абсолютно спокоен, несколько застенчив и совершенно не тщеславен.

Постепенно вокруг ученого формировался круг соратников, ассистентов. Владимир Иванович искал людей увлеченных, с широким кругозором, преданных науке. Подолгу разговаривал с теми, кто хотел работать вместе с ним. Вернадского интересовало, почему этот человек решил прийти к нему, что ищет в науке, знает ли литературу, языки, историю – то, что касается общего образования и эрудиции.

В 1897 году Владимир Иванович защитил докторскую по теме «Явления скольжения кристаллического вещества». Он явно тяготился тем, что приходится выбирать для диссертации столь узкую тему, посвящать ей свое время. Вскоре ученый стал профессором. Через год у Владимира Ивановича и Натальи Егоровны рождается дочь Нина (она стала психиатром; как и брат, жила, работала и умерла в США).

В начале века Вернадский позволил себе, наконец, опубликовать первые статьи философского характера, работы об истории науки. Тогда же он опять активно включается в общественную жизнь, не остается в стороне от революционных событий. В 1906 году Вернадский избирается членом Государственного Совета от Московского университета. Там он выступает за либерализацию страны. Когда непокорная Дума была распущена, Вернадский был среди тех членов Совета, кто подписал протест против действий властей. Дома у ученого собираются члены политического либерального общества. И при этом Владимир Иванович продолжает активно заниматься наукой. (Хотя и спрашивает у своих помощников: «И как это раньше ученые совмещали науку с общественной деятельностью?») Вернадский становится экстраординарным академиком, с 1906 по 1918 год выходят части «Опыта описательной минералогии».

В 1911 году ученый покидает Московский университет в знак протеста против наступления на университетские свободы, переезжает в столицу, где реорганизует Минералогический музей Академии наук. Вернадский занимается радиогеологическими изысканиями. В свое время он одним из первых в России оценил всю важность открытий Кюри, предсказал, что открытие радиоактивности даст совершенно новый способ добывания энергии. Вернадский подчеркивал большое значение радиоактивности в жизни земной коры, в судьбе минералов, его экспедиция обнаружила первые урановые залежи на территории России.

В 1915 году по инициативе Владимира Ивановича создается Комиссия по изучению естественных производительных сил России при Академии наук. (Из этой комиссии вышли многие современные институты при Академии.) В 1916 году Вернадский был избран председателем ученого совета при министерстве земледелия. В печати появляются его статьи по минералогии, геохимии, полезным ископаемым, истории естествознания, метеоритике. Приблизительно в это время он приступил к систематическому исследованию живой природы в атомном и планетарно-космическом аспектах, перейдя одновременно к естественно-историческому изучению человека и человечества, их настоящего и будущего.

В связи с развившимся туберкулезом в 1917 году Вернадский переезжает на юг – в Украину. Во время Гражданской войны он находился в Киеве и не занимал какой-то определенной позиции по отношению к борющимся группировкам. Как только положение чуть стабилизировалось (когда после Брестского мира к власти на немецких штыках пришел гетман Скоропадский), Вернадский пытается вновь приступить к организации научной деятельности в рамках той страны, какая есть. Он организует и становится во главе первой украинской Академии наук. Факт, которым гордятся украинские историки. Владимир Иванович сам посещает немало мест в Украине. Он работает в Киеве, Полтаве, Харькове, Ялте, Симферополе (где недавно решено переименовать в его честь один из центральных проспектов). Зарубежные коллеги предлагали ученому эмигрировать в Англию, но он не покинул родину.

В конце 1921 года Вернадский основал в Москве Радиевый институт, продолжал заниматься проблемами геохимии, разрабатывал учение о геологической роли живого вещества. Вскоре он уезжает читать лекции во Франции. Здесь в Сорбонне он работает до 1926 года, публикует лекции по геохимии, биогеохимии, химии моря, эволюции жизни, о геохимической деятельности и будущем человека. Вернувшись же в Россию, Вернадский издает самую, пожалуй, знаменитую свою работу – «Биосфера».

Пришло время остановиться на научных идеях Вернадского. Его нередко – и справедливо – называют «Ломоносовым XX века». Трудно назвать такую область естествознания, которая так или иначе не была бы затронута гениальным ученым. И особое место в его биографии занимают 1916–1926 годы. В этот период завершается в основных чертах формирование учения о живом веществе, биогеохимии как новой научной дисциплине и учения о биосфере как целостной общебиологической и геологической концепции. Этим разделам своих научных изысканий Вернадский посвящает большую серию работ под общим названием «Живое вещество в земной коре и его геохимическое значение», упомянутую уже книгу «Биосфера», ряд статей и заметок, опубликованных в отечественной и зарубежной печати, а также разделы монографии «Геохимия», опубликованной в 1924 году в Париже на французском языке, большое число (завершенных и оставшихся неоконченными) заметок, набросков, писем, сохранившихся в рукописных вариантах.

В системе биокосмических воззрений Вернадского ключевое положение занимает понятие живого вещества – совокупности всех растительных и животных организмов планеты. Он настаивал на том, что живые организмы являются компонентами земной коры, столь же естественными и «равноправными», как минералы и горные породы, но намного превосходящими последних по своей геологической активности, что особенно ярко проявляется в деятельности человечества – составной части живого вещества планеты. Таким образом, живое вещество становилось объектом геологии, появлялась новая наука – биогеохимия, изучающая, в частности, влияние живых организмов на формирование земной материи. «Без организмов не было бы химических процессов на Земле. Во все циклы входят неизбежно организмы», – это слова Вернадского.

Владимир Иванович обращал внимание на то, что живое вещество может иметь такие общие свойства, которые не присущи отдельным его компонентам (это тесно связано с современными физическими представлениями о системах). Так, Вернадский выделял такие свой-

ства живого вещества, как массу, геохимическую энергию и т. д. Жизнь, по мнению Вернадского, подчинена тем же общим законам, каким подчинена и мертвая материя, и столь же извечна, как и мертвая материя.

Концепция биосферы, с которой неразрывно связано имя Вернадского, была тесно связана с положениями о живом веществе. Идея биосферы в общем виде была высказана им еще в середине 80-х годов XIX века в докладе на заседании студенческого научно-литературного общества Петербургского университета. Заклучая доклад, Вернадский говорил: «Живая материя скопилась в виде тонкой пленки на поверхности земного сфероида: вверх, в атмосферу, она едва достигает верст 8?10; вниз, в глубь земного шара, – еще меньше». В 1926 году теория биосферы была уже в общих чертах разработана, что и нашло отражение в монографии. Вернадский назвал оболочку Земли, где протекают биохимические процессы. Оболочка эта тесно связана с другими сферами, формируется под их влиянием, но и сама влияет на них. Так атмосфера, по сути, является результатом геохимической деятельности биосферы. Учение о биосфере, как о мегакосмической системе, оказало влияние на развитие целого ряда наук – биоэкологии, биогеоценологии, экологической биогеографии, биогеологии, геогигиены, медицинской экологии, геохимической экологии, морской биологии. Здесь недаром указано столько экологических наук. Наука о биосфере подталкивала к иному пониманию роли природы в жизни человека как части этой природы, необходимости соблюдения экологического баланса, зависимости планеты от состояния биологической оболочки. Слишком много, как оказалось, в жизни Земли связано с живым веществом и его деятельностью. А человек в данном случае тоже оказывался вовлеченным в преобразование планеты, был ответственен за нее, как наиболее высокоразвитое существо. Для полного осмысления значения человечества для планеты Вернадским была разработана и теория ноосферы.

История человеческого общества, подчеркивал Вернадский, – это не только и даже не столько история войн, смен династий, дворцовых переворотов и т. п.; это прежде всего история освоения человеком планеты. Стремление овладеть окружающей природой пронизывает всю историю человечества, отмечал неоднократно Вернадский. В конечном итоге ученый приходит к выводу, что в настоящее время на нашей планете протекает процесс перехода верхней, занятой живым веществом оболочки планеты – биосферы – в новое геологическое состояние – ноосферу, то есть область, преобразованную разумом и трудом человека сообразно своим целям и потребностям, возвышающим его как активно действующую, творческую личность. Главные движущие силы этого перехода – широкие народные массы, в своих действиях опирающиеся на достижения научного знания и всей общечеловеческой культуры. У Вернадского встречается различное толкование времени возникновения ноосферы. В окончательном виде позиция Вернадского складывается в 1941–1944 годах: многочисленные дневниковые записи и письма этого периода, как и статья «Несколько слов о ноосфере» (1943 г.), убедительно свидетельствуют о том, что создание ноосферы он относил к будущему. Он полагал, что с появлением на Земле человека разумного начался период идущего все ускоряющимися темпами становления ноосферы, но подлинная история ноосферы начинается с XX столетия – эпохи слившихся в единый поток величайших научных, технических, социальных преобразований, выдающихся культурных достижений. На первых порах локально, стихийно, а в дальнейшем в глобальных масштабах сознательно и целенаправленно биосфера будет преобразовываться в ноосферу трудом и разумом человека.

В 20–30-х годах научная школа Вернадского расширяется. Помимо геологов, минералогов, физиков, химиков, традиционно составлявших ее основной костяк, это были также биологи разного профиля – биофизики, биохимики, радиологи, кристаллографы, математики... Вернадский стремился создать в пределах Союза мощный научно-исследовательский центр, который бы организовывал и координировал разработку разнообразных биокосмических проблем, вынашивал идею основания Международного института живого вещества. В конце 20-х

годов была создана Биогеохимическая лаборатория (на ее базе впоследствии возник Институт геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского АН СССР).

Уже в очень пожилом возрасте Вернадский был по-прежнему полон энергии, брался за все новые труднейшие проблемы. Во Франции он усвоил строгий режим – вставал рано, ложился всегда в 10 часов вечера (порой прерывая свой разговор с гостями, как бы интересным он ни был), любил прогулки, особенно на лодке, путешествия, музыку. Возможно, именно благодаря строгим правилам в еде, сне и работе Вернадский до конца жизни сохранял полную ясность ума и юношескую активность. Кроме того, ученый подчеркивал, что никогда не пил и не курил, несмотря на то, что его родители как раз делали и то, и другое.

С 1923 по 1936 год выходят в свет отдельные тома «Истории минералов земной коры» Вернадского; кроме статей на прежние темы, он пишет исследования о природных водах, круговороте веществ и газах Земли, о космической пыли, геотермии, проблеме времени в современной науке. В 1937 году Владимир Иванович в последний раз выступает на международном геологическом конгрессе с докладом: «О значении радиоактивности для современной геологии» и добивается создания международной комиссии по определению геологического времени.

В 1943 году в эвакуации в Боровом (Казахская ССР) умерла Наталья Егоровна, а в конце 1944 года у возвратившегося в Москву Владимира Ивановича произошло кровоизлияние в мозг, и 6 января 1945 года на восемьдесят втором году жизни Вернадский скончался. В 1963 году академик Наливкин заметил: «Мы с сожалением должны сказать, что второго Вернадского среди нас нет. Мы иногда даем выдающиеся, блестящие исследования и идеи, но все же для каждого из нас совокупность этих исследований, работ и идей не может сравниться с итогами научной деятельности Владимира Ивановича».

Виленкин Александр Владимирович

(род. в 1900 г. – ум. в 1900 г.)

*Крупнейший космолог современности.
Разработал гипотезу о множестве Вселенных.*

С детских лет мы знакомы с термином «аксиома» и не привыкли подвергать содержащиеся в ней утверждения сомнению. Но воистину великие ученые не могут удовлетвориться тем, чтобы принять что-либо на веру. Откуда взялись наши самые простые, элементарные, фундаментальные убеждения? Почему Вселенная подчиняется каким-то физическим законам и подчиняется ли вообще? Что такое время и бесконечность, какова природа вероятности? Вот что волнует тех людей, которых считают величайшими умами современности. Об этих людях знают меньше, чем о поп-звездах, политиках, крупных бизнесменах. Поэтому и включают в списки знаменитых земляков... Такова судьба Александра Виленкина – человека, о котором не только не знают, что он харьковчанин, о котором вообще, как правило, ничего не знают. Впрочем, согласно теории крупнейшего космолога нашего времени, наверняка существует мир, в котором он является самым известным уроженцем Харькова.

Александр родился в Харькове в 1949 году в семье преподавателя геолого-географического факультета Харьковского университета Владимира Львовича Виленкина. Жила семья Виленкиных в коммуналке на Холодной горе. Некоторое время биография Виленкина складывалась вполне типично для одаренного харьковского ребенка. Он учился в престижной 27-й физико-математической школе, которая дала отечественной и мировой науке много славных имен. Здесь уже в старших классах увлекся физикой. Старших школьников водили на экскурсии в университет, в лаборатории УФТИ, где знаменитый Вальтер показывал будущим коллегам свои приборы. Виленкин любил также играть в шахматы (только его больше интересовал не выигрыш, а теоретический разбор возможных комбинаций), читал Ахматову и Мандельштама, участвовал в работе городского Клуба любителей фантастики. Одноклассники Алек-

сандра Владимировича говорят, что их товарища отличала особая застенчивость, он легко краснел, никогда не выступал в самодеятельных концертах.

Без каких бы то ни было проблем выпускник 27-й школы поступил на физический факультет ХГУ, где тогда преподавали прекрасные физики во главе с Ильей Михайловичем Лифшицем. И здесь Виленкин не затерялся. Все экзамены сдавал на «отлично». Параллельно усиленно изучал на курсах английский язык, и к моменту выпуска уже свободно читал и довольно бегло говорил на основном языке науки.

На вечеринках Виленкина часто можно было увидеть с записной книжкой, в которой он записывал приходящие в голову мысли, хотя и так память у него была удивительная. Сам Виленкин вспоминает, что пропускал много занятий. «У нас хорошо преподавали физику твердого тела, но вот проблемы гравитации и космологии оставались за пределами программы – тогда на это не было большого спроса». Увлёк молодого ученого идеями квантового подхода к космологии сотрудник УФТИ Петр Фомин (сейчас академик, работает в Киеве). С третьего курса Александр специализировался на кафедре теоретической физики. Темой его дипломной работы стал эффект рассеяния электронов на поверхности металла, научным руководителем был известный физик Эммануил Канер.

Казалось, перед закончившим в 1971 году университет Виленкиным открывались отличные перспективы. Маститые ученые из разных институтов стремились заполучить к себе прекрасно зарекомендовавшего себя студента. Так, Канер хотел видеть подопечного в своем Институте радиоэлектроники или в аспирантуре университета, завкафедрой теорфизики университета Игорь Фалько тянул Виленкина к себе. Но ничего из этого не вышло. Откуда-то сверху поступало распоряжение, и Александру в очередной раз приходилось выслушивать отказы. Канеру вообще запретили брать кого-либо в аспирантуру. Впоследствии Виленкин рассказывал, что однажды сотрудники университетского первого отдела предложили ему сотрудничать, а он отказался. Так что, возможно, двери перед ним закрывались именно поэтому.

Так или иначе, вскоре Александр оказался в армии – причем не где-нибудь, а в стройбате под Конотопом. Там он испытал все ужасы дедовщины, друзья и родственники даже ездили в часть, разговаривали с офицерами, добились более снисходительного отношения. По возвращении в Харьков Виленкин принялся искать работу. И нашел – стал... сторожем в харьковском зоопарке. Возле клеток с зебрами сидел молодой человек и писал в блокноте формулы, изучал теорию относительности. Как говорится, все это было бы смешно... Отработав в зверинце полтора года, отличник физического факультета устроился охранять винный ларек. Говорит, это была вершина его профессиональной карьеры на родине. «Не так и просто было получить эту должность, – продолжает Виленкин, – надо было сначала доказать, что я не алкаш».

Для Александра все закончилось относительно неплохо. Он решает эмигрировать в США и в 1976 году навсегда покидает Харьков. У его родителей, которые не пожелали последовать за сыном, потом были неприятности, но зато Александр Виленкин смог заняться тем, что ему было просто необходимо, – наукой. Уже через год после приезда в Америку он получает докторскую степень, защитив диссертацию о биополимерах, устраивается в университет Тафтса в Медфорде, штат Массачусетс, и в дальнейшем уже занимается только космологией.

Мировая известность (по крайней мере, среди людей науки) к Виленкину приходит в 1982 году, когда на страницах журнала «Physics Letters» он опубликовал статью «Творение Вселенной из ничего».

Эпохальной в изучении проблемы происхождения Вселенной стала теория Большого взрыва, разработанная тоже советским эмигрантом в США Г. Гамовым. Однако далеко не все в этой истории было ясно, не ясна была и судьба Вселенной. Виленкин подошел к этим проблемам по-своему.

В течение миллиардов лет из случайных сгустков материи возникали звезды и галактики. Со временем в разных уголках Вселенной появилось множество «локальных миров» со своей

особой судьбой. История нашей планеты – и вместе с ней человека – всего лишь одна из возможных форм эволюции живого в мироздании. Анализируя подобное развитие событий, Александр Виленкин пришел к выводу: хотя Вселенная бесконечно велика, число «сценариев эволюции», возможных в ней, равно конечной величине. Поэтому каждая отдельная «история», – например, «история планеты Земля», – может повторяться бесчисленное число раз, как и вообще любое событие. Или многократно варьироваться. И это не научная фантастика, это просто наука, которая во сто крат интереснее и поразительнее любых художественных выдумок.

Известно, что количество энтропии (образно говоря, беспорядка) во Вселенной растет. Однако столь же хорошо известно, что время от времени происходят так называемые флуктуации, в отдельных местах и в отдельное время наблюдается стремление к упорядочению – так, например, сама история Земли с ее самоорганизацией (в том числе возникновением жизни, эволюцией живых существ и т. д.) – это не более чем флуктуация. Вероятность такой флуктуации крайне мала, вероятность возникновения идентичной флуктуации исключительно мала. Но Вселенная бесконечно велика – значит, вероятность все же есть. Как говорит сам космолог, «для масштабов Вселенной любая 0 целых, ноль, ноль, ноль... становится обыденным делом». Повторяясь в общих чертах, история в разных мирах несколько варьируется в пределах всех возможных вариантов. Так что где-то обязательно есть миры, где Элвис Пресли еще не умер, а Виленкин так и остался сторожем в зоопарке.

С этими рассуждениями тесно связано учение об «обновляющейся Вселенной» или множестве Вселенных. Согласно Виленкину, в течение 10–35 секунд после Большого взрыва длилась некая «инфляционная эпоха», в ходе которой само пространство расширялось в бешеном темпе. В результате некое фундаментальное взаимодействие, единая сила, действовавшая в пространстве, распалась на отдельные силы. Однако «инфляционное расширение», возможно, прекратилось только в отдельных регионах, «пузырях» со своим пространством-временем, своими законами и т. д. Этот пузырь – это и есть видимая нами Вселенная. Но есть и другие «пузыри», общение с которыми невозможно, пространство продолжает расширяться, и мы не успеваем получить сигнал. «Пузыри-Вселенные» продолжают возникать и порождают новые Вселенные. Так что жизнь всей Вселенной продолжается вечно, и вечно возникают пузыри, в которых когда-нибудь да повторится Земная история, варьируясь в отдельных проявлениях типа выборов президента США в 1955 году или столкновения «Титаника» с айсбергом.

Со своим «множеством миров в одном» Виленкин стал одним из новых Лапласов, его теории кажутся чисто спекулятивными, но, возможно, в скором времени именно эти идеи окажут самое серьезное влияние на развитие наших взглядов на Вселенную. Сам ученый верит в то, что не за горами то время, когда мы раскроем тайну бесконечности Вселенной, опишем ее начало...

Виленкин воспитывает новое поколение космологов, но довольно часто буквально упрощает студентов не заниматься этой наукой. «Космология лишь для тех, кто чувствует к ней чудовищную тягу», – считает Александр Владимирович. Он и сам занимается самыми разными проблемами – детальным исследованием космического излучения, исследованием гравитационных волн, но больше всего интересуется самыми общими вопросами. На вопрос о том, что больше всего интересует его как ученого, Виленкин отвечает: «Во-первых, какие параметры, называемые нами «природными константами», в самом деле являются постоянными, а какие только кажутся нам таковыми, потому что постоянство им придает лишь «выбранное» нами место наблюдения Вселенной? Быть может, окажись мы в другой части Вселенной, те же самые константы примут совсем иное значение. Во-вторых, я спросил бы волшебницу, почему в мире квантовой физики мы вынуждены оперировать вероятностными понятиями и оценками? Наконец, меня интересует, в чем заключена природа сознания».

Зарубежная пресса открыто говорит, что Виленкина по гениальности можно сравнить со знаменитым Стивеном Хоукингом (кстати, Александр Владимирович был почетным гостем на

торжестве в честь 60-летнего юбилея признанного гения в 2002 году, хотя и является оппонентом Стивена в науке). Мешает ему лишь излишняя застенчивость. Сам Виленкин скромно признается: «Вообще говоря, мироздание кажется мне сейчас еще бессмысленнее, чем прежде...» Представьте, что же может открыться, какой смысл действительно может найти этот ученый и его коллеги. Эта перспектива одновременно восхищает и ужасает.

Вишня Остап

Настоящее имя – Губенко Павел Михайлович
(род. в 1889 г. – ум. в 1956 г.)

Известный украинский писатель-юморист.

Ни для кого не секрет, что произведения, включенные в школьную программу по литературе, редко вызывают большой энтузиазм у учащихся. И, к сожалению, особенно это относится к произведениям литературы украинской. В чем тут дело? Ведь не в каком-то «отставании» ее от литературы русской? Наверное, не так хорошо и сами составители знают творчество украинских авторов, наверное, до сих пор остаются недостаточно изученными книги прекрасных поэтов и писателей Украины. Но есть писатель, чьи небольшие рассказы и сейчас читают не из-под палки. Они смешны сами по себе без скидок на время, на цензуру, на идеологическую подоплеку. Этот писатель – настоящий всенародный любимец Остап Вишня. Человек, которому суждено было стать одним из немногих представителей Украинского Возрождения 20-х годов, вышедших живыми из крепких объятий сталинской репрессивной машины.

Судьба Вишни полна житейских коллизий, и только его талант «скрасил» трагические страницы его биографии. Настоящее имя и фамилия писателя – Павел Губенко. Он родился 13 ноября 1889 года на хуторе Чечва Зеньковского уезда Полтавской губернии (сейчас село Грунь Ахтырского района Сумской области). Отец будущего писателя, Михаил Кондратьевич Губенко, был отставным солдатом, и всего в его семье было 17 (семнадцать) детей. Павел, вероятно, рос смешливым, подвижным мальчиком (предположить что-либо другое просто невозможно). Он закончил начальную, а затем двухклассную школу в Зенькове. Позже Павлу Губенко удалось поступить в Киевскую военно-фельдшерскую школу, которую он окончил в 1907 году. Во время Первой мировой войны Губенко был врачом в 168-м Миргородском пехотном полку, затем работал в железнодорожной больнице.

В конце войны Губенко сдал экстерном гимназические экзамены и поступил на историко-филологический факультет в Киевский университет. Но учебу не окончил и остался без высшего образования. В конце 1917 года Губенко перешел на службу в санитарное управление министерства путей сообщения УНР. В составе министерства эвакуировался из Киева в Каменец-Подольский. Там он оставляет медицину и принимается за журналистскую деятельность. Некоторое время Губенко сотрудничал в эсеровской газете «Народная воля». Первый его фельетон был напечатан 2 ноября 1919 года и назывался «Демократичні реформи Денікіна (Фейлетон. Матеріалом для конституції бути не може)». Губенко взял себе псевдоним П. Грунский. Молодой фельетонист уже тогда обнаружил прекрасное чувство юмора, умение писать живым, сочным украинским языком. Это умение никуда не исчезло и впоследствии. Фельетоны же были настолько остры, что однажды редактор газеты, где работал Губенко, был оштрафован.

По окончании борьбы УНР с Советами журналист переезжает в Киев и вскоре оказывается в застенках ЧК. Причины ареста очевидны. Губенко вытащил из тюрьмы влиятельный тогда литератор Блакитный, который собирал в столичном Харькове коллектив журналистов для работы в новых советских изданиях.

С 1921 года Павел Михайлович начинает работать в газетах «Вісті ВУЦВК» и «Селянська правда», его начинают с удовольствием печатать и многие другие республиканские издания. В 1922 году он участвует в создании юмористического журнала «Червоний перець». 22 июля 1921 года в «Селянській правді» появляется фельетон «Чудака, їй-богу!», впервые подписанный псевдонимом Остап Вишня. С тех пор Павла Михайловича все друзья, знакомые и миллионы читателей называли именно так.

Короткие рассказы и острые заметки в газетах стали новым явлением в украинской литературе. Остап Вишня высмеивал зарождавшуюся бюрократию, традиционные человеческие пороки – лень, индивидуализм, зашоренность, необразованность и пр. Многие из них были свойственны как раз тем, с кем после отождествляли Вишню, – обычным украинским крестьянам. Но именно простые украинцы страстно полюбили «своего» Вишню. Один критик как-то отметил, что «писать рецензию на Остапа Вишню – это все равно, что писать рецензию на читателя». Народ с восторгом принимал юмор писателя, который некоторые зоилы называли грубым, мещанским, а потом и кулацким, буржуазным. Кстати, Остап Вишня подвергал уничтожительной критике и наступления на украинизацию.

В Харькове писатель стал публиковаться не только в газетах, стали выходить книги Вишни. Среди них «Діла небесні» (1923), «Кому веселе, а кому й сумне», «Реп'яшки» (1924), «Вишневі усмішки сільські», «Вишневі усмішки кримські» (1925), «Щоб і хліб родив, щоб і скот плодився», «Лицем до села» (1926), «Вишневі усмішки кооперативні» (1927), «Вишневі усмішки закордонні» (1930). Усмешки Остапа Вишни – это, собственно, отдельный исконно украинский жанр. В 1928 году писатель издал четырехтомное их собрание. Книги Остапа Вишни продавались и в Украине, и в других республиках Союза, были переведены на множество языков и изданы колоссальными для тех времен тиражами. Всего вышло отдельными изданиями 150 книжек его юморесок, фельетонов, рассказов, сатирических миниатюр. Кроме того, писатель переводил на украинский язык произведения Гашека, Твена, Сухова-Кобылина. Кумирами же украинского юмориста с детских лет были выдающиеся его предшественники – Котляревский и Гоголь. Кстати, Максим Рыльский как-то сказал, что из всех украинских казаков народу лучше всего известны гоголевский Тарас Бульба и Остап Вишня.

Жена Варвара Алексеевна подарила Павлу Михайловичу двух детей – Марию и Вячеслава. В культурной жизни Первой столицы Остап Вишня стал одной из центральных фигур. Он дружил с людьми, определявшими лицо расцветшего в 20-е годы украинского искусства, – Амвросием Бучмой, Максимом Рыльским, Юрием Смоличем, Николаем Хвылевым, Александром Довженко и многими, многими другими. Часто бывал в других городах Украины,

однажды с друзьями-писателями переплыл Днепровские пороги возле Запорожья. На квартире юмориста сначала на Сумской, а потом в знаменитом доме «Слово» на улице Культуры¹⁵ собиралась вся харьковская богема. Устраивали посиделки, балагурили, конечно, шумно гуляли по центру города. И читали друг друга и друг другу, обменивались идеями, создавали самобытное явление – украинскую культуру первых лет советской власти.

Вишня никогда не был членом ни одной политической партии (ни во время Гражданской войны, ни потом – в коммунистическую эпоху). Зато он был членом литературных групп «Пролітфронт» и «Літературний ярмарок», помогал Блакитному организовывать «Гарт» и «Плуг», входил в состав Оргкомитета Союза писателей Украины. От почитателей творчества приходило множество благодарственных писем, телеграмм, в гости напрашивались «ходоки». И многие из них просили помощи, заступничества. Остап Вишня никому не отказывал, пользуясь своим влиянием, заходил в самые высокие кабинеты, добивался внимания к проблемам обратившихся к нему людей, в том числе и новыми фельетонами. Однажды председатель ВУЦИК Петровский пошутил: «Кто у нас, собственно, всеукраинский староста – Петровский или Вишня?».

Главным увлечением писателя была охота (кто же не знает просто уморительных, искрометных «Мисливських усмішок» Остапа Вишни!). На нее он ходил со своими друзьями, но любил и просто побродить, полюбоваться природой. Рассказывают, что после выходных Остап Вишня в болотных сапогах с ружьем за плечами шел по Благовещенскому базару, покупал дичь и с ней гордо появлялся на работе. Вообще, о Вишне существует масса анекдотов. Профессиональный юморист в жизни тоже был исключительно остроумным человеком, любил розыгрыши, постоянно травил какие-то байки – не то действительно о реальных событиях, не то – только что выдуманные.

В начале 30-х годов разворачивается волна репрессий против представителей украинской культуры. Погибает нарком Скрыпник, арестовывают Рьльского. В это страшное для будущего главного украинского советского поэта время его друг Губенко первым делом поехал в Киев поддержать семью опального поэта, потом писал письма с требованием пересмотреть дело Рьльского. Когда последнего выпустили, Остап Вишня предложил ему на время свою квартиру. Самоубийство же Хвылевого до глубины души потрясло писателя. Несколько дней он метался по своей квартире в «Слове». Прохожие поднимали голову, соседи боялись, что известный юморист сошел с ума.

25 декабря 1933 года был арестован и сам Вишня. Личное распоряжение дал сам глава республиканского ГПУ палач Балицкий. Новый год писатель провел под стражей. 3 января 1934 г. он признался в том, что осуществлял контрреволюционную работу на литературном фронте. Более того, что участвовал в организации покушения на Постышева. Существует рассказ о том, как следователь спросил, признает ли Вишня свое участие в подготовке убийства партийного деятеля в театре, на что писатель ответил: «Нет! Я люблю охоту и предпочитаю убивать вождей на свежем воздухе!» 23 февраля 1934 года Остап Вишня был приговорен к расстрелу, но вскоре высшая мера была заменена десятью годами исправительных лагерей.

Писатель был отправлен в Воркуту, а уже оттуда пешим этапом в Ухту на Печоре в Коми АССР. По дороге Вишня едва остался жив, перенес «на ногах» тяжелое воспаление легких. Вот что рассказывают о его положении в лагере: *«Маленький, щуплый, болезненный, с большими залысинами на седеющей голове и с большими живыми глазами, он в лагере был весьма одинок, несмотря на природное чувство юмора и писательскую общительность. Во всем лагере было два-три человека, с которыми Губенко был откровенен. В минуты такой откровенности он говорил: «Единственное, что меня радует и утешает в моем несчастье, –*

¹⁵ Дом построен кооперативом «Слово», членами которого были писатели, художники, театральные деятели. Главой кооператива был избран Остап Вишня, проявивший в деле добывания средств и материалов большую находчивость.

это то, что мне никогда больше не надо будет лгать...» Пришлось ему здесь вспомнить о своей первой специальности, работать в медицинском пункте.

Многие люди, осужденные на долгие сроки в концлагерях, не дожидались освобождения. Многим срок произвольно увеличивали, не спешили отпускать на волю. Но с Вишней вышло иначе. Шел 1943 год, предстояло освобождение Украины и, по одной из версий, сталинское руководство предложило Александру Довженко и Николаю Бажану составить список украинских деятелей культуры, которых можно было бы освободить из мест заключения, чтобы они продолжили работу на идеологическом фронте, пропагандировали возвращающуюся в Украину советскую власть среди местного населения. Война вообще заставила власти временно пересмотреть свое отношение к национальной политике. Вспомнили о русском национальном характере, а трудности, возникшие в первую очередь в Западной Украине, требовали и заигрывания с украинским народом. В списке, составленном Довженко и Рыльским, Вишня значился под номером один. Писателя вызвал к себе начальник лагеря, пристыдил, что в такое трудное для страны время он не сражается, а сидит, и приказал собирать вещи. Писатель вышел на свободу 8 октября.

Есть и другие подробности освобождения. В одном канадском журнале для представителей украинской диаспоры опубликовали фотографию Вишни. Авторы статьи критиковали сторонников сотрудничества с СССР, говорили о том, как сталинский режим обходится с талантливыми украинцами. Советское руководство сделало ответный пропагандистский шаг. Вишню освободили, привезли в Киев, устроили в журнал «Перець» (в нем писатель публиковался до конца жизни), помыли, одели, подкормили, и вскоре вышел журнал с фотографией довольного юмориста, в котором он сам насмеялся над теми, кто говорил о его «выдуманных» страданиях.

Долгих десять лет Остап Вишня провел в лагере. Однажды, в 50-х, он, глядя на ночное небо, сказал сестре: «Звезду своей судьбы я всегда видел через решетку».

Появились новые фельетоны. (Например, мгновенно ставшая популярной «Зенітка».) После войны он издал еще ряд книг: «Самостійна дірка» (1945), «Зенітка» (1947), «Весна-красна» (1949), «Вишневі усмішки» (1950), «Мудрість колгоспна» (1952), «Великі ростіть» (1955), «Твори» в 2-х томах (1956). Продолжали издавать книги Вишни и после его смерти, в том числе собрание сочинений в семи томах. Каждый год после войны писатель приезжал в Харьков, где останавливался у сестры Марии. 25 октября 1955 года военный трибунал Киевского военного округа отменил постановление Коллегии ОГПУ, и дело Вишни прекратил из-за отсутствия состава преступления. А через год – 28 сентября 1956 года Остап Вишня умер. На его похоронах хор исполнял песню «Козака несуть...»

В Украине учреждена премия имени Остапа Вишни для писателей сатириков и юмористов. В Харькове на доме по улице Сумской, где жил писатель, висит мемориальная доска.

В последние годы своей жизни Павел Губенко вел дневник. В нем он написал: «Просто не любив я печальних лиць, бо любив сміятися. Не переносив я людського горя. Давило воно мене, плакати хотілося... Я народний слуга! Лакей? Ні, не пресмикався! Вождь? Та Боже борони!.. Пошли мені, доле, сили, уміння, талану, чого хочеш, тільки щоб я хоч що-небудь зробив таке, щоб народ мій у своїм титанічнім труді, у своїх печалях, горестях, роздумах, ваганнях, щоб народ усміхнувся!.. щоб хоч одна зморшка його трудового, задумливого лица, щоб хоч одна зморшка ота розгладилася!»

Воробьев Владимир Петрович

(род. в 1876 г. – ум. в 1937 г.)

Выдающийся анатом, создатель анатомического музея, руководил работами по бальзамированию Ленина.

Сколько копий было сломано вокруг вопроса о необходимости предать земле тело Ленина! Говорят о христианских ценностях, еще и еще раз подчеркивают все негативное, связанное с деятельностью «великого вождя». Для нас же, харьковчан, мавзолеем Ленина – это памятник не только ему самому, это памятник выдающемуся ученому-анатому Владимиру Петровичу Воробьеву. До него никто и нигде ничего подобного не делал.

Бальзамирование Ленина было не просто научным экспериментом для Владимира Воробьева. На кону стояла его жизнь, ведь предложение заняться сохранением тела покойного лидера страны исходило от незабвенного Феликса Дзержинского. Не зря харьковский анатом ответил Борису Збарскому, сообщившему ему, что решение принято и «пути назад нет»: «Себя и меня погубишь...» Вопросы сохранения, консервации отдельных частей тела человека анатом поставил перед собой задолго до смерти Ленина. Препараты из рук, сердец, мозгов и т. п. Владимир Петрович изготавливал чуть ли не со школьной скамьи. Сохранение же человеческого тела целиком было сверхзадачей, но вряд ли Владимир Воробьев всерьез предполагал, что задача эта будет решена в такой момент и таким образом.

Владимир Петрович родился в состоятельной семье оптового торговца зерном в Одессе 14 (26) июля 1876 года. В семье Петра Воробьева было еще шесть девочек – так что Володя был, наверное, любимым ребенком. Получив традиционное домашнее воспитание, Владимир поступил в знаменитую ришельевскую гимназию, обучение в которой, правда, вспоминал с горечью. Ведь естественные науки в гимназии преподавались крайне слабо. Занятия греческим и уроки Закона Божьего тяготили будущего медика, а вот латынью и рисованием он занимался охотно. Владимир часто пропускал занятия в гимназии, зато дома с упоением читал не включенных в программу Пушкина, Толстого, Тургенева; общение с мужем одной из сестер, Раше-

евым, сблизило его с прогрессивно настроенной болгарской диаспорой. Большое влияние на мальчика оказал и дядя-врач. С его подачи Владимир стал посещать Одесскую больничную прозекутуру. Еще в гимназические годы он впервые притащил домой ампутированную человеческую ногу, которую выпросил для препарирования.

Таким образом, профессиональные устремления Владимира Петровича определились еще в самом юном возрасте. При Новороссийском университете тогда медицинского отделения не было, и поэтому Воробьев по совету дяди в 1897 году отправляется в Харьковский университет. Там с первого же курса он зарекомендовал себя как прилежный, влюбленный в медицину студент. В отличие от многих сверстников он не испугался работы с трупами, наоборот, именно это увлекло его. Молодой медик подолгу сидел за книгами, работал в небольшом анатомическом музее, сам готовил препараты. К тому времени в Харькове уже существовала хорошая традиция преподавания анатомии, была создана особая школа изготовления муляжей и препаратов¹⁶. Значительное место в работе кафедры уделялось и вопросам консервации трупов.

На Воробьева непосредственно большое влияние оказал Алексей Белоусов, анатом, известный не только в Харькове, но и за границей. Уже на втором курсе Владимир Петрович настоял на том, чтобы его допустили до научной работы кафедры анатомии. Воробьев попросил Белоусова, чтобы тот дал ему задачу для самостоятельной работы. Алексей Константинович, хоть и видел в ученике большие способности, поначалу скептически отнесся к возможностям того в столь юном возрасте работать над серьезными научными проблемами, поэтому дал задачу описательного характера. Но Владимир Петрович не смирился, потребовал усложнения и добился своего. К концу года Владимир Воробьев закончил работу о сосудах и нервах сухожилий стопы. Работа эта поразила маститых докторов тщательностью проработки новой для медицины того времени темой, зрелостью размышлений, оригинальностью поставленных опытов. Так Воробьев уже очертил круг своих приоритетных интересов – иннервация внутренних органов.

Не меньший успех ожидал и следующие научные работы студента Воробьева. На старших курсах он одновременно написал сразу два труда. Один – о сравнительной анатомии ворот печени, другой – о вывихах костей запястья. Обе работы были удостоены золотых медалей, за работу о воротах печени Воробьев был удостоен премии им. Алексеенко, труды были опубликованы. Кстати, отношение Владимира Петровича к публикациям – это особая тема. Харьковский анатом никогда не спешил печатать свои работы и создал свою теорию «отдыха» от публикаций. Этот «отдых» не помешал ему за свою жизнь опубликовать около 300 научных работ.

С первых же дней обучения в университете проявились не только выдающиеся способности Воробьева как ученого – работоспособность, уникальная память, творческое мышление, но и его левые настроения, принесшие его карьере немало вреда. В первый же год своей учебы Владимир был вовлечен в студенческое движение, участвовал во всех забастовках и собраниях. В 1905 году он возглавлял профессиональный союз младших университетских служащих, лечил раненых на баррикадах студентов, предоставлял помещение для подпольных собраний. В Харьковском медицинском обществе инициировал составление самых смелых резолюций. Среди его сотрудников и учеников всегда было немало участников восстаний, авторов прокламаций. Немудрено, что еще до революции 1905 года Воробьев попал в «черный список» органов надзора.

По окончании университета (в 1903 году он получил диплом лекаря с отличием) Воробьев был оставлен на кафедре анатомии. Еще на старших курсах он был назначен препаратором кафедры. С декабря 1903 года работал помощником прозектора. Все знали, что никто лучше

¹⁶ Профессор М. Фабрикант вспоминал, что в 1900 году он проходил курс топографической анатомии в Вене у Делароза. Когда последний узнал, что Фабрикант из Харькова, то страшно удивился и спросил, зачем же было из столь развитого центра анатомии ехать в Австрию.

молодого сотрудника не может приготовить препараты, своими руками анатом изготовил множество новых макетов, нарисовал сотни плакатов. В 1904 году Владимир Петрович был избран действительным членом Харьковского медицинского общества и первым в университете был представлен к престижной премии Грубера. С этого же года Воробьев наряду с работой на кафедре нормальной анатомии в университете начал читать курс общей анатомии в университетской акушерской школе, а в 1905?1906 годах – в фельдшерской школе при Харьковской губернской земской больнице.

В 1906 году после возобновления нормальной работы университета Воробьев был назначен прозектором. Тогда он жил в комнате при анатомическом театре, на нем лежала огромная нагрузка в связи со все увеличивающимся количеством студентов. Два прозектора готовили научные материалы, препараты к лекциям и практическим занятиям, пополняли учебный музей. При этом Владимир Петрович вел и самостоятельный курс препарирования. Произошли перемены и в личной жизни прозектора. Вопреки желанию родственников с обеих сторон он обвенчался с секретарем деканата медицинского факультета Александрой Владимировной Кривцовой. С тещей отношения сразу не заладились, и молодые сняли квартиру в доме на улице Мироносицкой. Летом вместе с супругой Владимир Воробьев отправился в первую свою заграничную командировку.

Харьковский ученый посетил Австрию и Италию. Более всего его интересовало музейное дело. Музей при медицинском факультете в Харькове Воробьева совершенно не устраивал. Он напоминал молодому доктору кунсткамеру – там было немало диковинок, но они не были систематизированы, многие части человеческого тела не были представлены. В Италии Воробьев с увлечением изучал живопись и скульптуру, в первую очередь – творения обратившихся к теме красоты человеческого тела Микеланджело и Леонардо. В Италии чета Воробьевых подружилась с известным художником Борисом Кустодиевым. Вообще Владимир Петрович не был чужд искусству. Он играл на рояле, обожал оперу, часто во время работы напевал любимые арии. Обладая блестящей памятью, медик любил декламировать стихи русских поэтов. (Студентов же Воробьев поражал тем, что мог не только дословно процитировать высказывания по тому или иному поводу разных ученых, но и привести номер страницы в книге, откуда взята цитата.) Владимир Петрович уже в конце жизни в одной анкете писал, что владеет тремя иностранными языками – французским, немецким и болгарским. Он указал только те языки, которыми владел в совершенстве. Друзьям же жаловался на то, что «недостаточно» знает английский, польский, сербский и чешский языки: «Читаю без словаря, все понимаю, но говорю – слабо...»

В конце 1907 года Владимир Воробьев завершил пятилетнюю работу над планом создания учебного анатомического музея Харьковского университета. К тому времени подобных заведений в Российской империи было три, и четвертым стал музей Воробьева. Харьковский подвижник не только тщательно подобрал и расставил экспонаты в необходимом для усвоения учебной программы порядке, но и разработал ряд новых методов для сохранения препаратов, их цвета и формы. Техника обезжиривания, отбеливания и просветления костей, наиболее выигрышная с учебной точки зрения их распиловка; окраска, маркировка и крепление, обработка связок и мышц, наливка сосудистой системы – все это нашло отражение в труде молодого педагога «К вопросу об устройстве анатомических учебных музеев», ставшее бесценным пособием для анатомов России и мира.

Алексей Константинович Белоусов уже давно видел талантливого ученика своим преемником в качестве руководителя кафедры. В марте 1908 года тяжело больной ученый в письме министру доказывал, что лучшим кандидатом на его место является Воробьев. В мае Алексей Константинович умер. В том же мае Воробьев защищал докторскую диссертацию на тему «Иннервация сухожилий у человека». Защита прошла с успехом. Воробьев впервые применил свой метод «просвечивания» препаратов электрическим светом, что позволило ему видеть

все нервы сухожилия. Кроме докторской, в 1908?1909 годах у Воробьева вышли в свет и другие работы: «О поперечных перешнуровках желчного пузыря», «О веществах и аппаратах для обезжиривания костей», уже упоминавшийся труд об устройстве учебных музеев.

Но в сентябре 1908 года заведующим кафедрой был назначен гистолог реакционер Кульчицкий. Воробьеву же поручили читать ответственный курс нормальной анатомии. В том же году у Воробьевых родилась дочь Ирина. (Сын Юрий появился на свет через два года.) Владимир Петрович начал читать курс нормальной анатомии на частных Высших женских медицинских курсах, общую и специальную анатомию зубов в зубоврачебной школе Кривопускова. Тем временем в полицейских рапортах продолжала упоминаться его фамилия как постоянного участника сомнительных собраний и антиправительственных банкетов. В досье Владимира Петровича было написано: «Иметь в виду по поводу его кандидатуры в Харькове».

В мае 1909 года харьковский медик опять предпринял заграничную командировку, посетил знаменитого немецкого анатома Леопольда Штиду. Известна история о том, как, ожидая в кабинете своего именитого коллегу, Воробьев, чтобы убить время, отпрепарировал полукружные каналы на височных костях, лежавших на столе профессора. Работа эта требует немало времени и большого искусства, и Штида был так восхищен, что изменил тему пары и после перерыва рассказал немецким студентам о полукружных каналах, показал препараты и представил ученикам русского анатома. У Штиды Воробьев занимался исследованием нервов желудка. Владимир Петрович открыл особое нервное сплетение, лежащее под серозной оболочкой желудка собаки.

Но анатом с мировым именем никак не мог получить признания вышестоящего начальства. Заведовать кафедрой нормальной анатомии в Харькове был назначен проработавший пятнадцать лет тюремным врачом в Таганроге Зоммер. Воробьев впоследствии рассказывал, что не мог без смеха смотреть на то, как его начальник делает разрез. Владимир Петрович утверждал, что Зоммер требовал от студентов лишь знания описательной номенклатуры, запретив задавать вопросы, «каким путем и в силу каких причин». Сам же Воробьев к тому времени вполне утвердился во мнении, что именно выяснение причинных связей, функционального назначения органов в связи с их формой, изучение организма в целом является главной задачей анатома. Крупный ученый не мог быть удовлетворен ролью средневекового книжника, знающего миллион названий и не желающего понимать, почему все именно так, а не иначе.

В 1910 году Воробьев был приглашен для чтения лекций по анатомии в женском медицинском институте Харьковского медицинского общества. В следующем году он подал документы на конкурс на замещение должности профессора кафедры анатомии в Юрьевском университете. Баллотировка закончилась убедительной победой харьковского медика, которого сторонники его кандидатуры считали безусловно наиболее даровитым из всех кандидатов. Но Министерство просвещения не утвердило результатов конкурса и назначило профессором местного, юрьевского доктора, против которого проголосовали его же коллеги по университету. В 1913 году при еще более загадочных обстоятельствах, возмутивших многих докторов по всей России, Воробьев не получил аналогичной должности в Варшаве. Возможно, решающую роль сыграло письмо бывшего завкафедрой анатомии Харьковского университета Кульчицкого, в котором он, вроде бы хваля своего бывшего подчиненного, отмечал вскользь его *«преувеличенное о себе понятие и порядочный запас дерзости к себе равным при несомненной почтительности к старшим»*. Кроме того, Кульчицкий писал, что Воробьев, конечно, *«прекрасный анатом, чрезвычайно умелый техник... со студентами требователен, как преподаватель исполнителен и усерден. Немножко интриган. У него были грехи в прошлом. Он принадлежал к освободителям в 1905 году, но давно с этим покончил, так как никаких политических убеждений не имеет, хотя и говорит об них когда-нибудь»*.

Свое право на некоторую исключительность Владимир Петрович доказывал не только в прениях, но и неустанной кропотливой работой в препараторской, анатомическом музее, в библиотеке... Однако напряженная работа на «нескольких фронтах» была явно неадекватна финансовой отдаче. Возможно, это было одной из причин ухудшения отношений с женой. Впрочем, главным стало другое трагическое событие. Летом 1914 года семья Воробьевых отдыхала на даче в Кочетке (сейчас Зачепиловский район Харьковской области). Весть о начале войны заставила Владимира Петровича срочно отбыть в Харьков. После его отъезда неожиданно заболел Юрий. Александре Владимировне не удалось вовремя найти квалифицированного врача, и сын умер. Владимира Петровича рядом не оказалось, он вообще ничего не знал ни о болезни, ни о кончине ребенка. Жена, охваченная горем и обидой на мужа, собрала вещи, взяла с собой дочь и уехала к родственникам в Москву. Воробьев узнал обо всем с большим опозданием, и вернуть жену ему уже не удалось.

Во время войны Воробьев возглавлял санитарный отряд студентов. В 1916 году, наконец-то, ему было присвоено профессорское звание в женском медицинском институте «без прав по государственной службе и без пенсии», а в марте 1917 года революция вручила Воробьеву ту должность, которую он заслужил давным-давно, – заведующего кафедрой нормальной анатомии на медицинском факультете университета. Лекции профессора всегда вызывали огромный интерес, он читал их, не заглядывая в бумаги, постоянно вводил в курс новейшие данные науки, использовал большое количество лично изготовленных наглядных пособий, на экзаменах был требователен, но справедлив. Несколько раз студенты преподносили ему букеты со вложенными записками «За печень», «За сердце» и т. д.

Обеспечивать непрерывность научного и образовательного процесса, в то время как город переходил из рук в руки, было очень тяжело. Пришлось приспособливаться к новым условиям. Так, например, Воробьев с коллегами основали Артель врачей и художников-специалистов, производившую муляжи органов человеческого тела для Главного военно-санитарного управления Временного рабоче-крестьянского правительства Украины. Макеты предназначались для пропаганды здорового образа жизни и ликвидации безграмотности населения в области знаний о человеке. Естественно, это было способом заработать какие-то деньги. Но все-таки профессор не смог справиться со всеми сложностями войны. Судя по всему, Воробьеву надоели постоянные вооруженные столкновения, террор со всех сторон, угрозы расправы reactionеров во времена правления Деникина... Владимир Петрович в декабре 1919 года поехал к родным в Одессу, а через месяц эмигрировал с семьей Рашеевых в Болгарию. В Софийском университете медицинский факультет открылся лишь за два года до прибытия харьковского ученого, и в становлении высшей медицинской школы Болгарии огромную роль сыграли как раз эмигранты из России.

Одним из предметов, который на факультете некому было преподавать, была нормальная анатомия. Какова же была радость деканата, когда там узнали, что в столицу Болгарии прибыл ученый с мировым именем – харьковский профессор Воробьев. 20 марта 1920 года Владимир Петрович уже приступил к чтению соответствующего курса. За те полтора года, которые Воробьев пробыл в Софии, он создал кафедру анатомии, анатомический музей, воспитал приемников. Сейчас кафедра нормальной анатомии в Софийском университете носит его имя. Но чем дальше, тем больше скучал профессор по Харькову. Ученики писали ему, что работа на медицинском факультете продолжается. Не сразу Владимир Петрович решился вернуться. Пишут, что беспокоило то, как его встретит ЧК. Воробьев участвовал в экспертизе трупов расстрелянных красными белых офицеров, проводившейся администрацией Деникина. Но осенью 1921 года анатом все же отбыл на родину.

К моменту его возвращения медицинский факультет выделился из университета, объединился с женским медицинским институтом и в 1921 году получил наименование Харьковского медицинского института. В 1922 году кафедру нормальной анатомии в нем возглавил Влади-

мир Петрович. А в 1924 году умер Владимир Ильич Ленин и поступило предложение сохранить его тело для потомков. Поначалу тело вождя хотели заморозить, но доктор Борис Збарский предложил использовать другой метод – бальзамирование. По его мнению, единственным человеком, который мог это осуществить, был работавший в Харькове Владимир Петрович Воробьев. По сути, автором метода, с помощью которого и бальзамировали Ленина, был Мельников-Разведенков, который еще в 1895 году предложил для приготовления анатомических препаратов использовать три раствора, составными частями которых являлись формалин, соли разных кислот (в первую очередь, уксусной), винный спирт, глицерин и обычная вода. Воробьев же много работал над восстановлением высыхающих тканей, разработал метод их оживления с помощью воды, раствора уксусной кислоты и перекиси водорода. Подойдя вплотную к вопросу сохранения трупа целиком, Владимир Петрович предлагал все без исключения ткани (мышцы, кожа, жир), трубчатые кости и позвоночник обрабатывать консервирующими веществами, каждая клетка должна была пропитаться глицерином и уксусным калием – невысыхающими, притягивающими влагу из воздуха веществами. В бальзамируемое тело через сосудистую систему следовало вводить до полного насыщения спирт, формалин, глицерин, в которых растворены уксусные соли, иногда и полностью погружая труп в смесь этих веществ.

25 марта Воробьев приехал в Москву и уже на следующий день приступил к работе. Время работало против докторов, поскольку тело уже начало покрываться пятнами, открылись глаза и рот, началось гниение. С 26 марта склеп был закрыт для посещения, и все участники проекта практически поселились в его глубинном помещении, где температура редко поднималась выше 0°. Воробьев и Збарский полумертвыми приходили для нескольких часов сна в гостиницу, и в конце концов Дзержинский взял с них слово, что они будут сменять друг друга. Работа была сделана за четыре месяца. Совершенно очевидно, что для своего времени достижение Воробьева и его коллег было уникальным. Владимир Петрович был удостоен единственного в своем роде звания Заслуженного профессора, а также награжден 40 тысячами червонцев. В 1927-м он получил премию имени Ленина, в 1934-м (вместе со Збарским) – орден Ленина, в 1935-м он был избран членом Украинской Академии наук и даже членом ЦИК Украины.

Воробьеву стало гораздо легче осуществлять самые различные свои проекты, печататься, открывать новые учреждения. Так, при его непосредственном участии был открыт Институт экспериментальной медицины им. Мечникова. При кафедре Воробьев создал музей становления человека. С 1932 года довольно продолжительное время профессор работал в Берлине. Важнейшей же работой последнего десятилетия жизни анатома стало создание «Атласа анатомии человека» – издание, важность и полезность которого трудно переоценить.

Последние годы Воробьев прожил вместе со своей давней и хорошей знакомой Марией Григорьевной Браунштейн. Он лично принял участие в устройстве научной карьеры ее сыновей, оба стали видными учеными. Переехала к отцу в Харьков и дочь Ирина с внуком Александром. Смерть Владимира Петровича, знатока всех нюансов строения человеческого организма, иначе как нелепой и не назовешь. В 1937 году он часто чувствовал некоторое недомогание. Сам настоял на операции. 31 октября во время операции, когда Воробьев был под наркозом, врачи удалили ему почку, оказавшуюся единственной.

В Харькове в анатомическом музее находится восковая фигура профессора, организован небольшой музей с его личными вещами и наградами. Прах выдающегося анатома до недавнего времени хранился на кафедре, а сравнительно недавно захоронен на 13 кладбище.

Именем Воробьева названа улица и переулок. Мемориальная доска с его именем украшает фасад медицинского университета.

Гельферих Максимилиан Христианович

(род. в 1828 г. – ум. в 1901 г.)

Крупный предприниматель и благотворитель. Владелец завода по производству сельскохозяйственных машин и орудий (сейчас «Серп и молот»)

О том, что Гельферих – это не просто половина названия одного харьковского предприятия, на котором бастовали рабочие, а фамилия купца, живого человека по имени Максимилиан, жители Первой столицы узнали, по большому счету, совсем недавно. Более того, многие и не узнали вовсе. Не повезло Максимилиану Гельфериху. До революции его деятельность освещалась даже в таком солидном издании, как «История Харькова» Багалея и Миллера, как сплошная благотворительность. После революции советских летописцев интересовали только рабочие его завода и их борьба за экономические и политические права. Владелец предприятия оказывался по другую сторону баррикад, а следовательно, героем отрицательным и вообще абстрактным. В результате, что же мы знаем об этом человеке? Очень немного.

Максимилиан Гельферих родился в городе Рейтлинген в 1828 году. Городок этот находился на территории королевства Вюртемберг (сейчас земля Баден-Вюртемберг). Отца его звали Христианом, поэтому по приезде в Россию Максимилиан и стал Христиановичем. Что именно вынудило подданного Вюртембергского королевства перебраться в Россию, да еще и в Харьков, неизвестно. Возможно, необходимость поправить свое материальное положение, ибо, по имеющимся данным, в Харьков Гельферих прибыл в 1851 году практически без средств к существованию. В то время в городе уже проживала немногочисленная немецкая община. Первых немцев сюда завез, по всей видимости, Василий Назарович Каразин. Это были ремесленники, которых наняли для обустройства университета. Немцы поселились в нагорной части города, в районе нынешней улицы Пушкинской, которая с тех пор и до конца XIX века носила название Немецкой. За Мироносицким кладбищем (которое находилось на месте нынешнего

сквера Победы) появилось и лютеранское кладбище, на нынешней площади Поэзии стояла кирха.

Немцы Харькова отличались, как и везде, большим трудолюбием, умением экономно вести хозяйство, стремлением к образованию. Кроме того, зажиточные, авторитетные выходцы из Германии никогда не чуждались своих соотечественников – сапожников или столяров. Община жила очень дружно, широко была развита взаимопомощь. Возможно, именно это помогло молодому Максимилиану обустроиться на новом месте, и впоследствии он не забывал поддерживать харьковских немцев.

В середине позапрошлого века в России появлялись лишь первые ростки капиталистических отношений. Кое-какие изменения затронули и сельское хозяйство. В Харькове, к примеру, еще с начала XIX века действовало фило-техническое общество, которое должно было помочь помещикам перейти к передовым формам и технологиям ведения хозяйства, помочь с выбором сортов, техники для обработки земли. В 50-х годах самые проникательные представители верхов общества уже видели, что отмена крепостного права становится неизбежной, что это приведет к ускорению развития капиталистических отношений на селе. Все большим спросом пользуются новые сельскохозяйственные орудия, хотя фантастически разбогатеть на этом деле, вероятно, еще нельзя. Максимилиан Христианович решает заняться именно продажей плугов, сеялок и т. п. иностранного производства. Его торговое заведение открылось в 1853 году. Это было довольно скромное агентство немецкой торговой фирмы «Белино Фендрих». Сам Гельферих производством не занимался.

Положение резко изменилось после провозглашения знаменитого Манифеста 1861 года, а точнее, через несколько лет после него – когда помещики и зажиточные крестьяне осознали, что произошло и какие перед ними открываются перспективы. Спрос на технику подскочил в несколько раз. В 1869 году (а это, кстати, и год, когда Харьков стал железнодорожным городом) Максимилиан Христианович открывает уже собственное заведение по продаже сельскохозяйственных машин заграничных фирм, заключая с этими фирмами соответствующие договоры. Так харьковский купец стал, как сейчас принято говорить, эксклюзивным представителем на Слобожанщине таких заграничных контор, как «Клейтон и Шуттльворт» из Англии, «Сакк и Экперт» из Германии, «Джонстон и Гарвейст» из США. В Харькове находился главный склад заведения, а во многих городах Юга России появились его отделения. Доходы Гельфериха быстро росли. Он стал уважаемым человеком, купцом 2-й гильдии. В 1868 году он взял в жены внучку состоятельного владельца галантерейной фирмы «М. Саде» Жозефину.

В 1875 году на Конной площади (сейчас площадь Восстания) Гельферих построил для склада двухэтажное кирпичное помещение, а через три года при складе появилась мастерская по производству кузнечных и слесарных работ. В 1880 году здесь же строятся чугунолитейные мастерские «для справления готовых изделий, получаемых из-за границы». После установки здесь паровой машины строительство было прервано. И не потому, что хозяин испытывал финансовые затруднения. Наоборот, рыночная конъюнктура и возможности Гельфериха позволяли расширить производство. В апреле 1881 года Максимилиан Христианович представил городским властям новый проект, предусматривающий строительство уже не мастерских, а чугунолитейного завода, что включало в себя: сооружение чугунолитейного цеха, вагранки, меднолитейной печи, сушильной камеры и подсобных помещений. Еще через год новый завод уже выпускал готовую продукцию: веялки, культиваторы, сенные прессы и пр. Производство непрерывно расширялось. Если в 1882 году на заводе работало 60 человек, то в 1885 году их было уже 107. В конце 80-х годов торгово-промышленное заведение купца Саде присоединилось к заводу Гельфериха. Так в руках семьи Гельферих-Саде концентрируется производство сельскохозяйственных машин, появляется и знакомое название предприятия, будущего завода «Серп и молот». На базе этого торгово-промышленного заведения в 1895 году родственники и служащие Максимилиана Христиановича создают акционерное предприятие

«Товарищество Гельферих-Саде»¹⁷ с уставным капиталом в 1 250 000 рублей, производящее и продающее сельскохозяйственные машины и орудия собственного и заграничного производства: паровые и конные молотилки, плуги, сеялки, жатки, жатки-сноповязалки и т. д. и т. п. Большинство мастеров стали держателями акций, значительную же часть административного персонала составляли немцы и англичане. В 1899 году на заводе работало 436 человек, в год выпускалось продукции более чем на 600 тысяч рублей. «Гельферих-Саде», безусловно, был одним из лидеров металлообрабатывающей промышленности Юга России.

Как один из крупнейших предпринимателей региона, Максимилиан Христианович вошел в состав харьковской биржевой организации. В 1887–1891 годах в качестве ее представителя он входил в состав правительственной комиссии, разработавшей новый закон о таможенных тарифах на импортные товары. Регулярно Гельферих принимал участие и в организации и проведении сельскохозяйственных выставок. Первая такая выставка в России была проведена как раз в Харькове в 1887 году.

Трудно сказать, насколько честным, особенно по отношению к рабочим, хозяином был Максимилиан Христианович Гельферих. Рабочее движение в России только развивалось, не имело таких традиций, как на Западе. Естественно, рабочий день долгое время доходил до 14 часов в сутки, на предприятии работали подростки, фельдшер был один на весь завод, всерьез говорить о мероприятиях, направленных на соблюдение санитарных норм, тоже не приходилось. В то же время, судя по всему, «Гельферих-Саде» вовсе не был худшим в Харькове предприятием в смысле положения на нем трудящихся. В первых забастовках рабочих города в 90-е годы XIX века представители предприятия Гельфериха не участвовали. Зато в знаменитой харьковской маевке 1900 года приняли участие рабочие практически всех крупных заводов, в том числе и «Гельферих-Саде». Волнения продолжались несколько дней, вмешалась полиция. Максимилиан Христианович не остался равнодушен к проблемам рабочих, но решать их пытался по-своему. В том же 1900 году около 120 мастеровых завода за долготелую службу на заводе получили от хозяев денежное вознаграждение в 1000 рублей – сумму по тем временам немаленькую. Судя по тому, как резко отзываются об этом мероприятии Гельфериха советские историки завода (мол, подачка оттолкнула от революционного движения ряд квалифицированных рабочих, которые своими речами стали подрывать высокий боевой дух своих неквалифицированных товарищей), эта мера оказалась довольно эффективной. Не меньшей порции желчи удостоилось в советской историографии и «Харьковское общество взаимного вспоможения занимающихся ремесленным трудом». Общество действовало в традиционном умеренном духе тредюнионизма, выдвигало экономические требования и помогало деньгами рабочим. (Незадолго до смерти Максимилиан Христианович учредил вспомогательный фонд для рабочих в размере 50 тысяч рублей. Фонд помогал нетрудоспособным рабочим, вдовам и сиротам.) Почетным членом общества состоял Гельферих. Естественно, члены этой организации также «пагубно влияли на пролетариат Харькова».

Уже после смерти первого директора завода, в 1903 году, «Товарищество Гельферих-Саде» приобрело машиностроительный завод Бельгийского общества по производству мельничных поставов, конных приводов и элеваторов для паровых молотилок¹⁸. В 1907 году именно в здание этого завода на Корсиковской улице переехал и «Гельферих-Саде». Здесь завод «Серп и молот» находится и до сих пор.

Максимилиан Христианович заслужил благодарность города как один из самых активных и щедрых благотворителей Харькова. Помощь от Гельфериха получали образовательные,

¹⁷ В источниках встречается и написание «Гельферих-Заде».

¹⁸ Этот завод был построен по Корсиковской улице, 13 (сейчас Московский проспект, 183) в 1896 году. Вот его-то рабочие были постоянными инициаторами и участниками всех харьковских «заварушек».

медицинские, культурные учреждения. Ниже мы приведем список лишь некоторых благих дел, на которые жертвовал значительные суммы харьковский предприниматель.

Десять тысяч рублей – лечебнице для хирургических больных Общины Красного Креста; шесть тысяч – Обществу попечения о больных детях Харькова и его окрестностей; пять тысяч и пятьдесят соток – Больнице для неизлечимых больных; постройка при Николаевской больнице для бедных¹⁹ дополнительного помещения на пятьдесят мест – для более состоятельных пациентов. Наконец, участок в конце Старомосковской улицы – лечебнице «Женская помощь», целью которой была помощь женщине во время ее болезни или материнства, предоставление беременным, роженицам и больным с гинекологическими проблемами доступного по цене помещения и лечения. При «Женской помощи» также проводилась практическая подготовка женщин-врачей и повивальных бабок. Во главе попечительского совета стоял сам Максимилиан Христианович. В 1901 году Гельферих дополнительно пожертвовал капитал в сто тысяч рублей на устройство этой больницы. Летом она уже начала строиться, и ее основатель, будучи тяжело больным, появлялся на стройке, лично вникал во все дела. Максимилиан Христианович строил эту лечебницу в память о горячо любимой жене, умершей в 1894 году в Сан-Ремо, но похороненной на католическом кладбище в Харькове. Однако больница в результате получила имя самого Максимилиана Гельфериха и носила его до революции. Сейчас здесь находится 2-й роддом. В 2003 году ему вернули имя Гельфериха, а на здании гинекологического отделения роддома была открыта мемориальная доска в память об основателе и спонсоре этой и нескольких других больниц Харькова.

Максимилиан Христианович был одним из самых активных участников всех начинаний евангелическо-лютеранской общины города, которая, по переписи 1897 года, насчитывала 2353 человек. Так, в 1884 году было учреждено Общество для оказания помощи и приискания труда нуждающимся немцам. Одним из основателей его был и Гельферих. По его завещанию Обществу было передано 5 тысяч рублей. Еще тысячу чуть раньше завещал Обществу брат Максимилиана Христиановича – Альберт. (Он тоже жил в Харькове, умер в 1899 году.)

В 1891 году Гельферих определил ежегодное пособие в 1200 рублей немецкой Вознесенской женской гимназии, по завещанию же предпринимателя этой гимназии было передано еще 18 тысяч рублей. Среди других вложений в образование следует назвать учреждение именных премий Гельфериха в Коммерческом училище и Технологическом институте, завещание 20 тысяч рублей Обществу грамотности для постройки школы имени Жозефины Гельферих-Саде. Максимилиан Христианович принимал участие и в культурной жизни города. К примеру, он был среди первого директорского состава основанного в 1871 году в Харькове отделения Русского музыкального общества.

Виднейший харьковский бизнесмен и меценат умер 11 августа 1901 года и был похоронен на лютеранском кладбище (сейчас это часть 2-го городского кладбища). До революции его имя носила нынешняя улица Ольминского, а называлась она Максимилиановской, поскольку на ней находился дом, где жила семья Гельферих.

¹⁹ Позже – 2-я совбольница на Московском проспекте в районе ХЭМЗа.

Гиршман Леонард Леопольдович

(род. в 1839 г. – ум. в 1921 г.)

Знаменитый окулист и филантроп.

«Спешите делать добро», – эти слова принадлежат знаменитому русскому врачу Федору Гаазу, бескорыстно служившему людям, помогавшему бедным и обездоленным. Адвокат Кони написал очерк о бесконечно добром докторе, а третье издание очерка он посвятил человеку, который, по его мнению, совершенно независимо от Гааза руководствовался теми же принципами. Для харьковского окулиста Леонарда Гиршмана клятва Гиппократа была не просто формальностью, а истинным жизненным кредо.

Леонард Леопольдович Гиршман родился в латвийском городе Тукумс 13 (25) марта 1839 года. В конце 40-х годов его семья переехала в Харьков, где Леонард окончил 1-ю гимназию с золотой медалью и поступил на медицинский факультет Харьковского университета (факультет выделился в отдельный институт значительно позже). Здесь Леонард Леопольдович также проявил незаурядные способности. Университет Гиршман окончил в 1860 году, после чего счел необходимым продолжить обучение за границей. Более всего молодого врача интересовала офтальмология. «Не увлечься офтальмологией, – писал Гиршман, – в то время было невозможно. Из маленького, запущенного отдела хирургии она развилась в самостоятельную науку, ставшую на высоту точных наук». За границей Леонард Леопольдович стажировался у известных европейских светил глазной медицины; работал в лабораториях Дюбуа-Раймона, Гельмгольца, Грефе, Иегера, Кнаппа, Пагенштехера; в Вене, Париже, Гейдельберге, Берлине. Статьи Гиршмана создали ему уже тогда определенное имя, и он получил приглашение на работу в Америке, но решил вернуться в Россию. В 1868 г. он защитил здесь докторскую диссертацию по материалам, собранным за границей, – «Материалы для физиологии цветоощущения». Гиршмана охотно берут в Харьковский университет преподавателем офтальмологии. В 1884 году он становится профессором. Леонард Леопольдович много работает над развитием

теории офтальмологии: пишет статьи о цветоощущении, эмбриологии сосудов сетчатки, лечении трахомы. В 1895 году на факультете организуется специально «под Гиршмана» кафедра глазных болезней.

Но гораздо более, нежели теория, Гиршмана интересовала практика. Он «спешит делать добро». По его инициативе при университете открывается глазная клиника, принимающая сотни и тысячи пациентов не только из Харькова. Через некоторое время Гиршмана уже открыто называют «первым окулистом Юга России». Леонард Леопольдович не ограничивается практикой в глазной клинике. В 1887 году по его же инициативе открывается училище для слепых детей.

До поры до времени Гиршман легко осуществляет большинство своих проектов. Врачебный талант, авторитет в разных слоях общества (Леонард Леопольдович не отказывал в лечении и самым бедным), имя в мировой науке – все это уже было у окулиста. Но немаловажно и то, что в материальном отношении у Леонарда Леопольдовича с детства не было особых проблем. По приезде в Харьков после заграничной стажировки он женился на совсем юной княгине Юлии Александровне Кудашевой (Леонард был старше супруги на 12 лет). Княжеский титул, а затем и профессорское звание, открыли перед Гиршманами двери самых разных кабинетов и домов. У четы родился в 1868 году сын Николай, в 1882 году – Александр. Интересно, что, если сам Гиршман придерживался лютеранской веры, то его дети вместе с матерью были прихожанами православной Крестовоздвиженской церкви в Харькове. Александр впоследствии женился на графине Марии Капнист.

В 1895 году город торжественно отмечал 35-летие деятельности почтенного окулиста. Студенты устроили факельное шествие, в торжествах приняло участие около 200 тысяч человек! Домой врача несли на руках. Вот что написали благодарные ученики в «Адресе» по поводу юбилея Гиршмана:

«Учитель, научи же и нас трудной науке среди людей остаться человеком, научи нас в больном видеть своего брата без различия религии и общественного положения, научи нас любить правду, пред ней одной преклоняться. Отдаваясь всей душой мгновенным порывом к добру, мы часто быстро падаем духом. Научи же нас, где черпать ту силу, чтобы до преклонных лет сохранить чистоту и свежесть идеалов, чтобы жизнь, пригибая наше тело к земле, не сгибала, не старила нашего духа. Учи же нас еще многие и многие годы, дорогой учитель, отдавать свои силы и помыслы служению больному брату, не извлекать выгоды из несчастья ближнего, не делать ремесла из священного призвания нашего».

В 1905 году в стране происходит революция. Студенты Харьковского университета не остаются в стороне, организуют выступление, в связи с которым некоторые из них отчисляются из университета. Леонард Гиршман в то время был председателем дисциплинарного суда. Исключение студентов было проведено без его ведома, с чем он никак не мог согласиться. Офтальмолог подает в отставку и лишается, таким образом, клинической базы. Гиршман был обижен на действия властей, собирался покинуть город. Но народу нужна была глазная клиника, городское руководство решило спасти выдающегося врача для Харькова. В 1908 году Харьковская городская дума ставит вопрос об открытии новой больницы, объявляется сбор пожертвований. В 1908 году Гиршману выделяют для клиники здание на 10 коек на Москалевке, оснащение и инструментарий были более чем скромными, но к популярному доктору шли и шли больные. Еще бы! Ведь гениальный врач, например, извлекал катаракту за одну-две минуты!

Через три года, в 1912 году, строят специальное здание в Нагорном районе. Уже тогда, при жизни доктора, больницу называли именем Гиршмана.

В новой клинике начался последний, но не менее напряженный, чем до этого, этап деятельности знаменитого окулиста. Трудолюбие и бескорытность Гиршмана были известны всему Харькову. Рабочий день Леонарда Леопольдовича начинался рано утром в клинике с

лекций и занятий со студентами, затем следовал амбулаторный прием, операции и обход стационарных больных – так до 3¼ часов дня. Запись на прием велась с 9 до 11 дня, но экстренные больные принимались в любое время. Гиршман никому не отказывал, он работал в клинике до последнего пациента: «Нет последнего часа работы, есть последний больной», – говорил ученикам и коллегам Леонард Леопольдович.

Однако приемом в клинике дело не ограничивалось. Пациенты ждали Гиршмана дома. И здесь он консультировал, осматривал, не ложился спать до полуночи и до часу ночи. Часто он не брал платы с неимущих больных, более того, сам ссужал деньгами. Люди просили у него советов не только по поводу глазных болезней, но и рассказывали ему о своих бытовых проблемах, просили помочь с устройством в университет, похлопотать за арестованных. К Леонарду Леопольдовичу ехали не только со всех концов Российской империи, но и из Италии, Индии, Персии. За свою жизнь харьковский окулист лично принял около миллиона человек. (Любопытно, что среди них была и знаменитая террористка Каплан, покушавшаяся на Ленина. С глазами у нее было очень плохо.)

Гиршман разработал свою методику работы с пациентом. Назначая лечение, он старался учитывать общую конституцию человека (рост, строение лица, даже походку), его состояние здоровья, расположенность к болезням, не связанным, казалось бы, с глазами. Слепых доктор учил делать массаж, давая им тем самым возможность заработать на хлеб. Вообще, Леонарда Леопольдовича очень волновала социальная сторона медицины. В 1900 году он опубликовал работу «Трахрома – народная болезнь», в которой говорил о глазном недуге как о социальном бедствии, необходимости комплексно бороться с болезнями для оздоровления общества не только в буквальном смысле. Отвечая на похвалу в свой адрес, Гиршман как-то заметил: «Единственная моя заслуга в том, что я приучил наш народ лечиться у врачей».

Послереволюционная биография Гиршмана напоминает булгаковскую историю о профессоре Преображенском. Престарелого врача, потомственного дворянина и действительного статского советника не тронули. Более того, по настоянию министра просвещения чекисты отказались от мысли забрать просторный дом Гиршмана. (Кстати, сравнительно недавно в этом доме произошел пожар, и жильцы его покинули.) советская власть назначила Леонарду Леопольдовичу именную пенсию. 21 января 1921 года девяностодвухлетний окулист скончался. Советские газеты поместили некрологи, в которых, в частности, отмечалось, что Гиршман был человек, «никого не обидевший и никогда не солгавший».

Дело Леонарда Леопольдовича продолжали его ученики, ведь он создал целую школу офтальмологии. (Кстати, одним из его учеников был Павел Барабашов – отец выдающегося астронома, также героя этой книги.) Потомки знаменитого харьковчанина живут в Париже.

Его внук – довольно известный в научных кругах археолог, академик. Правнучка Гиршмана в 1991 году посетила Харьков.

В Харькове именем Гиршмана названа улица, глазная больница и НИИ глазных болезней.

Антон Павлович Чехов написал о Гиршмане: «Святой человек». Действительно, для того чтобы стать святым, не обязательно быть мучеником. Достаточно посвятить свою жизнь людям. Не каждому это по плечу.

Гмыря Борис Романович

(род. в 1903 г. – ум. в 1969 г.)

*Лучший бас Украины.
Всемирно известный певец.
Народный артист СССР.*

В 2003 году исполнилось бы сто лет выдающемуся украинскому певцу, басу-кантанте Борису Романовичу Гмыре. Люди, которые занимаются сохранением и пропагандой творческого наследия Гмыри, были недовольны недостаточным, по их мнению, интересом властей к юбилею. Когда они спросили об этом дирижера симфонического оркестра Санкт-Петербургской филармонии Давида Бухина (живущего сейчас в Нью-Йорке), тот неожиданно быстро и взволнованно ответил: «Убеждать Киев, что бездействие в таком значимом деле, как празднование юбилея Гмыри на государственном уровне, является национальным позором, не стоит, потому что Гмыря является самой национальной идеей, такой необходимой сейчас независимой, но страждущей Украине?». То же могли сказать профессиональные классические музыканты многих стран мира, потому что Бориса Гмырю хорошо знают и там. Еще в 1962 году он был включен в Международную энциклопедию «Who is who?». Через тридцать лет певец попал в список самых известных украинцев за тысячелетнюю историю страны. Харьковчане же могут считать Бориса Романовича своим знаменитым земляком.

Борис Романович родился 23 июля (5 августа) 1903 года в городе Лебедине, ныне Сумской области, а тогда Харьковской губернии. Отец Роман Константинович Гмыря по специальности был рабочим-каменщиком, работал на кирпичном заводе. Семья сильно нуждалась, Гмыря рассказывал, что небольшой кусок хлеба приходилось резать ниткой. Уже в 11 лет Борис Романович вынужден был пойти на работу по найму. К этому моменту в его «активе» было лишь начальное образование в церковно-приходской школе. Гмыря перепробовал массу профессий. Поначалу был курьером в суде, в 16 лет попал в Севастополь, где работал грузчиком,

матросом, кочегаром. Успел будущий оперный артист побывать и секретарем общества «Долой неграмотность». В Харьков Борис Романович перебрался для того, чтобы получить высшее образование, – благо советская власть открыла двери вузов для выходцев из низших сословий. Вот только не каждый начнет усиленно учиться в возрасте 23 лет. Гмыря совмещал дневную работу с вечерними занятиями на рабфаке. Так продолжалось четыре года, после чего он, наконец, поступил в Харьковский инженерно-строительный институт.

Перед прилежным, трудолюбивым молодым человеком открывалась традиционная перспектива, инженерная карьера. Но было у Бориса Романовича еще одно увлечение, к которому он, впрочем, долго именно как к увлечению и относился. От матери Гмыря унаследовал музыкальность, любил петь, обладал красивым низким голосом с теплым, бархатным тембром – басом-кантанте. Он включился в студенческую самодеятельность: был и солистом, и запевалой, даже руководителем хора. А на третьем курсе ему пришла в голову мысль показаться специалисту. Так Бориса Романовича впервые увидел профессор Харьковской консерватории П. Голубев. Талантом великовозрастного студента-строителя профессор был поражен. «Материал профессиональный, – сказал он, – пению нужно учиться, но строительный институт надо окончить, чтобы специальность была». Для того чтобы получить разрешение на учебу сразу в двух вузах, обратились к самому наркому Скрыпнику (вот они – преимущества столичного положения города), и тот, якобы улыбаясь, спросил: «Вы что же, хотите сначала строить концертные залы, а потом в них петь?» Но разрешение дал.

Так началась инженерно-музыкальная жизнь. Кроме того, Гмыря на велосипеде через полгорода (жил Борис в районе Шатиловки) по вечерам ездил к Голубеву на квартиру, на дополнительные занятия вокалом. И не только вокалом. Жена Голубева вспоминала, что молодого лебединца не только избавляли от характерного акцента, но и учили правильно держаться в обществе, одеваться, вести себя за столом. «Гмыря выпитывал все, как губка», – говорила Голубева.

В 1933 году Роман Константинович умер, но мать Борису удалось поддержать. Смерть отца была не единственным изменением в личной жизни Гмыри. В Харькове он познакомился и женился на Анне Ивановне – тогда студентке педагогического института.

В 1935 году Борис Романович с отличием окончил инженерно-строительный институт, был выдвинут на научно-исследовательскую работу, но долго ею не занимался. Музыка стала главной и единственной профессией Гмыри. В консерватории Борис Романович быстро выделился среди своих однокурсников как талантливейший певец и один из самых серьезных студентов. В 1936 году, студентом третьего курса консерватории, он неожиданно для себя получил приглашение на работу в Харьковский оперный театр. И не просто на работу, а солистом. Два года Борис Романович пел небольшие партии, но наряду с ними ему стали поручать и первые роли: Томского в «Пиковой даме», Галицкого в «Князе Игоре», Вакулинчука из «Броненосца? Потемкина?», Половцева в «Поднятой целине».

Настоящая известность к Борису Романовичу пришла в 1939 году. В январе Гмыря принял участие во Всесоюзном конкурсе вокалистов в Москве, где ему была присуждена вторая премия и звание лауреата. В том же году осенью певец окончил с отличием Харьковскую консерваторию по классам П. Голубева (пение) и С. Масловской (сценическое мастерство). В «выпускной» опере консерватории Гмыря спел партию Бориса Годунова, которую традиционно исполняли не выпускники, а опытные певцы. Для Бориса Романовича было сделано исключение. Говорят, он замучил художественную руководительницу просьбами достать книги не только о самой партии в этой опере Мусоргского, но и о личности самого Годунова, об отношении к его фигуре Пушкина и т. д. Это серьезное отношение в работе над ролью отличало певца и впоследствии, все энциклопедии отмечают, что Гмыря достигал полного слияния музыкального и драматического начала в своих партиях. В недавно показанном по телевидению документальном фильме о знаменитом басы директор Пушкинского музея в Михайловском расска-

зывал интересные вещи о том, как готовящийся к очередному исполнению партии Годунова уже маститый певец Гмыря приезжал в музей, ходил по комнатам, просил разрешения спеть на крыльце, в комнате, посмотреть на рукописи поэмы. Все для того, чтобы лучше понять замысел великого поэта, атмосферу, в которой он писал!

Сразу по окончании консерватории Гмырю пригласили в Киевскую оперу. Он согласился – ведь столица-то уже находилась именно в Киеве, там открывались большие возможности для карьерного роста. Впрочем, в Киевском оперном театре все складывалось далеко не просто. Дело в том, что у Бориса Романовича был потрясающе широкий диапазон. Он в состоянии исполнять и партии баса, и баритона, и даже тенора! Некоторое время в «Тарасе Бульбе» Гмыря пел и партию Тараса (бас) и партию Андрея (тенор). Правда, злоупотреблять этими способностями не стоит, чтобы не потерять силу и красоту голоса. Но Гмыре стали регулярно давать и баритональные и тенорные партии. Однажды он даже написал специальное заявление на имя директора: «Прошу не загружать меня теноровыми партиями, поскольку это ведет к деградации голоса». В конце концов эксперименты прекратились. Вообще, все, кто имел дело с Борисом Романовичем, вспоминают, что его отношение к голосовым связкам было более чем трепетным. Одна из его младших коллег рассказывает, что однажды шла по улице в веселой компании и встретила Гмырю. Вечером корифей позвонил ей домой и отчитал: «Как Вы себя ведете. Вы шли по улице в распахнутом пальто и смеялись. Я уж не говорю, что на улице лучше вообще рот не открывать, но еще и смеяться!!!» По десять часов в день Гмыря проводил у рояля, курить бросил в молодости. Он говорил, что успехом обязан на 10 процентов таланту, а на 90 – труду. Кроме музыки, его увлекал еще ряд вещей – автомобили, охота (правда, рассказывают, что ружье свое он так ни разу и не разрядил – ходил, смотрел). Находясь на гастролях, Борис Романович в свободное время обязательно посещал музеи. К деньгам относился спокойно, к моменту его смерти на книжке знаменитого баса было 434 рубля.

Судьбу певца в значительной мере определили события Великой Отечественной войны. Когда она началась, Борис Гмыря с женой находился в Крыму. Они выехали не в Киев, а в Харьков, но не успели на поезд, с которым отбывали местные артисты. К несчастью, певец в это время заболел, и его супруга больше времени посвящала уходу за прикованным к постели мужем, чем поисками возможности покинуть город. В результате, когда состояние здоровья Бориса Романовича улучшилось, немцы уже заняли Харьков. В сезон 1941/42 года Гмыря выступал в местном театре, пел партии Сусанина, Тараса Бульбы, Коллена в «Богеме», Рокко в бетховенском «Фиделио». Немцы относились к большому певцу с уважением. Дальше начинаются легенды. Говорят, что певца возили в Германию, где он выступал специально для Гитлера. Но это, скорее всего, неправда. Еще говорят, что лично Кох дал приказ забрать певца при отступлении живым или мертвым. Борис Романович действительно оставил город вместе с немцами, когда летом 1943 года Харьков брали советские войска. Не исключено, что певец справедливо опасался, что Советы не простят ему «сотрудничества с нацистами». (Если уж анкеты сотен тысяч обычных людей были навсегда испорчены отметкой о «пребывании на оккупированной территории», то что говорить о заметных фигурах типа Гмыри!) Но в результате Борис Романович не покинул пределов Украины. По одним данным, он сбежал из обоза под Полтавой с молчаливого согласия местного немецкого гарнизонного руководства. По другим, что просто находился в обозе, отбитом советскими частями. Судьба Бориса Гмыри могла сложиться трагически, но спасло имя. Творчество Гмыри знали и любили Хрущев и Сталин. Первый выпросил разрешения у второго, и Гмырю определили опять в Киевский оперный театр. За границу с тех пор его выпускали не дальше соцлагеря²⁰. Немало было обвинений и со стороны коллег по работе – постоянные доносы, заявления о «нежелании петь с изменником»

²⁰ А приглашали его и Метрополитен, и Ла-Скала, и Гранд-опера. Да и Большой театр принял бы с распростертыми объятиями. Но покидать Украину Борис Романович не хотел.

и т. д. Никита Сергеевич писал об этом: «Я знал, откуда это исходит; тут был и патриотизм, но была и конкуренция? Копаться сейчас в этом, отыскивая виновных и наказывая всех тех, кто оставался при немцах, надо с умом».

На оперной сцене Борис Романович исполнил все главные басовые партии – Мефистофеля, Сусанина, Годунова, Мельника из «Русалки» Даргомыжского. Прекрасно исполнял он роль Тараса Бульбы. Был и ряд партий в современных операх – Кривонос в «Богдане Хмельницком» Данькевича, Валько в «Молодой гвардии» Мейтуса. Любимым своим композитором Борис Гмыря называл Мусоргского, а последнюю оперную партию – Сальери – исполнил в концертной постановке оперы Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери» в 1962 году. Кстати, в этой постановке Гмыря выступил и в качестве режиссера.

К этому моменту певец уже оставил оперный театр. Отношения там оставались крайне напряженными. Последней каплей стала история с оперой «Князь Игорь». Однажды Гмыря пришел домой и сказал жене: «Знаешь, наконец мне удался Галицкий. Я нашел правильную трактовку». Но на следующий день в Опере уже висел выговор певцу за произвол на сцене. Его обвинили в том, что такая трактовка образа способствует растлению молодежи. (Это-то партия Галицкого в «Князе Игоре» в исполнении лучшего украинского классического баса Гмыри на сцене Киевского оперного театра «способствует»! Сейчас это кажется даже смешным.) Борис Романович пришел домой, написал заявление об уходе и отнес его в театр, а накануне сказал: «То, что мне ставят в заслугу все дирижеры мира, – мою музыкальность, здесь мне вменили в вину. Я не могу оставаться в театре!» Произошло это в 1953 году. За два года до этого, во время декады украинского искусства в Москве, Гмыре присвоили звание народного артиста СССР. (Рассказывают, что Сталин лично на поданном ему на подпись указе зачеркнул «УССР», написав «СССР». Еще пишут, что на даче у «вождя народов» хранились пластинки с записями Гмыри, многие из которых были помечены жирными плюсами.) В 1952 году Борис Романович был отмечен Государственной премией.

Оставив театральную сцену, Гмыря продолжил гастрольные и выступления в качестве камерного певца. Камерные записи составляют значительную часть всего наследия Бориса Романовича. Особенно же стоит отметить исполнение многочисленных украинских песен, среди которых и богатая «Шевченкиана». В концертном репертуаре певца было много романсов украинских композиторов – Лысенко, Степового, Стеценко, Косенко. Целые программы народных песен были подготовлены и исполнены артистом совместно с Государственной капеллой бандуристов и Государственной хоровой капеллой Украины «Думка». Певец часто был первым исполнителем сочинений советских композиторов. Среди таких премьер – вокальный цикл Д. Шостаковича «Пять романсов на стихи Е. Долматовского», написанный в 1954 году специально для Гмыри. (Говорят, Дмитрий Дмитриевич расплакался при первом репетиционном исполнении украинским певцом одного из романсов.) Всего вокальное наследие Гмыри состоит из 75 оперных арий, 545 камерных произведений (150 украинских народных песен, 290 украинских, русских и западно-европейских романсов и проч.), многих вокальных циклов.

Вторую, послевоенную часть своей жизни Борис Гмыря почти всю прожил со своей второй женой – Верой Августовной, биологом по специальности. Познакомились они на Кавказе, куда певец привез свою первую, безнадежно больную супругу. Именно Анна Ивановна в личной беседе попросила Веру Августовну стать женой Гмыри. «Лучшей ему не найти!» – заявила мужественная женщина. Борис Романович относился к Вере с большой нежностью, писал трогательные письма из частых отлучек, на киевских концертах всегда искал ее глазами. Как-то жена спросила его, не жалеет ли он, что у них нет детей. «Наши дети – это мои песни!» – ответил ей Гмыря.

Борис Романович умер, не дожив до очередного дня рождения всего четыре дня. Обширный инфаркт случился 1 августа 1969 года. Его похоронили на Байковом кладбище. В послед-

ний путь певца провожала капелла бандуристов песней «Чуєш, брате мій». Вера Августовна смогла сохранить множество ценнейших записей покойного мужа. Квартира певца была превращена в музей. В 2003 году его голос снова зазвучал по радио и с экранов телевизоров, была выпущена юбилейная монета, посвященная певцу. Фонд Гмыри, которым руководит энергичная Анна Принц, издал шесть компакт-дисков с теми самыми сохраненными записями²¹. В Киеве одна из улиц получила имя Бориса Романовича. Просьба об аналогичном переименовании улицы Ленина или Красных летчиков подавалась и в городской совет Харькова. Чем это закончилось, автору неизвестно.

²¹ Приходилось читать, что общий тираж всех изданных в мире пластинок с записями Гмыри достигает миллиарда.

Гризодубова Валентина Степановна

(род. в 1910 (или в 1909) г. – ум. в 1993 г.)

Прославленная советская летчица, руководила рекордным беспосадочным перелетом Москва – Дальний Восток.

Все мы сейчас отлично подкованы по части критического отношения к официальной советской истории – той, что многие учили в школе и вузах. Мы знаем истинную человеческую цену революции и Гражданской войне; вряд ли кто-то всерьез может говорить о многочисленных врагах народа в 30-е годы, об успехах советского сельского хозяйства или о свободе коммунистической печати. Да и к разговорам о дешевизне и комфорте в более спокойные – застойные времена многие справедливо относятся с изрядной долей скепсиса. И в одном ряду символов эпохи вместе с вождями и их свитой, председателями, секретарями и наркомками оказались ударники, герои войны, обладатели мировых рекордов. Не стоит сомневаться в том, что многие из этих рекордов – не более чем легенды. Все было не совсем так или совсем не так – и условия создавали для героев соответствующие, и на аварии и неполадки глаза закрывали, и кто-то со своим достижением был «задвинут» и «забыт», чтобы «не путать» советский народ. (Говоря словами харьковских писателей Олди, «герой должен быть один» – в шахте, у станка, на небе, в поле.) Только вот ведь какая штука – многие действительно «совершали» – и летали, и бросались грудью на амбразуру, и возводили в немыслимые сроки огромные заводы, и дрейфовали на льдинах. Не ради Сталина, Молотова, Постышева... Ради себя, ради соотечественников, ради Родины. А Родина – она одна, все остальное многообразие – прилагательные.

Стаханов, Ангелина, Чкалов – советский пантеон 30-х годов. И в нем на видном месте харьковчанка Валентина Степановна Гризодубова, выдающаяся летчица, первая женщина Герой Советского Союза, командир знаменитого экипажа, совершившего на тяжелом самолете рекордный беспосадочный перелет. Гризодубова? Осипенко? Раскова – еще сравнительно недавно эта триада в голове советского человека сидела крепче, чем сейчас Джонсон энд Джон-

сон. Валентина Степановна не жила после легендарного перелета лишь этим своим подвигом до самой смерти. Гризодубова была одной из самых активных фигур в отечественной авиации, совершила еще немало героических поступков, руководила масштабными проектами. Может быть, поэтому к ней никак нельзя применить столь излюбленный сентиментальными публицистами штамп, как забвение.

Валентина родилась в Харькове... Стоп. Да не знает никто толком, когда она родилась! Во многих справочниках указана дата 31 января 1910 года (по новому стилю). Но сравнительно недавно директор Харьковского музея-квартиры им. Гризодубовых в архиве открыл, возможно, истинную дату появления на свет Валентины Степановны – 27 апреля (по старому стилю) 1909 года. Будем, пожалуй, верить тому, кто специально занимается сохранением памяти семьи Гризодубовых.

Семья, надо сказать, была исключительно примечательная. Да настолько, что отец Валентины Степановны и сам вполне заслуживает отдельного повествования в этой книге. Степан Васильевич Гризодубов, по образованию и месту службы к моменту рождения дочери – инженер-железнодорожник, по праву считается одним из первых российских (и уж точно – первым харьковским) авиаторов. Не имея никаких специальных документов и подготовки, Степан Васильевич увлекся конструированием летательных аппаратов. Раздобыв где-то пленку с записью знаменитого полета самолета братьев Райт, Гризодубов воспроизвел, как мог, конструкцию, сам же занялся изготовлением всех деталей, включая специальный мотор. Он изготовил несколько самолетов, используя для каждой новой модели какие-то детали и узлы от предыдущих. На одной из машин, особенно удачной, харьковский авиатор совершил много полетов, а в один из них взял и двухлетнюю дочь. Фотография летчика с девочкой, прикрепленной к нему ремнями, обошла все российские газеты. Взлет состоялся с Харьковского ипподрома. Большую же часть своих аппаратов Гризодубов конструировал на даче в Липовой Роще. Особенно Гризодубова увлекал планеризм. В этом деле он был признанным авторитетом. Вообще, Степан Васильевич был изобретателем от Бога – он разрабатывал оборудование для шахт, сам собрал аэросани, занимался сельскохозяйственной техникой и очень серьезно – фотографией.

Но авиация была главной любовью талантливого инженера. Десятки харьковских мальчишек перебивали в подвале квартиры Гризодубовых на улице Мироносицкой, где пахло бензином, на стенах висели пропеллеры, лежали детали. Любила там бывать и Валя.

Жена Степана Васильевича Надежда Андреевна зарабатывала на жизнь, работая швей-модисткой. Вероятно, женщиной она была терпеливой и волевой. (Представьте себе, что значит жить с таким «сумасшедшим» человеком, как Степан Васильевич Гризодубов.) Она очень любила музыку, хорошо пела. Надежда Андреевна мечтала о том, что ее дочь будет причастна к высокому искусству. Валентина начала рано заниматься музыкой, окончила музыкальную школу по классу рояля, поступила в консерваторию. Главная советская летчица потом поражала публику своим виртуозным владением инструментом, даже давала частные уроки. Вот только тяга к небу все-таки победила в ней любовь к музыке. Поэтому одновременно с консерваторией она поступает в Харьковский технологический институт.

Конечно, еще до поступления Валя Гризодубова уже очень много знала о самолетах, планерах, летном искусстве. Дочь всячески помогала отцу. Тем более, что после революции и Гражданской войны советская власть стала уделять особое внимание развитию авиации, а Степан Васильевич оказался руководителем местного аэроклуба. Когда Валентине было 14 лет, она вместе с отцом и его учениками поехала в Коктебель на планерный слет. (Среди его участников был и Сергей Королев. Валентина Степановна вспоминает, что тот дернул ее за косу, за что тут же получил по голове – и больно, рука у молодой красивой летчицы уже тогда была тяжелой, недаром девочка некоторое время занималась боксом?) Там Гризодубова совершила самостоятельный полет на планере, после чего твердо заявила, что и дальше хочет летать.

В 1928 году в Харькове открыли летную школу гражданских пилотов Осоавиахима. В первом же наборе была и дочь Степана Васильевича. За три месяца она окончила эту школу со званием пилота. А вот в поступлении в Пензенскую школу летчиков-инструкторов ей отказали – не хотели видеть в качестве инструктора женщину. Пришлось жаловаться, ходить по инстанциям – это умение Гризодубовой очень пригодилось в будущем. Валентина Степановна дошла до Орджоникидзе, личное вмешательство которого открыло перед молодой летчицей двери Пензенской школы. После ее окончания Гризодубова работала инструктором в Туле. Валентина Степановна лично подготовила 86 летчиков, в том числе первого дважды Героя Советского Союза за время Великой Отечественной войны Бориса Сафонова. Мужчины-курсанты быстро забывали о том, что ими занимается женщина. Гризодубова демонстрировала зрелое владение летным искусством, мужество, а не женственность в полете. Например, не раз выбиралась из кабины летящего самолета и стояла на его крыле, доказывая надежность машины.

В 1934 году Гризодубова была зачислена в штат агитэскадрильи им. М. Горького. Здесь она летала на самолете «Орденосная? Работница?» (деньги на самолет собирали читательницы главного советского журнала для женщин). Голубой самолет Гризодубовой побывал в агитполетах над самыми отдаленными, глухими уголками Союза. Машина Валентины и ее напарницы – Екатерины Слобоженко всегда содержалась в полном порядке. А женщины-летчицы подбирали летные костюмы под цвет самолета: для белого – белый, для голубого – голубой.

С 1936 года Валентина Степановна уже находилась в рядах Красной Армии. В это время Гризодубова начинает бить рекорды – мода тогда была такая. До своего знаменитого перелета на Дальний Восток, о котором пойдет речь дальше, Валентина Степановна поставила пять мировых рекордов на легкомоторных самолетах конструкции Яковлева. Это были рекорды скорости, высоты и дальности полета. В 1937 году Гризодубова была избрана депутатом Верховного Совета СССР первого созыва, в ее копилке уже были государственные награды: за работу в агитэскадрилье в 1936-м ей был вручен орден Трудового Красного Знамени; за выдающиеся достижения в освоении авиационной техники и установление мировых рекордов В. С. Гризодубова в конце 1937 года была награждена орденом Красной Звезды.

Наконец пришел 1938 год. Перед Гризодубовой была поставлена новая задача – побить рекорд дальности полета на тяжелом самолете. В то время он принадлежал француженке Дюперон – 4360 км. Известный летчик Михаил Громов рассказывает, что, когда его вызвали и спросили, может ли Гризодубова справиться с поставленным заданием, он ответил: «Если кто и может, то она». Началась подготовка к полету. Валентина Степановна сама подыскивала своих спутниц. Одной из них сразу стала талантливый штурман Марина Раскова. С ней Гризодубова уже успела совершить один подвиг – перелет по маршруту Москва? Актюбинск. Раскова же, в свою очередь, летала и без Валентины, участвовала в сверхдальнем перелете Севастополь? Архангельск. В последнем перелете командиром экипажа была Полина Денисовна Осипенко. Она родилась в 1907 году в селе Новоспасском на Днепропетровщине в бедной крестьянской семье. Была в ней девятым ребенком. Работала нянькой, батрачила у помещика, плела лапти... После революции смогла поступить на животноводческие курсы, стала работать птичницей в колхозе. «Нам говорили, – вспоминала она впоследствии, – что курица не летает, потому что она не птица». Но однажды возле села совершил вынужденную посадку самолет. Полину поразило, что в экипаже была женщина. Этот эпизод изменил все ее представления. Полина поехала в Качинск, поступила там в летную школу. В газетах стало появляться ее имя как мастера высотных полетов. 2 июня 1938 года мир облетело известие о беспосадочном полете Полины Осипенко, Веры Ломако и Марины Расковой от Черного к Белому морю.

Гризодубова сомневалась, что столь прославленная летчица согласится лететь вторым пилотом, но Осипенко ответила на «пригласительную» телеграмму немедленным согласием.

Тренировались будущие рекордсменки на Ходынском поле. Не все складывалось гладко. Многие не хотели допустить к подвигу женщин, среди которых была строптивая, а потому имевшая немало недоброжелателей Гризодубова. Так, однажды для тренировочного полета женщинам дали самолет ТБ-3, который был совершенно незнаком никому из членов экипажа. Но Валентина Степановна смело вошла в кабину самолета. Ее муж – летчик Виктор Александрович Соколов – незаметно пробрался в самолет и при посадке отодвинул от пульта руку оторопевшей от неожиданности супруги.

В конце концов был назначен день полета. Экипаж под командованием Гризодубовой должен был совершить беспосадочный перелет Москва? Дальний Восток на двухмоторном бомбардировщике дальнего действия (ДБ-2) АНТ-37 «Родина» конструкции П. Сухого, работавшего в то время в КБ Туполева. Без нагрузки его дальность полета могла быть примерно 7 тысяч километров. Полетный вес машины свыше 10 тонн, половина из него приходилась на горючее, залитое в крыльевые баки. Экипаж знал, что запасные аэродромы будут предоставлены им только после преодоления отметки «четыре тысячи километров».

В 8 часов 12 минут 24 сентября 1938 года «Родина» взлетела со Щелковского аэродрома. Уже очень скоро летчицы поняли, что речь идет не только о рекорде, речь шла об их жизни. Через 150 километров после взлета самолет вошел в облачность, на подходе к Новосибирску у машины началось обледенение. Гризодубова подняла самолет вверх, на высоте в 6 с половиной тысяч метров началась болтанка, и командир повела машину еще выше – на высоту 7450 метров. Женщины работали при лютom морозе в кислородных масках. За Красноярском перестала работать радиостанция «Родины», карты же Расковой уже вытянуло в люк. Далее лететь приходилось практически «на ощупь». По графику полета над Байкалом следовало изменить курс, чтобы выйти к Транссибирской магистрали. Но, не видя местности и не слыша радиомаяков, был риск невольно пересечь китайскую границу, и Гризодубова приказала двигаться вопреки плану только вперед, магнитный курс 90 – прямо к Тихому океану. Самолет вынырнул из облаков лишь над Охотским морем в районе Шантарских островов. После этого повернули на юг, курс – 270, к ближайшему аэродрому в Комсомольске-на-Амуре. В 10 часов утра 25 сентября внизу показались озера реки Амгунь. Горючего оставалось на полчаса полета. Валентина Степановна поняла, что придется садиться в аварийном режиме. При вынужденной посадке без шасси особому риску подвергалась передняя застекленная кабина машины, поэтому командир приказала Марине Расковой (она-то и находилась в этой части кабины) прыгать с парашютом. Так штурман оказалась одна посреди тайги. «Родина» тем временем совершила блестящую посадку прямо на лед небольшого болотца. При этом лишь немного погнулись лопасти винтов. Рекордный перелет продолжался 26 часов 29 минут. Самолет преодолел по прямой 5908 километров.

Страна начала поиски героев. Для этого были мобилизованы 50 самолетов, сотни пеших отрядов. Не обошлось без трагедии. Два поисковых самолета столкнулись в воздухе, погибли в тайге 16 поисковиков. Но все-таки летчиц нашли – это произошло 3 октября в 1 час 30 минут по местному времени. Гризодубову и Осипенко увидели члены экипажа биплана-разведчика Р-5 во главе с М. Сахаровым. В Москву ушло сообщение: «Самолет «Родина» находится в 14 км северо-восточнее Дуки, в 5 км от реки Амгунь». Наутро летчики сбросили на парашютах резиновые сапоги, термосы с горячим какао, шоколад, помидоры и карту района. Еще через сутки на парашютах прыгнули спортивные комиссары, отвечающие за сохранность барографов – приборов, зафиксировавших беспосадочность полета, а также военврач. К вечеру проводник эвенк Максимов привел поисковый отряд.

Заработала походная радиостанция. Только 5 октября подошла к самолету Марина Раскова. Девять суток она шла по тайге – чем не сюжет для Джека Лондона или Бориса Полевых! Отряд добрался до находившегося относительно недалеко поселка Керби, затем до Комсомольска-на-Амуре и до Хабаровска. В Москву летчицы отправились поездом. Естественно,

на всем пути следования в столицу на станциях их встречали толпы людей с цветами и музыкой. «Родину» же увел из тайги зимой Виктор Соколов. Машина находилась на удивление в приличном состоянии.

Валентина Гризодубова, как и ее спутницы, была награждена Звездой Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина. Ее слава, наверное, не уступала славе Валерия Чкалова. Гризодубову принимали в самых верхах, к ней благоволил Сталин. (Хотя Гризодубова редко встречалась с ним лично и впоследствии считала, что он был главной жертвой системы.) У Гризодубовой появился личный автомобиль «Опель-кадет»... В 1939 году она становится руководителем Управления международных воздушных линий. Менее известно, что тогда же в ее ведении оказывается германско-советская авиакомпания «Деурлюф», самолеты которой выполняли в начале Второй мировой войны (когда в отношениях Третьего рейха и СССР наблюдалась, по крайней мере, видимость дружбы и сотрудничества) спецзадания во Франции, Голландии, Англии, Бельгии и, конечно, Польше, которая была занята практически одновременно войсками двух могучих соседей.

Вот здесь стала уже полностью проявляться неуступчивость, честность, настоящая смелость прославленной летчицы. В отличие от многих современников, Гризодубова восприняла свое положение, свою должность депутата за чистую монету, считала своим долгом выступать в защиту несправедливо, по ее мнению, обиженных, арестованных, репрессированных любым другим способом. А таких в то время было ой как много! Еще в Комсомольске сопровождающие героинь лица были шокированы разговором Валентины с матерью. Та прямо в радиэфире пожаловалась дочери на то, что в Хабаровске арестованы давние друзья Вали – летчики Евгения Лемешонок и Леонид Митюшкин, и Гризодубова в том же эфире пообещала разобраться. Вскоре супруги были освобождены. Когда же Гризодубова объявилась в Москве, ее деятельность только активизировалась. В столицу полетели письма с адресами «Москва, Кремль. Сталину и Гризодубовой», а Валентина как депутат, герой, народная любимица рассылала гневные обращения в Верховный суд и прокуратуру, партийные и советские органы власти, лично обращалась к высокопоставленным чиновникам сталинского аппарата. Эту свою работу она продолжала и после войны, заступалась за лишенных работы, испытывающих гонения летчиков, не раз сталкивалась с самим Лаврентием Берия. Рассказывают, что однажды она сказала всесильному и страшному наркомму, что не выйдет из его кабинета, пока своими глазами не увидит в окно, как выводят из помещения НКВД и отправляют домой одного из подчиненных Гризодубовой. В другой раз тот же Берия, отличавшийся, как известно, большой любовью к женщинам, услышал от одной из первых советских красавиц – Гризодубовой: «Если вы не перестанете ко мне приставать, я об этом сообщу Иосифу Виссарионовичу». Только за период с 1948 по 1951 год в личной папке летчицы обнаружено около пяти тысяч ходатайств.

Наиболее известный случай заступничества Гризодубовой – это история с Королевым. Будущий главный конструктор советских космических аппаратов был арестован и отправлен под Магадан на золотые прииски в 1939 году. В одном из своих писем он намекнул матери, откуда можно ждать поддержки, и та отправилась к Гризодубовым. Ее приняла Надежда Андреевна, которая вела немалую часть всей переписки героической дочери. (В Верховном суде уже усмехались, видя очередное ее письмо, говорили: «Опять послание бабушки Гризодубовой!») Вскоре Валентина Степановна и Михаил Громов передали через Поскребышева письмо Сталину, и Королев был переведен в «шарашку». Его мать не знала, как и благодарить семью Гризодубовых, но сама Валентина так и не подружилась со спасенным ею конструктором – в будущем она не смогла простить ему развод с первой женой. В этих вопросах летчица была так же непреклонна, как и отстаивая право на жизнь и работу репрессированных соотечественников. У самой Гризодубовой и Соколова родился сын. Горести не обошли Валентину Степановну – она пережила и родителей, и супруга, и даже сына.

Вскоре после начала войны Гризодубовой было поручено организовать и возглавить авиаполк дальних бомбардировщиков, укомплектовав его недавними гражданскими пилотами. Так появился 101-й авиаполк (впоследствии 31-й гвардейский авиаполк). Летали на самолетах Ли-2. Казалось бы, Гризодубовой уже хватает славы рекордсменки, народной защитницы, руководительницы крупного предприятия, но нет, она проявила себя и на войне. Летчики 101-го полка славно потрудились для Родины, для победы. Самолеты Гризодубовой помогали жителям блокадного Ленинграда, но еще более помогали партизанскому движению в Белоруссии и Украине. Дальние бомбардировщики использовались для связи с центрами партизанского движения, передавали грузы – пищу, боеприпасы, подвозили подкрепления, эвакуировали женщин, детей, раненых. (За время войны полк Валентины Степановны вывез на «Большую землю» около четырех тысяч детей.) Гризодубова лично совершила 200 боевых вылетов, из которых 132 – ночных. При этом «сверху» пришел приказ – запретить ей брать в полет парашют. Руководство по определенным причинам очень не хотело, чтобы подполковник Гризодубова²² попала в руки немцев.

В письмах мужу Валентина Степановна жаловалась, что ее людям поручают самую тяжелую, самую опасную работу, ее офицеров переманивают в другие части. Все-таки многим не давала покоя женщина-командир. Тем более, что под ее руководством находился полностью мужской полк («300 мужчин и одна женщина» – так в шутку называли это формирование). Но не так-то легко было увести из полка летчиков – мужчины быстро проникались самым глубоким уважением к своему командиру, называли ее «матушкой». «Матушка» умела не только защитить своих подопечных от произвола властей, могла и матом обложить, и продемонстрировать чудеса смелости. Однажды она лично спасла из огня летчиков горевшего самолета, в то время как офицеры соседней эскадрильи боялись подойти к машине, ожидая взрыва. Один из летчиков все же сгорел. Валентина Степановна обошла по очереди всех «соседей» и каждому в лицо произнесла «трус, мерзавец». Состоялся суд офицерской чести над обидевшей летчиков Гризодубовой. Судья спросил у нее, как она оскорбляла своих «боевых товарищей». Гризодубова прошла вдоль ряда «истцов» и еще раз произнесла те же слова, после чего сказала: «Как офицер, я бы оскорблять вас не стала, а вызвала бы на дуэль. Считайте, что я вас оскорбила как женщина, поэтому предлагаю застрелиться самим».

В 1945 году Гризодубова была награждена орденом Отечественной войны I степени. Еще до окончания боевых действий она возглавила Антифашистский комитет советских женщин, кроме того, была введена в состав Чрезвычайной комиссии по расследованию фашистских преступлений на оккупированных территориях. Повела она себя так же жестко, как и обычно, – лично добивалась самых суровых мер для пособников немцев, в том числе для тех, кто сожительствовавал с германскими солдатами.

После войны Валентине Степановне предлагали взять авиадивизию, но она ответила, что в мирное время хочет заниматься мирной работой. Впрочем, доставшаяся ей работа мирной была лишь относительно. Гризодубова стала заместителем по летной части директора НИИ-17, в котором велись основные работы по техническому совершенствованию советской авиации. В руках Валентины Гризодубовой оказалось все, что касается летных испытаний. Кроме того, она активно работала над испытанием радиолокационного оборудования (панорамных радиолокаторов, затем станций перехвата и прицеливания и т. д.). На этом своем посту Валентина Степановна оставалась до 1963 года. После этого возглавила созданный по ее же инициативе уникальный Научно-исследовательский летно-испытательный центр, где испытывалась новейшая авиационная электроника. Естественно, об этой работе бывшей «сталинской орлицы» пресса особенно не распространялась. В 1972 году Гризодубова вернулась в Московский НИИ приборостроения (так в 1967 году стал называться упомянутый НИИ-17).

²² Звание подполковника она получила в начале войны, а в 1943 году стала полковником.

В 1986 году Валентина Степановна Гризодубова стала Героем Социалистического Труда. Через семь лет – 28 апреля 1993 года она умерла в Москве от внутреннего кровоизлияния, связанного с открывшейся язвой желудка. Похоронена она на Новодевичьем кладбище.

Многие города бывшего Советского Союза хранят память о выдающейся советской женщине. Ее имя, например, в списках почетных жителей Пензы, во Владивостоке и других городах есть улицы ее имени. В Москве на Кутузовском проспекте перед зданием МНИИП установлен памятник знаменитой летчице. В Харькове в квартире Гризодубовых в начале 70-х годов был открыт музей истории авиации. В 1986 году дом объявили историческим памятником, в 1992-м квартира превратилась в аэрокосмический музей, и, наконец, в 1999 году городские власти дали добро на создание мемориального музея-квартиры семьи Гризодубовых. В 2004 году перед Дворцом культуры Харьковского электромеханического завода был установлен памятный камень в честь Валентины Гризодубовой, на этом месте будет сооружен памятник, на который объявлен сбор средств.

Гулак-Артемовский Петр Петрович

(род. в 1790 г. – ум. в 1865 г.)

Поэт, писатель, переводчик.

Один из признанных классиков украинской литературы, создатель жанра баек.

Ректор Харьковского университета (1841–1849).

Среди немногих сохранившихся от старого кладбища могил на территории нынешнего Молодежного парка есть могила известного украинского литератора Петра Петровича Гулака-Артемовского. Вероятно, в нем советская власть видела лишь представителя демократического направления в украинской литературе, защитника крепостных крестьян.

Однако биография Петра Петровича не позволяет говорить о нем как о поэте-демократе, чуть ли не революционере. Власти в свое время были вынуждены признать полную его благонадежность. И совершенно справедливо.

Петр Гулак-Артемовский родился в семье священника. Это произошло 16 января 1790 года в поселке Городище Киевской губернии (сейчас Черкасская область). Гулаки – старинный казацкий богатый род, уже в XVIII веке хутором Гулакивщина в этих местах владел Патрикей Гулак-Артемовский. Большинство его потомков становились священнослужителями. Такая же судьба ждала и Петра, и его брата Степана. Последний стал священником (а его сын Семен, племянник Петра Петровича, – известный композитор, автор оперы «Запорожец за Дунаем»). Петра же больше интересовал мир. Детство он провел в селе, где много общался с простыми крестьянами, в результате был отлично знаком с их нравами и обычаями, досконально владел украинским языком и любил его. С 11 лет Гулак-Артемовский учился в бурсе, а затем в 1811 году поступил в Киевскую академию. Ее он не закончил, ушел в 1814 году.

Несколько лет Петр Петрович был преподавателем в частных пансионах, в семьях польских помещиков на Волыни. Там Гулак-Артемовский усовершенствовал свое знание польского языка. К нему, как и ко всей польской культуре, он относился с большим почтением, польский

язык стал объектом его литературных и научных интересов. Кроме того, Петр Гулак-Артемовский знал и французский.

В 1816 году начинается харьковский, наиболее насыщенный период биографии Петра Петровича. В качестве вольного слушателя Гулак-Артемовский поступает на словесный факультет Харьковского университета, а вскоре уже числится в штате университета преподавателем польского языка. Одновременно его берут на работу преподавать французский воспитанницам Харьковского института благородных девиц.

В 1820 году Гулак-Артемовский возглавил кафедру российской истории. В 1821 году он защищает магистерскую диссертацию «О пользе истории вообще и преимущественно отечественной и о способе преподавания последней». Помимо истории и польского, он читает курсы по географии и статистике. К этому моменту многие уже говорят о Гулаке не только как об ученом или литераторе (об этой стороне его деятельности чуть позже), а как о талантливом администраторе. В 1829 году он становится ординарным профессором и деканом факультета. Вполне ожидаемо в 1841 году Петр Петрович стал ректором Харьковского университета и пробыл на этой должности до 1849 года. Кроме руководства университетом, есть у Петра Петровича и еще один интерес – развитие женского образования, с обязанностями ректора он совмещает обязанности заведующего учебной частью Харьковского и Полтавского институтов благородных девиц. Для воспитанниц он написал в свое время такие строки:

Плюнь, серце, на того, хто тобі сказав,
Що буцім Бог жінкам волосся довге дав
За те, що розум їм укоротив немало,
То погань так верзла, школярство так брехало...

В качестве одного из крупнейших руководителей сферы образования Гулак-Артемовский оказал большое влияние на судьбу многих талантливых уроженцев Малороссии. Так, например, известный поэт Метлинский жил в доме Петра Петровича, и тот помог поэту поступить в Харьковский университет. Оказывал содействие Гулак-Артемовский и выдающемуся слависту Измаилу Срезневскому.

Но еще большее влияние на умы представителей украинской интеллигенции он оказывал посредством литературных произведений.

Первые литературные опыты Гулака-Артемовского относятся еще к периоду его учебы в Киевской академии. Но с тех пор сохранились лишь некоторые отдельные строки. Активную же работу на сочинительском поприще он начинает лишь по приезде в Харьков. Он быстро завязывает дружеские отношения со всеми уважаемыми Квиткой-Основьяненко, Гонорским, Филомафитским. Вскоре его начинают печатать на страницах основанного Квиткой «Украинского вестника». Жанр произведений Гулака обусловлен сферой его профессиональных интересов – это прежде всего переводы польских прозаических произведений, критические статьи польских писателей. В «Вестнике» печатается перевод с польского на русский язык повести «Бен-Грианан», очерк, написанный в подражание польской прозе, «Синонимы, задумчивость и размышление», оригинальный украинский стих «Настоящая доброта». А в 1818 году на страницах «Украинского вестника» появляется «сказка» «Пан и собака». В ней основу сюжета составила четырехстрочная басня поляка Игнатия Красицкого (священника, которого современники уважительно называли «польским Вольтером») «Pan i pies» и отдельные эпизоды другой басни того же автора «Pan niewart s?ug». Четыре строчки Красицкого Гулак-Артемовский превратил в несколько страниц, подробно изложив историю о псе Рябко, которого сначала побили за то, что лаял ночью, а на следующий день – за то, что не лаял. Сказка Гулака-Артемовского стала первой рифмованной байкой (басней) в украинской литературе. Считается, что она дала начало новому для Малороссии литературному жанру. Язык для своего произведе-

ния Петр Петрович выбрал украинский, близкий к разговорному. Это особенно восхищает (и восхищало уже тогда) его поклонников.

Не менее чем «остросоциальная» направленность данного сочинения. Действительно, в байке содержится явный намек на жестокое обращение с крепостными. Да и в своих последующих письмах автор не давал усомниться в своем отношении к крепостничеству. Так, он даже упрекал в недостаточном к этому внимании самого Григория Федоровича Квитку, правда, отмечая, что тот у себя в поместье не допускает особых ущемлений крестьян. Демократически настроенный Костомаров, на которого Гулак-Артемовский долгое время оказывал личное влияние (историк учился в Харьковском университете, был частым гостем в доме у ректора), в 1843 году в альманахе «Молодик» чрезвычайно высоко оценил байку «Пан и собака». После этой статьи вал хвалебных отзывов о литературном даровании ректора уже не прекращался (в том числе и после его смерти). Пантелеймон Кулиш писал, что если бы Гулак-Артемовский умер, написав только «Пана и собаку», то и тогда бы оставил неизгладимый след в украинской литературе. Писали, что байки Гулака-Артемовского многие его земляки знали наизусть, что он занял второе место в молодой украинской литературе после Ивана Котляревского. Теперь байку заучивают наизусть уже современные школьники.

А тем временем, многие исследователи признают творчество Гулака-Артемовского довольно слабым в художественном отношении. В ответ на восторженные отзывы о гулаковском «живом, разговорном, настоящем» украинском²³, они говорят, что «Пан и собака» написан нескладно, трудный для чтения; в произведении много лишнего, цезуры расставлены «где попало».

После «Пана и собаки» Гулак-Артемовский написал еще несколько баек: «Солопий и Хивря, или Горох на дороге» (направлена против Харьковского филотехнического общества домоводства), «Тюхтий и Чванько», «Дурак и умный», «Любопытный и молчун», «Врач и Здоровье», «Отец и сын», «Рыбка», «Две птицы в клетке». Трудился Гулак-Артемовский и на теоретическом поприще – опубликовал ряд исследований: «О поэзии и красноречии на Востоке», «О поэзии и красноречии у древних, и в особенности у греков и римлян».

В 1827 году уже на страницах «Вестника Европы» Петр Петрович выступил с «малороссийскими балладами» «Рыбак (перепев одноименного произведения Гете, ярко выраженного романтического направления)» и «Твардовский» (свободная переделка баллады Мицкевича «Пани Твардовская», основу которой составляет популярная в Европе легенда о дворянине, продающем душу дьяволу). «Твардовский» имел довольно значительный успех. С Адамом Мицкевичем Гулак-Артемовский свел личное знакомство в Харькове.

В том же 1827 году на страницах «Вестника» появились и переделки од Горация Гулака-Артемовского.

Но с конца 20-х годов Петр Петрович практически прекращает заниматься литературной деятельностью – так что во время своего ректорства он уже не писал. Многие считают, что Гулак перестал писать после обыска, устроенного в его доме по улице Садово-Куликовской (ныне Дарвина) по ложному доносу. Произошло это в 1831 году. В поисках крамолы полиция даже сорвала тротуарные плиты, но ничего не нашла. Петр Петрович, вероятно, решил больше не искушать судьбу и полностью переключился на преподавательскую деятельность. Только в последние годы жизни из-под пера харьковского автора вышел ряд лирических медитаций в народнопесенном духе.

²³ По поводу украинского языка Гулака-Артемовского существуют самые противоположные мнения. Некоторые специалисты считают, что этот писатель знал украинский «еще лучше, чем Квитка» и что именно Петр Петрович посоветовал своему прославленному коллеге писать на «малороссийском наречии». С другой стороны, пишут, что Квитка спорил с Гулаком-Артемовским, доказывая ему, что на украинском можно писать и глубокие, трогательные, умные произведения, а не только байки и стихи. Гулак, якобы, не верил в это.

Вся биография Гулака-Артемовского – одного из самых известных харьковчан – подтверждает, что человек он был ловкий, целенаправленно делающий карьеру, умеющий заводить нужные связи. Этот высокий мужчина с орлиным носом, по свидетельствам современников, держал себя важно, любил подарки: ордена, часы, перстни, звания. Ему в этом не отказывали – ректор Харьковского университета был избран членом нескольких научно-литературных обществ (в частности Московского общества любителей русской словесности, Королевского общества друзей науки в Варшаве). Кроме того, ГулакАртемовский был главой харьковских масонов – что, по сути, являлось свидетельством его действительно большого авторитета среди харьковской элиты. Парадоксально, но, несмотря на две высокие должности в Харькове, Гулак-Артемовский постоянно нуждался в деньгах.

Умер Петр Петрович 1 октября 1865 года. Произведения его изданы полностью лишь в 1878 году в Киеве, под заглавием: «Кобзарь Гулака-Артемовского», под редакцией профессора Потебни.

Гурченко Людмила Марковна

(род. в 1935 г.)

Популярная актриса и певица.

Вот уж кто действительно известен всему бывшему Союзу именно как харьковчанка, так это несравненная Людмила Марковна. Харьковский акцент, который во ВГИКе приравнялся к третьей группе инвалидности, нет-нет да и проскакивает в речи Гурченко. И она этим только гордится и не забывает напоминать на творческих встречах, пресс-конференциях, в передачах центральных каналов, что родилась в Харькове. Она постоянно посещает малую родину, читает стихи на украинском языке, Харькову отведено большое место в ее автобиографических книгах. Немудрено, что такая любовь отозвалась в душах харьковчан, которые во всех опросах называют Людмилу Гурченко самой известной жительницей Первой столицы.

Трудно отделаться от впечатления, что в фильмах «Карнавальная ночь», «Пять вечеров», «Вокзал на двоих» снимались совершенно разные артистки. Жизнерадостная и «вся такая воздушная» молоденькая Лена Крылова и умудренные опытом, битые жизнью «женщины средних лет»... Гурченко, которую мы знаем, может, и не состоялась бы, если бы не удары судьбы. Но поразительна не только перемена, произошедшая в этой женщине за годы, когда она не снималась. Не менее удивительно практическое отсутствие перемен за последние тридцать лет! Ведь что говорят о Людмиле Марковне, когда она появляется на экранах? «Боже, сколько ей лет?!» Осиная талия, полупрозрачные платья, танцы на высоких каблуках... Гурченко стала всенародно любимым феноменом.

Марк Гаврилович Гурченков (sic!) был родом из Смоленской области. В свое время он пас лошадей, потом подался в Кривой Рог, где работал на руднике. А затем был выдвинут на получение высшего образования. Марк поступил в Харьковский муздраминститут. Окончить его Гурченко (при записи в паспорте клерк не расслышал последнюю букву) не удалось – устроился массовиком в школу. Там он познакомился с секретарем местной комсомольской организации Леной Симоновой, отличницей и красавицей. 17-летняя Елена родила дочь. Когда

молодая жена была в роддоме, Марк Гаврилович не находил себе места, пошел в кино. Там шел фильм «Акулы Нью-Йорка» с главными героями Аланом и Люси. Так Гурченко и решил – если родится мальчик, будет Алан, если девочка – назовем Люси. Люси в загсе регистрировать отказались, а вот на Люсю, т. е. Людмилу, согласились. День ее рождения – 12 ноября, а год... Скрывать не будем, Гурченко сама с большой долей юмора относится к этой дате. Так и начинает свои выступления: «Год рождения мой вы знаете. Возраст – это мой единственный недостаток». Год – 1935.

О своем отце, «сильном, красивом, легком в движениях», так и не избавившемся от жуткого суржика, несмотря на институт, Людмила Марковна продолжает вспоминать с особой теплотой. Именно отец первым предрек дочери артистическое будущее. По семейному преданию, глядя на свою «клюковку» восьми дней от роду, он сказал: «Актрисой будешь. Ув обязательном порядке. Ее весь мир будет знать, а женихи уси окна повыбивают». Петя Люся действительно научилась раньше, чем говорить. Скоро артисткой ее называли все родственники и знакомые. Отец не устал просить дочь выступить на табуретке перед очередным гостем с какой-нибудь песней. Люся веселила слушателей не только азартным исполнением, но и энергичным притопыванием, прихлопыванием, танцем. Марк Гаврилович подбадривал Люсю: «Дочурка, глаза распрости ширей, весело влыбайсь и дуй свое!»

Первые годы своей жизни Людмила Гурченко провела в полуподвальной комнате в Мордвиновском переулке²⁴. Большой отпечаток на всю ее жизнь отложили воспоминания о войне. Марк Гаврилович ушел на фронт, а она с матерью осталась в оккупированном Харькове, видела казнь на Благовещенском базаре, газовые камеры на колесах, в кино смотрела немецкие фильмы. Там, между прочим, выучила шлягер «Лили Марлен» и однажды исполнила его с фирменной чечеткой для немецких солдат, когда они получали свою пайку у кухни. Немцы были в восторге, наделили маленькую харьковчанку именем Люси Марлен и одарили тарелкой фасолевого супа.

Семье Гурченко повезло. Кормилец вернулся с войны живым, привез дочери трофейное концертное платье. Заканчивала Людмила обычную десятилетку, на выпускном бале была в эффектном зеленом платье, пластмассовых ромашках в ушах и красных туфельках, которые справил ей отец у «лучшего харьковского сапожника». Когда в Москве Людмила Гурченко пришла в этом наряде и с яркими румянами на первое свидание, поклонник просто сбежал. Зато было соблюдено правило, внушаемое дочери старшим Гурченко: «Нехай уси будут як люди, а ты вертись, як черт на блюди. Такая это профессия». Занималась будущая звезда и в музыкальной школе, и в драматическом и танцевальном кружках при Дворце пионеров.

Поступать же Марк Гурченко советовал дочери только в Москве. Людмила так и сделала, в 1953 году сдала экзамены сразу в три вуза, одним из них был ВГИК. Конечно, именно его и выбрала Гурченко. Поступила в мастерскую Сергея Герасимова и Тамары Макаровой. Еще до окончания ВГИКа Людмила начала сниматься в фильмах. Первым ее таким опытом была роль в малоизвестном фильме Яна Фрида «Дорога правды». Но в этом же году она снялась и в другой, гораздо более известной картине.

Ее снимал молодой режиссер Эльдар Рязанов. Это был фильмкомедия о встрече Нового года, с главной моралью – меньше казенщины, больше жизни в области культуры (наступала оттепель). Людмила Гурченко не прошла пробы (говорит, что из-за неопытного кинооператора, который не смог отразить всю полноту ее музыкально-пластического таланта), но положение изменил Иван Пырьев, который курировал первую работу режиссера Рязанова. Он не только посоветовал ему взять в фильм Игоря Ильинского, но и заставил взять на роль Леночки Крыловой именно Гурченко. Пырьев наткнулся на студентку ВГИКа в коридоре «Мосфильма».

²⁴ Мордвиновский переулок (ныне это ул. Кравцова) – один из тех, что примыкал к улице Рымарской. Там, в частности, находится Планетарий.

Вот как рассказывает об этом эпизоде сама актриса. «На лице у меня было написано: «Все хочу, все могу, всех люблю, все нравится». Навстречу шел Иван Александрович Пырьев. Я еще больше завихляла, еще выше задрала подбородок. Пырьев поднял голову, увидел меня. Поморщился, а потом лицо его заинтересованно подсобралось, как будто он увидел диковинного зверька». Гурченко отлично исполнила свою роль, хотя лично Рязанова ее манерность раздражала. Успеху же фильма были одинаково поражены все, кто имел отношение к его созданию. Песни, исполненные Гурченко, мгновенно стали дико популярны, посыпались приглашения на концерты, праздники и т. д. и т. п. Поклонники поджидали Люсю у выходов и входов, разрывали на части одежду.

Первую свою зарплату Гурченко выслала в Харьков, а Марк Гаврилович едва ли не всему городу еще до выхода фильма успел рассказать о том, какой артисткой стала его дочурка. Показывал фотографии с Ильинским. Елена Александровна от смущения перебежала на другую сторону улицы, а муж указывал на нее пальцем и гордо заявлял: «А то ее мать!»

Люся Гурченко не испытывала недостатка в ухажерах, а после того как к ней пришло всенародное признание, тем более. Она вышла замуж за сына писателя Пильняка – Бориса Андроникашвили²⁵. В 1959 году у Гурченко родилась дочь – Маша. Рожала актриса в Харькове, когда ее уже шельмовали в прессе. Первые годы своей жизни Мария провела у бабушки Лели и дедушки Марка в Харькове. Когда мать, наконец, решила перевезти ее к себе в столицу, отношения у нее с дочерью сразу не сложились. Однажды Машенька собрала свои вещи – колготки, рубашонки, зайчиков и попыталась убежать из дома: «К бабе Леле в Харьков!»

Оглушительный успех сыграл с Людмилой Марковной злую шутку. Снятая вскоре после «Карнавальная ночь» «Девушка с гитарой» была откровенно слабым фильмом, и Гурченко в ней не впечатляла. Не удался и опыт новых съемок у Рязанова в фильме «Человек ниоткуда». Продолжались выступления на торжественных мероприятиях. После некоторых Гурченко вручали конверты с доплатой. И однажды «Комсомольская правда» ударила по актрисе разгромным фельетоном, в котором обвиняли ее в пошлости, шансонеточном исполнении песен, в «хи-хи, ха-ха», а главное – в погоне за левым заработком. Почин главной молодежной газеты страны вскоре поддержал «Советский экран». Людмила Марковна вспоминает, что даже в троллейбусе стали к ней обращаться люди: «Товарищ Гурченко, как же так?»

Началось тяжелейшее десятилетие в ее жизни. Попытка поработать в «Современнике» (1964-1966) закончилась через три года – три года второстепенных ролей. Затем было трехгодичное сотрудничество с Госконцертом, выступления на заштатных площадках, в глубинках, работа по договорам. В Театр сатиры Гурченко не взяли. Несмотря на роли в мелодраматических фильмах: «Гулящая», «Балтийское небо», «Женитьба Бальзамина», «Рабочий поселок»²⁶, большинство режиссеров не признавали в Людмиле разностороннюю, серьезную актрису. Для широкого зрителя Гурченко практически пропадает из виду. Только в нетопленных клубах с разбитым пианино на сцене заезжую актрису просят исполнить песни из фильма двенадцатилетней давности.

Тяжело складывалась и личная жизнь. На вопросы о том, помогали ли ей мужчины, актриса отвечает: «Когда один утопил, другой спасает. Потом он и топит». Людмила Гурченко часто находилась в депрессии, не могла найти человека, который стал бы ей опорой, а мужа, вероятно, не могли перенести мучений супруги. Тем более что при этом она обладала и обладает взрывным темпераментом, довольно тяжелым характером. После Бориса Андроникашвили был сын автора «Молодой гвардии» Александр Фадеев, потом Иосиф Кобзон, с которым сейчас Гурченко не здоровается и которого иначе как чудовищем и мерзавцем не называет.

²⁵ До него был еще один муж – писатель. Его имени Людмила Марковна предпочитает не называть.

²⁶ Эта картина, к сожалению, надолго оказалась на полке. А между тем, роль Марии Плещеевой специалисты называют одной из самых пронзительных в исполнении Гурченко.

(Сам певец и политик отзывается о ней более лояльно. Говорит, что как женщине Людмиле Марковне нет равных, полагает, что если бы жена родила ему ребенка, их брак продержался бы дольше.) Дольше всех в роли супруга продержался пианист Константин Купервейс. С ним в гражданском браке актриса прожила восемнадцать лет. Константин на тринадцать лет младше Людмилы Марковны и сейчас рассказывает, что его воля была полностью подавлена волей более опытной возлюбленной. На нем была вся домашняя работа, в титрах и на пластинках его имя не указывалось, даже если он принимал самое непосредственное участие в создании музыки и песен жены. Когда он однажды попытался «качать права», то натолкнулся на холодное «Что такое? Рабы взбунтовались?» Впрочем, примадонна российской культуры этого своего мужа тоже сейчас зовет подлецом. Этот брак Гурченко пришелся на значительно более успешный отрезок ее карьеры. Союз с Купервейсом распался в 1990 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.